

МИЭТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Экономические и социально-гуманитарные исследования

Научный журнал

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ПИ № ФС77-69191 от 24 марта 2017 г.
Распространяется по подписке
Подписной индекс
в ООО Агентство «Книга-Сервис»:
80114

№ 3(35)
Июль — сентябрь 2022 г.

ISSN 2409-1073
Издаётся с июня 2014 г. Выходит 4 раза в год

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Включен в Российский индекс научного цитирования.

MIET

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY OF ELECTRONIC
TECHNOLOGY

Economic and Social Research

Scientific Journal

Certificate of the journal registration
PI No. FS77-69191 was issued on 24 March 2017
The journal is distributed by subscription
Subscription index of LLC Agency «Book-Service»:
80114

No. 3(35)
2022 July – September

ISSN 2409-1073

Published since 2014. Quarterly (4 issues per year)

ESGI journal is included into the List of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission.

ESGI journal is included in Russian Science Citation Index.

© «Экономические и социально-гуманитарные исследования», 2022
© МИЭТ, 2022

© “Economic and Social Research”, 2022
© MIET, 2022

Главный редактор

Растимешина Т. В., доктор политических наук, доцент

Редакционный совет

Председатель редсовета

Анискин Ю. П., доктор экономических наук,
профессор, профессор НИУ МИЭТ

Сопредседатель редсовета

Чумаков А. Н., доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИФ РАН

Агапов В. С., д. психол. н., проф., РосНОУ

Андрющенко Е. В., д. филос. н., проф., РГСУ

Бертош Е. В., к. э. н., доц., зав. кафедрой, БНТУ
(Республика Беларусь)

Бондарева Я. В., д. филос. н., проф., МГОУ

Гагарин А. В., д. пед. н., проф., РАНХиГС

Гладков И. С., д. э. н., проф., гл. науч. сотр.,
ИДВ РАН

Данильченко А. В., д. экон. н., проф., декан, БНТУ
(Республика Беларусь)

Зазыкин В. Г., д. психол. н., проф.,
вед. науч. сотр., РГУ им. С. А. Есенина

Захлебныи А. Н., д. пед. н., проф., академик РАО,
Институт стратегии развития образования РАО

Инфантес Д., Dr. Sci. (Polit. Econ.), проф.,
Университет Калабрии (Италия)

Князев В. Н., д. филос. н., проф., МПГУ

Лаце Н., Dr. Sci. (Econ.), проф.,
Рижский университет (Латвия)

Лобастов Г. В., д. филос. н., проф., МАИ

Михалкин Н. В., д. филос. н., проф.,
зав. кафедрой, МГППУ

Моисеева Н. К., д. э. н., проф.,
проф.-конс., НИУ МИЭТ

Мрочко Л. В., д. филос. н., проф., МосГУ

Пирогов А. И., д. филос. н., проф., НИУ МИЭТ

Пылаева Т., Dr. Sci. (Econ.), проф., Евроакадемия
(Эстония)

Смирнова Ж. Вяч., PhD (Econ.), доц.,
Университет Калабрии (Италия)

Редакционная коллегия

Заместитель главного редактора

Пирогов А. И., доктор философских наук, профессор,
профессор НИУ МИЭТ

Алексеев С. В., д. пед. н., проф., СПб АППО

Алексеева И. Ю., д. филос. н., проф., вед. науч. сотр.,
ИФ РАН

Гуськова Н. Д., д. э. н., проф., МГУ им. Н. П. Огарева

Даниелян Н. В., д. филос. н., доц., проф., НИУ МИЭТ

Евдокимова М. Г., д. пед. н., доц.,
директор Ин-та ЛПО, НИУ МИЭТ

Еленева Ю. Я., д. э. н., проф., зав. кафедрой, МГТУ
«СТАНКИН»

Емец В. С., д. полит. н., проф., РЭУ им. Г. В.
Плеханова

Иванова Г. П., д. пед. н., проф., МГОУ

Ильин В. В., д. филос. н., проф.,
КФ МГТУ им. Н. Э. Баумана

Кальней В. А., д. пед. н.,
проф., МГУТУ им. К. Г. Разумовского (ПКУ)

Лукичева Л. И., д. э. н., проф., НИУ МИЭТ

Мамедов Н. М., д. филос. н., проф., РАНХиГС

Мушта А. А., к. филос. н., доц., вед. спец.,
Акад. управления при Президенте РБ
(Республика Беларусь)

Панов А. И., д. полит. н., проф., МГОУ

Прокофьев А. А., д. пед. н., к. ф.-м. н., доц.,
зав. кафедрой, НИУ МИЭТ

Родин В. Ф., д. пед. н., проф., Моск. ун-т МВД РФ
им. В. Я. Кикотя

Салимова Т. А., д. э. н., проф.,
декан, МГУ им. Н. П. Огарева

Смирнова Ж. Вен., к. пед. н., доц., зам. зав. кафедрой,
НГПУ им. Козьмы Минина

Степанов С. А., д. пед. н., проф., МНЭПУ

Стуканова С. С., д. э. н., доц., НИУ МИЭТ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 24 мая 2017 года.

Учредитель и издатель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники» (НИУ МИЭТ), 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1.

Заведующий редакцией — А. И. Пирогов
Научный редактор — Т. В. Растимешина
Выпускающий редактор — Ю. В. Лункина
Компьютерная верстка — С. О. Брылев

Ведущий редактор — Т. В. Растимешина
Редакторы — Е. В. Малинкина, А. В. Лобанова
Дизайнер обложки — С. Ю. Рыжков

Адрес редакции: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Тел.: 8-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Сайт:** <http://esgi-miet.ru>

Подписано в печать 20.09.2022. Формат бумаги 60×84 1/8. Цифровая печать.

Объем 24,0 усл. печ л., 18,2 уч. изд. л. Заказ № 24.

Отпечатано в типографии ИПК МИЭТ: 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, МИЭТ.

Editor-in-Chief

Rastimeshina T. V., Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

Editorial Board

Chairperson

Aniskin Yu. P., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Vice Chairperson

Chumakov A. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Acad. of REA, Lead. Res., Institute of Philosophy of RAS

Agapov V. S., Dr. Sci. (Psy.), Prof., Russian New University

Andriyenko E. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RSSU

Bertosh E. V., Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., BNTU (Republic of Belarus)

Bondareva Ya. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MRSU

Gagarin A. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., RANEPA

Gladkov I. S., Dr. Sci. (Econ.), Prof.,

Institute of Far Eastern Studies of RAS

Danilchenko A. V., Dr. Sci. (Econ.), Prof., BNTU

(Republic of Belarus)

Zazykin V. G., Dr. Sci. (Psy.), Prof.,

RSU n. for S. Yesenin

Zakhlebny A. N., Dr. Sci. (Ped.), Prof., Acad. of RAE,

Institute of Education Development Strategy of RAE

Infante D., Dr. Sci. (Polit. Econ.), Prof.,

University of Calabria (Italy)

Knyazev V. N., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MPGU

Lace N., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Riga Technical University (Latvia)

Lobastov G. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MAI

Mikhalkin N. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MSPPU

Moiseeva N. K., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mrochko L. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MosUH

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Polajeva T., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Euroacademy

(Estonia)

Smirnova J. V., PhD (Econ.), Prof.,

University of Calabria (Italy)

Publishing Board

Deputy Editor-in-Chief

Pirogov A. I., Dr. Sci. (Philos.), Prof., MIET

Alekseev S. V., Dr. Sci. (Ped.), Prof., SPb APPO

Alekseeva I. Yu., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Institute of Philosophy of RAS

Guskova N. D., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Ogarev Mordovia State University

Danielyan N. V., Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., MIET

Evdokimova M. G., Dr. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., MIET

Eleneva J. Ya., Dr. Sci. (Econ.), Prof., STANKIN

Emets V. S., Dr. Sci. (Polit.), Prof., PRUE

Ivanova G. P., Dr. Sci. (Ped.), Prof., MRSU

Ilyin V. V., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Kaluga Branch of BMSTU

Kalney V. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof., MSUTM

Lukicheva L. I., Dr. Sci. (Econ.), Prof., MIET

Mamedov N. M., Dr. Sci. (Philos.), Prof., RANEPA

Mushta A. A., Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lead. Analyst, APA RB (Republic of Belarus)

Panov A. I., Dr. Sci. (Polit.), Prof., MRSU

Prokofyev A. A., Dr. Sci. (Ped.), Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., MIET

Rodin V. F., Dr. Sci. (Ped.), Prof., Kikot Moscow

University of the Ministry of the Interior of Russia

Salimova T. A., Dr. Sci. (Econ.), Prof., Ogarev Mordovia State University

Smirnova Zh. V., Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Minin University

Stepanov S. A., Dr. Sci. (Ped.), Prof., IIUEPS/MNEPU

Stukanova S. S., Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., MIET

ESGI is a peer-reviewed scholarly journal registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation on March 24, 2017.

Founder and publisher: National Research University of Electronic Technology (MIET), 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1.

Managing editor — **A. I. Pirogov**

Science editor — **T. V. Rastimeshina**

Executive editor — **Yu. V. Lunkina**

Digital page makeup — **S. O. Brylev**

Senior editor — **T. V. Rastimeshina**

Editors — **E. V. Malinkina, A. V. Lobanova**

Cover designer — **S. Yu. Ryzhkov**

Address: Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

Tel.: +7-499-729-76-02

E-mail: esgi.miet@yandex.ru **Web:** <http://esgi-miet.ru>

Signed to print 20.09.2022. Sheet size 60×84 1/8. Digital printing.

Conventional printed sheets: 24.0. Published sheets: 18,2. Order No. 24.

Printed at MIET printing workshop: 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin square, Bld. 1, MIET.

СОДЕРЖАНИЕ

Экономика инновационного развития: теория и практика

<i>Лукичева Л. И., Егорычева Е. В., Егорычев А. Д.</i> Основные функции управления доменным именем как бизнес-активом	6
<i>Белоусова Н. Н., Плис Н. И.</i> Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения (окончание)	19
<i>Быстроев О. Ф., Солдянов М. В.</i> Сравнительный анализ и выбор криптовалюты для инвестиционных вложений	29
<i>Мрочко Л. В., Спиридонова Г. В.</i> Эволюционные аспекты брендинга в цифровых коммуникациях современного бизнеса	36
<i>Сучкова А. Ю., Игрунова О. М.</i> Использование инструментов дизайн-исследований при разработке инновационного цифрового продукта	48

Философия: мир в человеке и человек в мире

<i>Гвоздева Е. Н., Логинова Е. Г.</i> Социально-философские и педагогические аспекты становления профессиональной мобильности в билингвальной среде	59
<i>Ковалев А. А.</i> Феноменологический подход в государственном управлении: теоретический аспект	69
<i>Корниухов Д. В.</i> Лидерство как философская категория: подходы и дефиниции	80
<i>Лобастов Г. В.</i> Безмозглость и мозг	88
<i>Лункина Ю. В., Растилиешина Т. В.</i> Архаизация общественного сознания на фоне цифровой трансформации цивилизации	101
<i>Михайлова С. А., Хен Ю. В.</i> Глобальный эволюционизм, антропный принцип и устойчивое развитие в современной картине мира: научный и аксиологический аспекты	110
<i>Равочкин Н. Н., Григашкина С. И.</i> Философские основания корпоративной культуры современных организаций	124
<i>Растилиешина Т. В., Качуренко Д. С.</i> Законодательная и исполнительная ветви власти в системе разделения властей: социально-философские и административные аспекты	136
<i>Семенова Д. С.</i> Философия творчества С. Л. Франка: современные исследования и новые аспекты	150

Педагогическая система координат: образование, воспитание, развитие человека

<i>Богданова Н. А., Подорожний О. В.</i> Метод Фурье как основа цифровой обработки микроэлектронных изображений	162
<i>Шангина О. В., Горбачева И. М., Гершунин С. А., Белокопытов А. С.</i> Психоэмоциональное состояние студентов университета в условиях дистанционного обучения (по материалам социологического исследования в НИУ МИЭТ)	174

Личность. Общество. Государство

<i>Мерзляков С. Э.</i> Обеспечение национальной и военной безопасности России: систематизация понятий	186
<i>Пудина С. И., Горбачева И. М.</i> Отношение дворянства к Указу о единонаследии 1714 г.	191

Информация

Памятные и знаменательные даты в июле — сентябре 2022 г.	198
Книжные новинки	199
К сведению авторов	200
Этические нормы публикационного процесса	202

CONTENTS

Economics of Innovation-Driven Growth: Theory and Practice

<i>Lukicheva L. I., Egorycheva E. V., Egorychev A. D.</i> Main functions of managing the domain name as a business asset	6
<i>Belousova N. N., Plis N. I.</i> State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution (final part)	19
<i>Bystrov O. F., Soldyanov M. V.</i> Comparative analysis and selection of cryptocurrencies for investment	29
<i>Mrochko L. V., Spiridonova G. V.</i> Evolutionary aspects of branding in digital communications of modern business	36
<i>Suchkova A. Yu., Igrunova O. M.</i> Using design research tools in the development of an innovative digital product	48

Philosophy: Universe in Man and Man in Universe

<i>Gvozdeva E. N., Loginova E. G.</i> Socio-philosophical and pedagogical aspects of occupational mobility establishment in bilingual medium	59
<i>Kovalev A. A.</i> Phenomenological approach in public administration: theoretical aspect	69
<i>Kornyukhov D. V.</i> Leadership as a philosophical category: approaches and definitions	80
<i>Lobastov G. V.</i> The brainlessness and the brain	88
<i>Lunkina Yu. V., Rastimeshina T. V.</i> Public consciousness archaization amid a backdrop of digital transformation of civilization	101
<i>Mikhaylina S. A., Khen J. V.</i> Global evolutionism, the anthropic principle and sustainable development in the modern picture of the world: scientific and axiological aspects	110
<i>Ravochkin N. N., Grigashkina S. I.</i> Philosophical foundations of modern organizations corporate culture	124
<i>Rastimeshina T. V., Kachurenko D. S.</i> Legislative and executive branches of government in the system of separation of powers: socio-philosophical and administrative aspects	136
<i>Semenova D. S.</i> The philosophy of creativity by S. L. Frank: current research and new aspects	150

Pedagogical Coordinate System: Education, Upbringing, Human Development

<i>Bogdanova N. A., Podorozhny O. V.</i> Fourier method as the basis of digital processing of microelectronic images	163
<i>Shangina O. V., Gorbacheva I. M., Gershunin S. A., Belokopytov A. S.</i> Psychoemotional state of university students under the conditions of distance learning (Based upon an opinion survey conducted at MIET)	174

Personality. Society. State

<i>Merzlyakov S. En.</i> Ensuring Russia's national and military security: systematization of concepts	186
<i>Pudina S. I., Gorbacheva I. M.</i> Attitude of nobility to the 1714 Decree on Single Inheritance	191

Information

Memorable and Remarkable Dates, July to September 2022	198
New Books	199
Note to the authors	200
Ethical Norms of Publishing	202

ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ECONOMICS OF INNOVATION-DRIVEN GROWTH: THEORY AND PRACTICE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 6—18.

Economic and Social Research. 2022. No 3 (35). P. 6—18.

Научная статья

УДК 347.77 + 65.01

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-6-18

Основные функции управления доменным именем как бизнес-активом

L. I. Lukicheva¹, E. V. Egorycheva², A. D. Egorychev³

¹⁻³ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹⁻³ egor-kate@mail.ru

Аннотация. Статья раскрывает особенности доменного имени как бизнес-актива современного предприятия. Она посвящена актуальной на данный момент проблеме экономического развития отечественного предпринимательства — организации эффективного управления бизнесом в сети Интернет. В статье рассмотрены ключевые характеристики доменного имени, влияющие на успешность деятельности компании. Указаны основные функции управления доменным именем. Предложены принципы использования доменного имени в составе комплекса средств индивидуализации предприятия.

Ключевые слова: доменное имя, средства индивидуализации, бизнес-актив предприятия, управление бизнесом, адресация в сети Интернет

Для цитирования: Лукичева Л. И., Егорычева Е. В., Егорычев А. Д. Основные функции управления доменным именем как бизнес-активом // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 6—18. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-6-18>

Original article

Main functions of managing the domain name as a business asset

L. I. Lukicheva¹, E. V. Egorycheva², A. D. Egorychev³

¹⁻³ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹⁻³ egor-kate@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of a domain name as a business asset of the modern enterprise. It is devoted to the current problem of the economic development of domestic entrepreneurship — the organization of effective business management in the Internet. The authors highlight the key characteristics of the domain name that affect the company's success. The main functions of domain name management are considered. The principles of using a domain name as the part of the set of enterprise individualization tools have been proposed.

Keywords: domain name, individualization tools, enterprise business asset, business management, Internet addressing

For citation: Lukicheva L. I., Egorycheva E. V., Egorychev A. D. Main functions of managing the domain name as a business asset. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 6–18. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-6-18>

Современный этап развития отечественной экономики требует от менеджмента предприятий все большего погружения в технологии повышения эффективности деятельности, в том числе и за счет развития бизнеса в цифровой среде. В этих условиях для каждой компании независимо от сферы и специфики ее деятельности объективной необходимостью становится представление своего бизнеса в информационном пространстве.

Создание официального сайта, наполнение страниц в соцсетях, ведение блогов, развитие каналов в мессенджерах, общение в чатах, на форумах, электронные рассылки — все это закладывает основу для налаживания связи и взаимодействия современной компании с внешней средой.

Один из ключевых элементов информационного пространства, создаваемого компанией в сети Интернет, — ее веб-сайт. От качества представленной на нем информации, от его удобства и функционала во многом зависит впечатление потенциальных клиентов и партнеров о компании и о ее конкурентных преимуществах. Однако это знакомство с компанией в цифровой среде обычно предвосхищается набором ее персонального символьного имени, которое сегодня принято называть «доменным именем» или «доменом».

В пункте 15 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных

технологиях и защите информации» дано понятие доменного имени. Законодатель определяет его как «обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети „Интернет“ в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети „Интернет“» [17].

Формальное восприятие домена исключительно в качестве средства адресации в сети Интернет, по нашему мнению, не раскрывает экономической сущности этого объекта. Доменное имя сегодня становится для компаний реальным и очень значимым бизнес-активом, которым необходимо грамотно управлять. И начинаться это управление должно еще на этапе, когда разрабатывают концепцию создаваемой компании, а также выбирают ее название и соответствующий комплекс средств индивидуализации.

Рассмотрим ключевые аспекты управления доменным именем как одним из значимых бизнес-активов современных предприятий. По нашему мнению, основные функциональные сферы управления доменами таковы:

- 1) выбор и регистрация доменного имени как части единого комплекса средств индивидуализации;
- 2) обеспечение правовой защиты доменного имени, мониторинг и пресечение недобросовестной конкуренции, связанной с доменными именами;

3) обеспечение экономического эффекта от принятия домена в составе сайта к бухгалтерскому учету, а также периодическая переоценка стоимости нематериальных активов (НМА);

4) своевременное продление регистрации домена;

5) мониторинг коммерческого потенциала доменного имени и оценка его рыночной стоимости;

6) сопровождение сделок с доменами.

Раскроем каждую из перечисленных функций более подробно.

1. Выбор и регистрация доменного имени как части единого комплекса средств индивидуализации. В статье 1225 части 4 ГК РФ определено правовое содержание категории «Интеллектуальная собственность». В ее состав включены две группы объектов: результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации юридических лиц, предприятий и их продукции (см.: [4]).

Средства индивидуализации (далее — СИ), в свою очередь, тоже разделяются на две группы (см. таблицу 1).

С правовых позиций *товарные знаки* (используемые для товаров) и *знаки обслуживания* (используемые для работ и услуг) — совершенно идентичные понятия. Поэтому в статье мы используем термин «товарный знак» (далее — ТЗ), подразумевая, что все приведенные тезисы справедливы и для знака обслуживания.

Отметим, что в указанном перечне не присутствует доменное имя. Оно не относится к средствам индивидуализации, охраняемым в качестве объектов интеллектуальной собственности. Однако, по нашему мнению, оно, помимо адресации в сети Интернет, также выделяет предприятие и его продукцию среди массы других компаний и их предложений, т. е. выполняет функцию индивидуализации.

Практика бизнеса показывает, что грамотный выбор домена — важное стратегическое решение. Особенно для тех предприятий, чья деятельность практически полностью зависит от веб-сайта. Как правило, в этой ситуации сайт не только представляет компанию, но и обеспечивает весь цикл взаимодействия предприятия и его клиентов. К этой группе предприятий можно отнести, например, интернет-магазины и маркетплейсы, онлайн-школы, интернет-площадки разработчиков сайтов и приложений.

Доменное имя лучше выбирать еще до регистрации создаваемого предприятия — в числе всего комплекса средств индивидуализации и одновременно с ними. Если перечисленные СИ взаимно пересекутся, каждый отдельный элемент будет лучше защищен с правовой точки зрения, а маркетинговый потенциал всего комплекса средств индивидуализации только укрепится.

Рассмотрим предлагаемый алгоритм разработки СИ с участием доменного имени.

Таблица 1
Группы средств индивидуализации

Группа СИ	Предмет индивидуализации	Средства индивидуализации
1. СИ юридических лиц и предприятий	Юридические лица и предприятия	Фирменное наименование
		Коммерческое обозначение
2. СИ товаров, работ и услуг	Товары, работы и услуги	Товарный знак (знак обслуживания)
		Наименование места происхождения товара
		Географическое указание

Этап 1. Выбор фирменного наименования.

На этом этапе следует проверить все возможные варианты названия создаваемой компании в базе Единого реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) [14]. Если при проверке в базе обнаруживаются предприятия со схожими названиями, необходимо принимать во внимание, какова их организационно-правовая форма. Так, ООО «Альбатрос» и ПАО «Альбатрос» — разные фирменные наименования (далее — ФИ).

Пункт 3 статьи 1474 части 4 ГК РФ устанавливает условие оригинальности ФИ. Так, нельзя использовать фирменное наименование, если оно схоже (до степени смешения) с ФИ другой организации, которая работает в той же сфере («Не допускается использование юридическим лицом фирменного наименования, тождественного фирменному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения, если указанные юридические лица осуществляют аналогичную деятельность и фирменное наименование второго юридического лица было включено в единый государственный реестр юридических лиц ранее, чем фирменное наименование первого юридического лица» [4]). Именно поэтому важным шагом становится проверка кодов ОКВЭД всех компаний, имеющих сходные фирменные наименования с предполагаемым названием создаваемого предприятия. Следует отметить, что все риски, связанные с нарушением исключительного права на ФИ, целиком ложатся на создаваемое предприятие, так как налоговая служба при регистрации нового предприятия не проверяет факты нарушения требований статьи 1474 ГК РФ.

Этап 2. Регистрация предприятия. На данном этапе собирают необходимый пакет документов и передают в соответствующее отделение Федеральной налоговой службы. Результатом выполнения данного этапа становится получение свидетельства о регистрации и включение юридического лица в ЕГРЮЛ.

Подчеркнем, что фирменное наименование оказывается недоступным средством индивидуализации для *индивидуального предпринимателя* (ИП), потому что при регистрации он попадает в базу ЕГРЮЛ под своим именем. Единственным охраняемым средством индивидуализации, которое ИП может использовать для выделения своего предприятия (или предприятий) из массы других, остается коммерческое обозначение (далее — КО). Для индивидуализации своих товаров, работ и услуг ИП может использовать товарные знаки, НМПТ и ГУ.

Этап 3. Разработка товарного знака и коммерческого обозначения. Важным свойством, отличающим коммерческое обозначение от фирменного наименования, следует считать возникновение правовой охраны КО не по факту *регистрации*, а по факту *использования*. Данная особенность вызывает множество рисков, связанных с нарушением исключительных прав на КО. Сходная проблема возникает и с доменным именем, так как возможность его правовой охраны законодательно не закреплена.

По нашему мнению, перечисленные проблемы можно решить, если разрабатывать КО и выбирать доменное имя в комплексе с разработкой товарного знака.

Предлагаемый методический подход позволяет сформировать правовую охрану КО и доменного имени за счет регистрации сходного с ними словесного товарного знака. Выступая в качестве ключевого средства индивидуализации, зарегистрированный ТЗ предоставляет своему правообладателю массу возможностей. В частности, пункт 2 статьи 1484 части 4 ГК РФ устанавливает право владельца товарного знака использовать зарегистрированное обозначение в доменном имени («2. Исключительное право на товарный знак может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых товарный знак зарегистрирован, в частности путем размещения товарного знака: <...> 5) в сети „Интернет“,

в том числе в доменном имени и при других способах адресации» [4]). Кроме того, пункт 2 статьи 1541 части 4 ГК РФ устанавливает право использовать КО или его отдельные элементы в товарном знаке («2. Коммерческое обозначение или отдельные элементы этого наименования могут быть использованы правообладателем в принадлежащем ему товарном знаке. Коммерческое обозначение, включенное в товарный знак, охраняется независимо от охраны товарного знака» [4]). Следовательно, перечисленные объекты могут взаимно проникать друг в друга, усиливая комплексную правовую охрану.

Таким образом, хорошим решением может стать первоначальная разработка словесного товарного знака и последующая проверка его охранных способностей либо в национальном патентном ведомстве (Роспатенте), либо посредством обращения к патентному поверенному или в специализированную юридическую компанию.

Проверка охранных способностей ТЗ подразумевает не только оценку его новизны путем поиска в базе заявок и зарегистрированных товарных знаков, но и проверку отсутствия оснований для отказа в его регистрации, установленных статьей 1483 части 4 ГК РФ [4]. Если перспективы регистрации товарного знака получают положительную оценку, можно приступить к разработке КО.

В мировой бизнес-практике *право на коммерческое обозначение* ассоциируется с *правом на вывеску*. То и другое — обозначение, которое помогает потребителю выделить конкретное предприятие из массы ему подобных. Если говорить о *фирменном наименовании*, то его основное предназначение — индивидуализировать предприятие при общении с государственными службами, при заключении различных договоров и при ведении бухгалтерской отчетности. Что же касается *коммерческого обозначения*, то оно ориентировано в большей степени на клиентов предприятия и помогает им определить сферу деятельности предприятия и выделить

его среди конкурентов. Например, компания может иметь фирменное наименование ООО «Прогресс» и коммерческое обозначение «Дозиметры „Мицар“». Как следует из примера, фирменное наименование и коммерческое обозначение могут не совпадать.

Авторы считают, что удачным решением станет использование *словесного товарного знака* в коммерческом обозначении. Например, в рассмотренном выше условном примере можно усилить защиту КО, если зарегистрировать соответствующий *товарный знак* «Дозиметры „Мицар“» или просто «Мицар».

Важно учитывать связь товарного знака с определенными классами Международной классификации товаров и услуг (МКТУ). Так, если словесный ТЗ «Альстромерия» зарегистрирован только в 11 классе МКТУ, то любое другое лицо может использовать это обозначение для регистрации товарного знака в *других* классах МКТУ. Именно поэтому при оценке потенциальной охранных способностей товарного знака нужно учитывать его принадлежность к определенному классу (или классам) МКТУ.

Практика бизнеса показывает, что наиболее высок потенциал охранных способностей у фантазийных словесных наименований, которые придуманы заявителем и не обладают каким-либо смысловым значением до начала их использования (см.: [12]). Таковы, например, товарные знаки «Фиксики», «Кириешки», «Хлебофф», «Пам-Пуш» и т. п.

После разработки охранных способных словесного товарного знака в комплексе с коммерческим обозначением (если оно необходимо) можно приступать к выбору доменного имени.

Этап 4. Выбор доменного имени. На данном этапе важно выбрать основу домена и доменную зону, в которой доменное имя будет зарегистрировано. Удачным решением станет использование товарного знака в качестве основы для доменного имени.

Важным аспектом также следует считать выбор *доменной зоны*. Доменной зоной называют

совокупность доменов одного уровня. В URL-адресе веб-сайта ее указывают после основы доменного имени и отделяют от него точкой. Например, в адресе «yandex.ru» доменная зона обозначена символами «.ru», что соответствует России.

Всего выделяют 4 различных категории доменных зон [7]:

- национальные (для использования в конкретной стране: например, «.ru» — для России, «.jp» — для Японии);
- региональные и субрегиональные (для использования в конкретном регионе или крупном городе: например, «.asia» — для Азии, «.moscow» — для Москвы);
- международные (для международного использования: например, «.biz» — для бизнеса, «.com» — для коммерческой организации);
- тематические (для выделения тематической направленности веб-сайта: например, «.audio» — работа со звуком, «.cafe» — кафе, «.city» — городской портал).

Также стоит учитывать, что не каждую доменную зону можно брать для регистрации своего домена. Например, зону «.edu» используют только колледжи и университеты США.

При выборе доменной зоны стоит согласовать ее с направленностью бизнеса компании: это обеспечит базу для успешного продвижения веб-сайта.

После выбора основы домена и доменной зоны можно проверить, какие варианты домена доступны для регистрации. Для этой цели подойдет Whois-сервис (от англ. who is — «кто это»), представленный на портале reg.ru. В этом сервисе необходимо указать проверяемое доменное имя и нажать кнопку «Проверить». Сервис позволяет увидеть текущий статус домена, а также информацию о регистраторе домена, дате регистрации, последнем продлении регистрации и о дате ее истечения [18].

Весьма полезен для проверки доменов в доменных зонах .рф и .ру сервис, предлагаемый

Координационным центром национального домена сети Интернет [8]. При проверке возможного доменного имени система не только выдает отчет о том, свободен ли данный домен, но и сопоставляет его с уже зарегистрированными товарными знаками. Данный сервис позволяет спрогнозировать возможные риски, связанные с использованием чужого товарного знака в проверяемом доменном имени.

Этап 5. Регистрация товарного знака и доменного имени. По нашему мнению, целесообразно регистрировать ТЗ и выбранное доменное имя параллельно. В этой ситуации датой приоритета будет считаться *дата подачи заявки* в патентное ведомство — и именно с этой даты начнется отсчет срока действия исключительного права на товарный знак. В настоящее время можно воспользоваться процедурой подачи электронной заявки с помощью сервиса АРМ «Регистратор»: она значительно ускоряет и упрощает делопроизводство по заявке.

При регистрации доменного имени также можно использовать следующие наиболее популярные в России сервисы — например, REG.ru, nic.ru, timeweb.com и другие.

2. Обеспечение правовой защиты доменного имени, мониторинг и пресечение недобросовестной конкуренции, связанной с доменными именами. Как уже упоминалось выше, правовую защиту доменного имени можно обеспечить, если использовать в его составе тождественный товарный знак, зарегистрированный в национальном патентном ведомстве. Еще один возможный вариант — регистрация самого доменного имени в качестве товарного знака [1]. Для примера можно привести следующие ТЗ, зарегистрированные в Роспатенте: «job.ru», «kassir.ru», «эльдорадо.ru», «vili.ru», «бел.ru», «zal.ru».

Связь доменных имен и товарных знаков вызывает в бизнес-среде множество противоречий и конфликтов, которые принято называть «доменными спорами» [11].

В настоящее время сложилась следующая судебная практика: при разрешении доменных споров признают приоритет товарного знака — а иногда фирменного наименования и коммерческого обозначения.

Примеров таких дел в судебной практике довольно много. Рассмотрим самые известные из них. В частности, в 2013 г. правообладатель товарного знака турецкой мебели обнаружил, что домены, которые он хотел зарегистрировать при выходе на российский рынок, уже заняты [10]. После перехода на соответствующие веб-сайты правообладатель обнаружил, что на них фирменную турецкую мебель, произведенную правообладателем товарного знака, продает посредник. Владелец ТЗ немедленно обратился в суд с требованием освободить домены, содержащие зарегистрированный товарный знак. Дело дошло до Верховного суда — и он в конечном счете встал на сторону турецкой компании.

Однако в истории были и случаи, когда крупная корпорация, владеющая товарным знаком, не смогла отсудить созвучный с ним домен.

Наиболее известен судебный спор Узи Ниссана и корпорации Nissan за одноименный домен (см.: [5]). Еще в 1999 г. представители автоконцерна связались с владельцем доменов nissan.com и nissan.net и предложили, что купят их, на что предприимчивый Узи дал согласие, объявив цену в 15 млн долл. Однако вместо заключения сделки корпорация Nissan подала в суд на компанию Nissan Computer Corp. с требованием отдать домен и выплатить 10 млн долл. компенсации.

В результате многолетнего судебного дела победителем вышел не автогигант, а сам Узи Ниссан. Суд принял такое решение, потому что Узи Ниссан зарегистрировал домен на основании своего имени и вел на нем добросовестную деятельность по продаже и обслуживанию персональных компьютеров, никак не нарушая права автоконцерна на товарный знак.

Отметим: если в процессе рассмотрения судебного спора выясняется, что администратор спорного доменного имени *не ведет* с его помощью реальной деятельности, то его могут отнести к категории «киберсквоттеров». К этой категории причисляют лиц, которые регистрируют перспективные доменные имена, зачастую схожие с названиями известных и успешных компаний, не для ведения конкретной хозяйственной деятельности, а для последующей перепродажи заинтересованным лицам (см.: [2]).

Отметим также, что порядок урегулирования доменных споров в зонах .рф и .ru устанавливает Координационный центр национального домена сети Интернет, а в отношении родовых доменов верхнего уровня (.com, .org, .info и др.) действует единая политика разрешения споров (UDRP) [6].

3. Обеспечение экономического эффекта от принятия домена в составе сайта к бухгалтерскому учету, а также периодическая переоценка стоимости нематериальных активов (НМА). Основной документ, регулирующий порядок бухгалтерского учета нематериальных активов, — это ПБУ 14/2007 «Учет нематериальных активов» [13]. В соответствии с пунктом 3 ПБУ 14/2007, к бухгалтерскому учету в качестве НМА могут быть приняты только объекты интеллектуальной собственности. Доменное имя к ним не относится, поэтому не может быть поставлено на баланс как самостоятельный инвентарный объект.

Однако можно учесть расходы на доменное имя в составе первоначальной стоимости веб-сайта компании, включающего в себя программное обеспечение, а также текстовый и аудиовизуальный контент. В данной ситуации веб-сайт может быть признан интеллектуальной собственностью (как объект авторского права) и отнесен к категории сложных инвентарных объектов, в соответствии с пунктом 5 ПБУ 14/2007.

Какой же экономический эффект получает компания, если принимает доменное имя к бухгалтерскому учету в составе НМА?

Во-первых, снижение налогооблагаемой базы по налогу на прибыль за счет учета амортизационных отчислений в составе расходов. А во-вторых, увеличение капитализации и повышение инвестиционной привлекательности компании.

Отметим, что в соответствии с пунктом 17 ПБУ 14/2007 предприятие имеет право не чаще одного раза в год переоценивать стоимость НМА. Для реализации этого права предприятию необходимо прописать такую процедуру в учетной политике и обеспечить ее регулярное осуществление. При переоценке используют остаточную стоимость НМА, а сумму дооценки зачисляют в добавочный капитал организации, что одновременно увеличивает и актив, и пассив баланса.

Переоценка стоимости НМА позволяет решить важную задачу — привести стоимость НМА в соответствие с текущей рыночной стоимостью. И если при расчете первоначальной стоимости НМА (при принятии актива к учету) предприятие обязано использовать только затратный подход, то при переоценке допустимы доходный и сравнительный подходы. Например, можно использовать сведения о рыночных ценах на подобные активы; можно использовать оценки независимых оценщиков.

Переоценка позволяет оценить справедливую стоимость веб-сайта в комплексе с доменным именем и существенно увеличить сумму нематериальных активов компании.

4. Обеспечение своевременного продления регистрации домена. Для поддержания работоспособности веб-сайта следует вовремя продлевать регистрацию домена. Срок истечения регистрации можно проверять с помощью whois-сервиса, рассмотренного ранее.

Если вовремя не решить данную задачу и не продлить регистрацию домена, то текущий администратор лишится возможности им управлять, запись о нем будет удалена из реестра — и его сможет зарегистрировать любое лицо.

Чтобы предотвратить подобное, необходимо своевременно (обычно — ежегодно) продлевать регистрацию домена. Для продления на сайте регистратора необходимо нажать кнопку «Продлить» и провести соответствующий платеж [15].

5. Мониторинг коммерческого потенциала доменного имени и оценка его рыночной стоимости. При использовании в доменном имени зарегистрированного товарного знака возникает синергетический эффект: рыночная стоимость товарного знака и домена взаимно увеличиваются. При этом доменное имя реализует функции индивидуализации и самого предприятия, и его продукции. Со временем домен обретает узнаваемость и обеспечивает увеличивающийся поток клиентов, т. е. становится очень ценным активом для бизнеса.

О высокой рыночной стоимости доменов свидетельствуют суммы сделок, связанных с их продажей. Так, в доменной зоне .ru суммы отдельных сделок с доменами достигают 1,3 млн долл., а в зоне .com — до 30 млн долл. [3, 16].

Следует отметить, что единая методика оценки стоимости доменного имени пока не разработана. Существуют отдельные оригинальные решения. Например, методика Координационного центра национального домена сети Интернет [9]. В ней выделены основные ценообразующие факторы, актуальные при оценке доменного имени:

- 1) созвучность домена с распространенными словами (наличие смысловой составляющей);
- 2) рейтинг имени в поисковых системах;
- 3) длина доменного имени;
- 4) соответствие товарному знаку или бренду;
- 5) технические характеристики (наличие дефиса, доля чисел и гласных букв в имени и т. п.).

В разработанной методике предложено несколько моделей оценки стоимости доменов, основой которых служат методы

сравнительного (рыночного) подхода и статистические модели.

В качестве ценообразующих факторов могут также выступать:

- язык доменного имени;
- «чистота» домена перед поисковыми системами;
- срок существования сайта, ассоциированного с доменным именем;
- характеристики целевой аудитории;
- история сделок с доменом;
- ситуативные факторы (рост интереса к какой-либо сфере, связанной с доменным именем).

Одну из проблем, сопряженных с оценкой стоимости домена, составляет то, что доменное имя *не принадлежит* компании. Она всего лишь обладает *правом его администрировать* — и должна продлевать это право ежегодно. Именно поэтому на данный момент доменные имена не могут выступать в качестве залога при получении кредитов.

Однако практика сделок купли-продажи доменных имен весьма обширна. Рассмотрим особенности сопровождения подобных сделок.

6. Сопровождение сделок с доменами. Доменные имена могут выступать в качестве самостоятельных объектов сделок. При этом участники сделки могут передавать права на администрирование не только самого домена (как самостоятельного объекта), но также хостинга и сайта, связанных с ним в единый комплекс.

Права на доменное имя могут быть переданы:

- непосредственно через администратора домена;
- через доменного брокера, который помогает приобретать домены, не выставленные на продажу в настоящий момент;
- через биржу доменов.

В качестве первого этапа обычно выступает заключение в письменной форме договора купли-продажи домена (между текущим и новым администраторами домена).

В таком контракте необходимо прописать все существенные условия договора, в том числе его цену. Заключение договора служит хорошим способом для подтверждения передачи прав и помогает предупредить возможные споры.

Далее следует процедура переоформления домена, особенности которой зависят от конкретного регистратора домена. На сайте каждого регистратора опубликован порядок проведения сделки купли-продажи доменного имени и правила оказания брокерских услуг. В каких-то ситуациях требуется заверить соответствующие документы у нотариуса, а в каких-то достаточно будет подписать согласие на удаленную передачу прав на управление доменом. Кроме того, важно учитывать, будет ли домен передан *в рамках одного регистратора* — или *от одного регистратора к другому*.

Довольно удобно передавать права на доменное имя полностью дистанционно. Для этого продавцу требуется отправить регистратору соответствующее заявление, подписанное квалифицированной электронной подписью, а также скан-копии других необходимых документов (например, копию паспорта представителя и доверенности на его имя).

Важно учитывать, что если в роли предмета сделки выступает доменное имя, в котором использован зарегистрированный товарный знак, то необходимо в первую очередь оформить переход исключительного права на этот ТЗ. В такой ситуации возможное решение проблемы — заключение либо договора отчуждения исключительного права, либо лицензионного договора о передаче исключительного права на ТЗ. Далее требуется зарегистрировать эту сделку в Роспатенте. После оформления перехода права на использование ТЗ можно приступать непосредственно к переоформлению доменного имени.

Когда же домен продают вместе с сайтом, необходимо дополнительно урегулировать вопросы отчуждения исключительного права на сайт.

В заключение можно сделать вывод: доменное имя — не только средство адресации в сети Интернет, но и значимый бизнес-актив, способный приносить владельцу ощущимые экономические выгоды.

Коммерческий потенциал и рентабельность домена как бизнес-актива во многом зависят от того, насколько эффективно управленческий персонал предприятия выполняет целый ряд функций. К ним, в частности, можно отнести:

- выбор доменного имени как части единого комплекса средств индивидуализации и обеспечение его правовой защиты;
- принятие домена в составе сайта к бухгалтерскому учету и периодическую переоценку его стоимости;
- обеспечение своевременного продления регистрации домена;
- мониторинг коммерческого потенциала доменного имени и оценку его рыночной стоимости;
- грамотное сопровождение сделок с доменами.

Эффективное выполнение перечисленных функций будет способствовать не только активной монетизации домена, но и получению ощутимого синергетического эффекта от его использования в комплексе с объектами интеллектуальной собственности.

Список литературы и источников

1. **Бондарева О.** Использование товарного знака в доменном имени, споры по доменным именам // EZYBrand: патентные и товарные знаки = Патентное бюро EzyBrand [Электронный ресурс]. URL: <https://ezybrand.ru/blog/ispolzovanie-tovarnogo-znaka-v-domennom-imeni-spory-po-domennym-imenam/> (дата обращения: 18.05.2022).
2. **Будагова М. М.** Киберсквоттинг как вид недобросовестного использования доменного имени // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. № 19 (120). С. 162—167.
3. **Вержбицкий А.** Маневры в зоне .ru: как зарабатывать на доменных именах // forbes.ru: сетевое издание. URL: <https://www.forbes.ru/>

biznes/346311-manevry-v-zone-ru-kak-zarabatyvat-na-domennyh-imenah (дата обращения: 18.05.2022).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть 4 от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/2a4870fd-a21fdffcc70bade7ef80135143050f0b1/ (дата обращения: 18.05.2022).

5. **Гросс-Днепров П.** Почему Nissan не владеет доменом nissan.com // vc.ru — бизнес, технологии, идеи, модели роста, стартапы [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/legal/68367-pochemu-nissan-ne-vladeet-domenom-nissan-com> (дата обращения: 18.05.2022).

6. **Зайнакаев В.** Интеллектуальные активы бизнеса: как защитить права на доменное имя // РБК Pro: сервис для руководителей, специалистов и инвесторов [Электронный ресурс]. Лемчик, Крупский и партнеры. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5f0e9dd09a794759c37d697b> (дата обращения: 18.05.2022).

7. **Ирина К.** Какую доменную зону выбрать // Timeweb [Электронный ресурс]. URL: <https://timeweb.com/ru/community/articles/kakuyu-domennuyu-zonu-vybrat> (дата обращения: 18.05.2022).

8. Координационный центр доменов .RU / .РФ: [администратор национальных доменов верхнего уровня .RU и .РФ]. Сервисы [Электронный ресурс]. URL: <https://cctld.ru/service/> (дата обращения: 18.05.2022).

9. Методология оценки рыночной стоимости доменных имен второго уровня в доменах верхнего уровня .RU и .РФ на вторичном рынке доменных имен // Координационный центр доменов .RU / .РФ: [администратор национальных доменов верхнего уровня .RU и .РФ] [Электронный ресурс]. URL: https://app.cctld.ru/KC_buklet_2020.pdf (дата обращения: 18.05.2022).

10. **Мирошкина Е.** Владелец торгового знака заблокировал чужие домены со своим названием // Тинькофф Журнал: журнал про ваши деньги [Электронный ресурс]. Судебная практика: изумительные истории российских судов. URL: <https://journal.tinkoff.ru/omg/otdai-domen/> (дата обращения: 18.05.2022).

11. *Павлова М. С., Суханов К. А.* Правовой режим доменного имени и категория доменных споров в законодательстве и судебной практике Российской Федерации // Бизнес. Общество. Власть. 2018. № 1 (27). С. 243–254.
12. *Плясунова О.* Товарные знаки: фантазийные и описательные // Зуйков и партнеры [Электронный ресурс]. URL: <https://zuykov.com/ru/about/articles/tovarnye-znaki-fantazijnye-i-opisatelnye/> (дата обращения: 18.05.2022).
13. Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» — ПБУ 14 / 2007. Утверждено приказом Минфина России от 27 дек. 2007 г. № 153н, с изменениями от 25 окт. 2010 г. № 132н, от 24 дек. 2010 г. № 186н, от 16 мая 2016 г. № 64н) // Министерство финансов Российской Федерации = Минфин России: официальный сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=114735-polozheniya_po_bukhgalterskomu_uchetu_uchet_ne_materialnykh_aktivov_pbu_142007 (дата обращения: 21.07.2022).
14. Предоставление сведений из ЕГРЮЛ / ЕГРИП в электронном виде // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. Предоставление сведений из ЕГРЮЛ / ЕГРИП. URL: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 18.05.2021).
15. Продление домена // Регистрация доменов РФ / RU у аккредитованного регистратора доменов | Недорогой хостинг и дешевые домены | REG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reg.ru/domain/service/renewal> (дата обращения: 18.05.2022).
16. *Узялева У. Д.* Доменное имя как цифровой актив // Вопросы российской юстиции: электронный научный журнал. 2021. № 15. С. 860–869. URL: http://injust-journal.ru/wp-content/uploads/2021/11/15_vypusk_VRYu-1.pdf (дата обращения: 22.07.2022).
17. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 30 дек. 2021 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA_W_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 19.07.2022).
18. Whois-сервис — Информация о домене/Проверка домена // Регистрация доменов РФ / RU у аккредитованного регистратора доменов | Недорогой хостинг и дешевые домены | REG.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reg.ru/whois/> (дата обращения: 18.05.2022 г.).

References

1. Bondareva O. Use of a trademark in a domain name, domain name disputes. *EZYBrand: patentnyye i tovarnyye znaki = Patentnoye byuro EzyBrand = EZY-Brand: Patent and Trademarks = EzyBrand Patent Bureau* [Web]. (In Russian). Available at: <https://ezybrand.ru/blog/ispolzovanie-tovarnogo-znaka-v-domennom-imeni-spory-po-domennym-imenam/> (accessed: 18.05.2022).
2. Budagova M. M. Cybersquatting as a kind of unfair use of the domain name. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo = RGGU Bulletin. Series: Economics. Management. Law*, 2013, no. 19 (120), pp. 162–167. (In Russian).
3. Verzhbitsky A. Maneuvers in the zone .ru: how to earn on domain names. *forbes.ru: setevoye izdaniye = forbes.ru: network publication*. (In Russian). Available at: <https://www.forbes.ru/biznes/346311-manevry-v-zone-ru-kak-zarabatyvat-na-domennyh-imenah> (accessed: 18.05.2022).
4. Civil Code of the Russian Federation: Part 4 of 18.12.2006 no. 230-FZ. *Konsul'tantPlus: na-dezhnaya pravovaya podderzhka = ConsultantPlus: reliable legal support* [Web]. (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LA_W_64629/ (accessed: 18.05.2022).
5. Gross-Dneprov P. Why Nissan does not own the domain nissan.com. *vc.ru — biznes, tekhnologii, idei, modeli rosta, startapy = vc.ru — business, technology, ideas, growth models, startups* [Web]. (In Russian). Available at: <https://vc.ru/legal/68367-pochemu-nissan-ne-vladeet-domenom-nissan-com> (accessed: 18.05.2022).
6. Zaynakaev V. Intellectual business assets: how to protect the rights to a domain name. *RBK Pro: ser-*

- vis dlya rukovoditeley, spetsialistov i investorov = RBC Pro: service for managers, specialists and investors [Web]. Lemchik, Krupskiy i partnery = Lemchik, Krupsky and partners. (In Russian). Available at: <https://pro.rbc.ru/demo/5f0e9dd09a794759c37d697b> (accessed: 18.05.2022).
7. Irina K. What domain zone to choose. *Timeweb* [Web]. (In Russian). Available at: <https://timeweb.com/ru/community/articles/kakuyu-domennuyu-zonu-vybrat> (accessed: 18.05.2022).
8. *Coordination Center for TLD .RU / .PФ for domains .RU / .RF: the national registry (administrator) of the .RU and .PФ domains* [Web]. Services. (In Russian). Available at: <https://cctld.ru/service/> (accessed: 18.05.2022).
9. Methodology of market value assessment of domain names of the second level in .RU and .RF top-level domains on the secondary domain name market. *Coordination Center for TLD .RU / .PФ for domains .RU / .RF: the national registry (administrator) of the .RU and .PФ domains* [Web]. (In Russian). Available at: https://app.cctld.ru/KC_buklet_2020.pdf (accessed: 18.05.2022).
10. Miroshkina E. The owner of the trademark blocked other people's domains with his name. *Tin'koff Zhurnal: zhurnal pro vashi den'gi = Tinkoff Journal: magazine about your money* [Web]. Sudebnaya praktika: izumitel'nyye istorii rossiyskikh sudov = Judicial practice: amazing stories of Russian courts. (In Russian). Available at: <https://journal.tinkoff.ru/omg/otdai-domen/> (accessed: 18.05.2022).
11. Pavlova M. S., Sukhanov K. A. Legislative regime of the domain name and category of domain disputes in the legislation and judicial practice of the Russian Federation. *Biznes. Obshhestvo. Vlast' = Business. Society. Power*, 2018, no. 1 (27), pp. 243–254. (In Russian).
12. Plyasunova O. Trademarks: fantasy and descriptive. *Zuykov and partners* [Web]. (In Russian). Available at: <https://zuykov.com/ru/about/articles/tovarnye-znaki-fantazijnye-i-opisatelnye/> (accessed: 18.05.2022).
13. Russian Statutory Accounting “Accounting of Intangible Assets” = PBU 14 / 2007. Approved by the Order of Russian Ministry of Finance dated Dec. 2007, no. 153n, with amendments as of 25 Oct. 2010, no. 132n, no. 186n dated 24 Dec. 2010 no. 186n, from May 16, 2016, no. 64n. *Ministry of Finance of Russian Federation: official website*. (In Russian). Available at: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=114735-polozheniya_po_bukhgalterskomu_uchetu_uchet_ne_materialnykh_aktivov_pbu_142007 (accessed: 21.07.2022).
14. Get information from Business Registers (USRLE / USRIE) in electronic form. *Federal Tax Service of Russia* [Official site]. Get information from Business Registers (USRLE / USRIE). (In Russian). Available at: <https://egrul.nalog.ru/index.html> (accessed: 18.05.2022).
15. Renewing a domain. *Registratsiya domenov RF / RU uakkreditovannogo registratora domenov | Nedorogoy khosting i deshevyye domeny | REG.RU = Registration of domains RF / RU with an accredited registrar of domains | Cheap hosting and cheap domains | REG.RU* [Web]. (In Russian). Available at: <https://www.reg.ru/domain/service/renewal> (accessed: 18.05.2022).
16. Uzdyaeva U. D. Domain name as a digital asset. *Voprosy rossiyskoy yustitsii: elektronnyy nauchnyy zhurnal = Issues of Russian justice: electronic scientific journal*, 2021, no. 15, pp. 860–869. (In Russian). Available at: http://injust-journal.ru/wp-content/uploads/2021/11/15_vypusk_VRYu-1.pdf (accessed: 18.05.2022).
17. Federal Law of 27.07.2006 no. 149-FZ (ed. 30.12.2021) “About information, information technologies and information protection”. *Konsul'tantPlyus: nadezhnaya pravovaya podderzhka = ConsultantPlus: reliable legal support* [Web]. (In Russian). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (accessed: 19.07.2022).
18. Whois-service — Information about a domain/verification of a domain. *Registratsiya domenov RF / RU uakkreditovannogo registratora domenov | Nedorogoy khosting i deshevyye domeny | REG.RU = Registration of domains RF / RU by an accredited registrar of domains | Cheap hosting and cheap domains | REG.RU* [Web]. (In Russian). Available at: <https://www.reg.ru/whois/> (accessed: 18.05.2022).

Информация об авторах

Лукичева Любовь Ивановна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Егорычева Екатерина Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Егорычев Алексей Дмитриевич — студент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Lyubov' I. Lukicheva — Dr. Sci. (Econ.), Prof., National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Ekaterina V. Egorycheva — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Aleksey D. Egorychev — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 20.05.2022.

The article was submitted 20.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 19–28.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 19–28.

УДК 338.45:338.33
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-19-28

Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения (окончание)

Н. Н. Белоусова¹, Н. И. Плис²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия
^{1–2} АО «Ангстрем», Москва, Россия

¹ *belousova@angstrem.ru*

² *plis@angstrem.ru*

Аннотация. Авторами продолжено рассмотрение вопросов диверсификации деятельности предприятия оборонно-промышленного комплекса по производству изделий микроэлектроники в сложившейся ситуации и на перспективу. В дополнение принятых мер государственной поддержки предложены новые, направленные на развитие производства гражданской продукции на предприятиях оборонно-промышленного комплекса радиоэлектронной промышленности в условиях усиления санкций. По результатам анализа возможностей расширения продуктового портфеля предприятия и используемых технологий определены приоритетные направления работы на внутреннем и внешнем рынке в целях диверсификации.

Ключевые слова: диверсификация, импортозамещение, металлопластмасса, государственные меры поддержки промышленных предприятий, изделия микроэлектроники

Для цитирования: Белоусова Н. Н., Плис Н. И. Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения (окончание) // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 19–28.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-19-28>

State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution (final part)

N. N. Belousova^{1, 2}, N. I. Plis²

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
² Angstrem, JSC, Moscow, Russia

¹ *belousova@angstrem.ru*

² *plis@angstrem.ru*

Abstract. In this second part of work, the authors did continue considering the questions of diversification of industrial activity of microelectronics plant, part of military-industrial complex, in present-day situation and for the future. In addition to existing measures of State support the authors have proposed new measures for the development of civil products at the industrial radio-electronic plants of military-industrial complex under escalation of sanctions. In the light of analysis of possibilities of product portfolio expansion and employed technologies, priority guidelines for work on domestic and external market for diversification purposes have been determined.

Keywords: diversification, import substitution, metal plastic, State support for industrial plants development; microelectronics' items

For citation: Belousova N. N., Plis N. I. State of affairs with civil products' manufacturing is at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution (final part). *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 19—28. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-19-28>

В предыдущем номере журнала [3] нами были рассмотрены исторические предпосылки процесса диверсификации в разрезе международного и отечественного опыта, а также нормативно-правовое окружение, в котором работает сегодня крупное предприятие оборонно-промышленного комплекса радиоэлектронной промышленности (далее ОПК) Российской Федерации.

На основании анализа стратегий диверсификации¹ к долгосрочной деятельности таких предприятий применяются стратегии: опережающей наукоемкости, следования жизненному циклу инновации, технологической связности и ряд других.

Для реализации этих стратегий крупные предприятия ОПК, имеющие в своем составе научные подразделения и дизайн-центры, при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее НИОКР) задействуют их специалистов для разработки, освоения в производстве и продвижения на рынок изделий для гражданского применения.

Вывод на гражданский рынок требует соответствия документации на изделия тре-

бованиям Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 [9]. Для выполнения требований данного постановления необходимы соответствующие компетенции самих разработчиков компаний, специалистов по интеллектуальной собственности, юристов и ряда других. Для продвижения гражданской продукции и формирования компетенций у инженерно-технических специалистов компаний АО «Ангстрем» взаимодействует с Ассоциацией «Консорциум дизайн-центров и предприятий радиоэлектронной промышленности» [11]. На портале консорциума возможно размещение карточки дизайн-центра, которая позволит потенциальным и действующим потребителям электронной компонентной базы напрямую обращаться за консультациями, а также проведение вебинаров, на которых в режиме диалога представляются результаты научно-технической деятельности и проекты разработок.

Доля продукции АО «Ангстрем» для гражданского применения в общем объеме продукции предприятия в 2021 г. составила

¹ По материалам обучения по программе ФГУП «ВНИИ «Центр» «Диверсификация предприятий ОПК: предпосылки, механизмы, возможности» (Федеральный кадровый центр оборонно-промышленного комплекса РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://fkc-opk.ru/seminary-i-povyshenie-kvalifikacii/programmy-obucheniya> (дата обращения: 25.04.2022)).

10,2 %, в 2022 г. прогнозируется рост до 15 %. Высокая квалификация инженерно-технических специалистов и преемственность научной школы нуждаются в сохранении и развитии как конкурентные преимущества компании на рынке.

Стратегия технологической связности позволяет использовать действующие производственные мощности с доработкой ряда технологических линеек под выпуск гражданской продукции и продукции двойного назначения (например, для разработки и постановки на производство технологии сборки интегральных микросхем и силовых полупроводниковых приборов в металлопластмассовых корпусах). Выпуск изделий по данной технологии возможен как с военной приемкой, так и с приемкой ОТК. Есть следующие предпосылки успешной реализации этого проекта:

- 1) разработаны и утверждены общие технические условия;
- 2) согласовано и утверждено техническое задание на разработку и производство схем стандартной логики;
- 3) проведены работы по выбору материала для герметизации;
- 4) разработана рецептура отечественного герметика;
- 5) заключен договор на опытную партию;
- 6) получено первое и единственное на сегодня заключение Министерства обороны Российской Федерации о возможности изготовления изделий с военной приемкой в металлопластмассовых корпусах; возможно дальнейшее освоение изделий с приемкой ОТК;
- 7) наработанная база клиентов и сложившиеся кооперационные связи дают возможность продвижения изделия на внутреннем рынке.

Реализация проекта высокоавтоматизированной сборочной линии в металлопластмассовых корпусах даст следующие результаты:

- внедрение высокопроизводительной линии сборки изделий двойного применения в металлопластмассовых корпусах мирового уровня;
- разработка, модернизация и ввод в эксплуатацию оборудования для выполнения основных технологических операций: монтаж кристаллов, разварка, контроль внешнего вида сборки, трансферное прессование, обрубка и формовка, контроль электрических параметров;
- разработка комплектов конструкторской документации на изделия в металлопластмассовых корпусах;
- разработка и внедрение пластиковых материалов для изделий электронной компонентной базы;
- разработка и внедрение унифицированных выводных рамок;
- разработка собственного и модернизация конструкции приобретенного технологического оборудования;
- изготовление комплекта технологической и исследовательской оснастки;
- компоновка и запуск автоматизированной линии;
- разработка комплекта технологической документации для сборки электронной компонентной базы на автоматической линии;
- доработка технологического оборудования.

На сегодня предприятие проводит работы по постановке технологии данного проекта за счет собственных средств, с 2022 г. планируется НИОКР с Министерством промышленности и торговли Российской Федерации в рамках дорожной карты электронного машиностроения. Это позволит существенно увеличить объемы гражданской продукции различных продуктовых направлений (стандартных цифровых схем, изделий силовой электроники, операционных усилителей, микросхем управления свето-диодной нагрузкой и ряда других) в металлопластмассовых корпусах.

В рамках трансфера технологий предприятие разрабатывает проект центра коллективного пользования по производству изделий электронной техники в металло-пластмассовых корпусах. В таком центре кристаллы разных производителей могут корпусироваться на АО «Ангстрем», проходить весь комплекс необходимых испытаний и поставляться как на внутренний, так и на внешний рынок.

Сегодня за счет собственных средств проведены работы по постановке технологии и освоению в производстве продукции в металло-пластмассовых корпусах (как военного, так и гражданского применения в корпусах SO-8). Изделия аттестованы с положительным результатом у потребителей таких продуктовых направлений, как стандартная логика, силовые полупроводниковые приборы, операционные усилители и ряд других. Предприятием опробовано несколько сотен наименований изделий, изготовлена прецизионная оснастка, инструмент, закуплено и модернизировано оборудование для мелкосерийного производства, поступают заказы на миллионы рублей. По нашим оценкам, потенциальный объем продаж данного направления составляет несколько миллиардов рублей, для его достижения необходимы инвестиции в развитие производства и расширение парка оборудования, создание высокопроизводительной автоматизированной линии за счет средств НИОКР. Принят ряд постановлений Правительства Российской Федерации, направленных на субсидирование разработки средств производства и электронной компонентной базы, однако из-за некоторых условий получения субсидий (налоговая чистота, отсутствие судебных разбирательств и т. п.) крупные предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности, имеющие форму акционерных обществ, не могут воспользоваться данными мерами государственной поддержки. Необходимо искать индивидуальные подходы для

таких предприятий в целях развития перспективных направлений.

В рамках расширения бизнес-портфеля для диверсификации деятельности предприятие рассматривает выпуск электронных блоков (в частности, печатных плат, содержащих электронную компонентную базу собственного производства) для часов, электрокардиостимуляторов, систем интеллектуального светодиодного освещения, что потребует развития мощностей сборочного и аппаратного производства. Эти изделия будут применяться в сквозных проектах электронной промышленности, например, медицинской технике, светотехнике, цифровой энергетике, в автоматизированных системах управления технологическими процессами, системах безопасности и ряде других.

С целью построить кооперационные цепочки с конечными потребителями продукции предприятие вступило в Ассоциацию производителей светодиодов и систем на их основе [2]. Членство в Ассоциации предполагает понимание отраслевых трендов бизнес-сообщества, непосредственное участие в подготовке нормативно-правовой базы, регулирующей отраслевое взаимодействие, понимание потребностей конечных потребителей продукции. В результате ожидается увеличение объема продаж продукции для гражданского применения.

Приведем пример продукции АО «Ангстрем», являющейся конечным решением для потребителя. Это полностью отечественное устройство Plug and Play, основанное на изделиях собственного производства: драйвере управления ДР8/1700, адаптере АДР 1200/1700, силовом IGBT модуле в корпусе МПК-62-3, аналогичном корпусу Econo-DUAL [6]. Поскольку драйверы и силовые модули IGBT используются во многих критических для государства областях промышленности, электроснабжении, на транспорте, для газо- и нефтедобычи, возможность выбора отечественного аналога, не уступающего

импортным вариантам исполнения, способствует независимости и бесперебойной работе названных отраслей [6].

Еще один пример расширения бизнес-портфеля компании в рамках национального проекта «Наука» [10] — изготовление кремниевых кантileверов, предназначенных для контактного, полуконтактного и бесконтактного режима работы атомно-силовой микроскопии [7]. Атомно-силовой микроскоп (далее АСМ) входит в перечень конкурентоспособной российской продукции, использование которой необходимо для реализации национальных проектов и комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 г. (приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 20 июля 2020 г. № 2322 [8], номер в перечне 512).

На сегодняшний день АО «Ангстрем» — единственное в России предприятие, изготавливающее кремниевые кантileверы, предназначенные для контактного, полуконтактного и бесконтактного режима работы АСМ. Изготавляемые модели кантileверов являются аналогами зарубежных моделей NSG01, NSG10, NSG30, NSG03, CSG10, CSG01, CSG30 и могут использоваться во всех основных видах коммерческих АСМ. Качество АСМ-изображений, полученных при помощи кантileверов АО «Ангстрем», сопоставимо с качеством АСМ-изображений, полученных с использованием зарубежных кантileверов.

Цены на отечественные кантileверы значительно ниже, чем на зарубежные аналоги. Сегодня предприятие ведет переговоры о заключении договоров на поставку первых партий кантileверов потребителям.

В целях повышения конкурентоспособности гражданской продукции по цене необходимо работать над сокращением накладных расходов, для выхода на рынок в первое время ориентироваться на уровень маржинальной прибыли, ходатайствовать перед от-

раслевыми структурами о внедрении механизма компенсации затрат на гражданскую продукцию в первые два года выпуска. Повышению конкурентоспособности гражданской продукции по техническим характеристикам содействуют предметная работа с заказчиком для учета его технических требований, подготовка комплекта конструкторско-технологической документации, проведение всего комплекса необходимых испытаний, работа над внесением продукции предприятия в Единый реестр российской радиоэлектронной продукции. Показателем эффективности партнерских отношений является уменьшение количества возвратов продукции от потребителя для изделий с приемкой ОТК — не более 0,004 % от продукции, отгруженной на склад; в случае выявления брака изготовитель полностью заменяет бракованное изделие за свой счет. С целью поддержать на определенном уровне показатель комплексной удовлетворенности потребителя на внутреннем и внешнем рынке проводятся выборочное анкетирование потребителей раз в квартал и опросы ведущих потребителей в ходе переговоров руководства предприятия.

Лояльность потребителей и покупателей подтверждается многолетними кооперационными связями, ведется предметная работа с контрагентами, за каждым закреплен клиентский менеджер, потребители своевременно информируются о новых разработках предприятия, им предоставляются технические консультации ведущих разработчиков и опытные образцы изделий для опробования в аппаратуре заказчика. Для работы на новых сегментах рынка направляются предложения о сотрудничестве, проводятся вебинары для потенциальных потребителей, предприятие ведет работу с профильными консорциумами.

Предприятие входит в состав Корпорации развития Зеленограда, активно участвует в его работе, использует инструменты маркетинговой поддержки (каталог продукции

и услуг предприятий Зеленограда, сайт кластера, совместное участие в выставках, деловых миссиях, конференциях, семинарах), обучение персонала по программам кластера, поиск персонала через инструменты кластера и ряд других.

Размещение информации о продукции гражданского назначения предприятия в Государственной информационной системе промышленности [4] и на Единой цифровой платформе управления развитием гражданских производств ОПК [5] позволяет ознакомить действующих и потенциальных потребителей с продукцией компании и реализуемыми ею проектами для гражданского применения.

При решении задач наращивания объемов гражданской продукции рекомендуется принимать во внимание потенциал внешнеэкономической деятельности предприятия. По данным аналитического обзора [12, с. 8–16], один из факторов развития рынка пластин малого диаметра (150 мм и менее) — рост числа конечных систем, требующих использования полупроводниковых приборов, реализуемых по концепции «Больше, чем Мур». На ее основе реализуется широкий диапазон полупроводниковых приборов, таких как микроэлектромеханические системы (MEMS) и датчики, КМОП-формирователи сигналов изображения, силовая электроника, радиочастотные приборы.

Предполагается, что доходы от реализации пластин диаметром от 25 до 150 мм будут увеличиваться со среднегодовыми темпами роста в сложных процентах (CAGR) 1,3 %.

Общий объем продаж по рынку пластин диаметром 150 мм и менее в 2019 г. составил 5,2 млрд долл., в том числе на кремнии — 2,2 млрд долл. Ожидаемые показатели 2025 г.: 5,6 млрд долл. (в том числе на кремнии — 1,8 млрд долл.).

Рынок пластин диаметром 150 мм и менее на кремнии по-прежнему востребован, хотя к 2025 г. прогнозируется его сокращение

на 18 %. Перспективными в этом секторе являются технологии на основе фосфида индия (InP), карбида кремния (SiC) и арсенида галлия (GaAs).

По-прежнему значителен спрос на изготовление стандартных мощных полупроводниковых приборов, таких как IGBT и MOSFET на пластинах диаметром 150 мм.

Все ведущие разработчики и производители силовой электроники и приборов на основе сложных полупроводников активно участвуют в разработке решений на основе SiC.

Приборы, изготовленные на карбиде кремния, используются в возобновляемых источниках энергии, полностью электрических транспортных средствах, электрификации гибридных транспортных средств и транспортных средств с двигателями внутреннего сгорания, так как эта технология позволяет работать с большими напряжениями и при высоких температурах. Ожидается, что в 2025 г. продажи SiC-пластин диаметром 150 мм увеличатся на 18,6 % относительно 2019.

По данным аналитических обзоров [1, с. 23–24; 13, с. 20–27], с 2005 г. КНР является крупнейшей страной-потребителем интегральных схем, однако не является их крупнейшим изготовителем. Действительно, из общего объема проданных в КНР за 2020 г. интегральных схем только 15,9 % были произведены в самом Китае (22,7 млрд долл.). Причем на фирмы, чьи штаб-квартиры зарегистрированы в этой стране, пришлось только 8,3 млрд долл. (5,9 % общего объема продаж интегральных схем в КНР в 2020 г.), тогда как остальное — 63,4 % местного производства — на филиалы иностранных фирм (TSMC, SK Hynix, Samsung, UMC и др.). Однако у Китая амбициозные планы в полупроводниковой промышленности, которые отражены в программе «Сделано в Китае — 2025».

Ситуация в КНР оказывает существенное влияние на страны «Большого Китая»

Гонконг и Тайвань, а все эти три страны являются основными потребителями российской продукции, идущей на экспорт. Поглощение Китаем Тайваня в ближайшей перспективе может кардинально изменить ситуацию на рынке. Влияет на нее и «холодная чиповая война» (Chip War) между Китаем, США и странами Евросоюза. США также имеет государственную программу и планирует построить 19 крупных заводов по производству полупроводниковых приборов в течение 10 лет. Предприятия Тайваня в связи с торговой войной стремятся не допустить на рынок компании США и Евросоюза и возвращаются к «старой» продукции как наиболее эффективной для производства и продаж.

С точки зрения технологического потенциала, направление силовой электроники на пластинах диаметром 150 мм по-прежнему востребовано на рынке полупроводниковой промышленности, однако имеет место постепенное снижение потребности рынка пластин по кремниевой технологии, наиболее востребованы в секторе пластин малого диаметра технологии SiC, InP и GaAs.

В 2020 г. пандемия COVID-19 вызвала снижение деловой активности, однако в 2021 г. возникли высокий спрос на компоненты и острый дефицит кристаллов. Многие средние и небольшие компании ощутили потребность ускорить поставки. Как следствие, ведется очень активный поиск поставщиков вне Китая и Тайваня. Данная ситуация позволила АО «Ангстрем» восполнить потери 2020 г., темп роста объема продаж на экспорт за 2021 г. составил 149 %.

С точки зрения продуктовой линейки в программе развития предприятия для внешнеэкономической деятельности рассматриваются изделия силовой электроники (FRD, MOSFET, IGBT), микросхемы для управления светодиодной нагрузкой (LED-драйверы), микросхемы стандартной логики, операционных усилителей и ряд других, как чипы, так и собранные в метал-

лопластмассовых корпусах. Среди задач предприятия для развития данного направления — наращивание производственных мощностей в связи с ростом заказов в целях увеличения пропускной способности и соблюдения сроков поставок, решение вопросов по качеству продукции, воспроизводимости технических параметров, обеспечение послепродажного обслуживания, учет менталитета зарубежных партнеров в случае срыва выполнения заказов и многое другое. Тем не менее анализ ситуации на рынке показывает, что при определенных усилиях имеются перспективные ниши даже при существующих технологических параметрах. Помимо этого, в перспективе необходимо осваивать другие технологии, например SiC.

В текущей ситуации возрастающего влияния санкционных ограничений на внешнеэкономическую деятельность предприятия необходимы меры государственной поддержки предприятий, работающих на экспорт, в части сопровождения валютных операций, решения вопросов своевременной доставки продукции потребителям, дополнительного страхования рисков по внешнеэкономическим сделкам и т. д.

Решение задач диверсификации, импортозамещения, локализации производства на крупных предприятиях ОПК радиоэлектронной промышленности возможно при индивидуальном подходе со стороны профильных отраслевых структур, поддержке инициативы предприятий в национальных и сквозных проектах электронной промышленности. Это будет содействовать технологической независимости страны в целом, даст толчок к развитию смежных отраслей, занятых в производстве конечного продукта, позволит задействовать все цепочки кооперации.

Список литературы и источников

1. Анализ рынка ИС КНР // Экспресс-информация по зарубежной электронной

технике: электрон. аналит. журн. АО «ЦНИИ «Электроника». 2021. Вып. 5 (6729). URL: <http://zet.instel.ru/articles/8525/> (дата обращения: 25.09.2022).

2. АО «Ангстрем» вступил в Ассоциацию производителей светодиодов и систем на их основе // АО «Ангстрем»: сайт компании [Электронный ресурс]. 04.10.2021. URL: https://www.angstrom.ru/company/news/angstrom_v_stupil_v_apss_/ (дата обращения: 25.04.2022).

3. **Белоусова Н. Н., Плис Н. И.** Состояние дел с производством гражданской продукции крупного предприятия ОПК радиоэлектронной промышленности: проблемные вопросы, требующие решения // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 2 (34). С. 6—16. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-6-16>

4. Государственная информационная система промышленности [Электронный ресурс] / Министерство промышленности и торговли Российской Федерации. URL: <https://gisp.gov.ru/> (дата обращения: 25.04.2022).

5. Единая цифровая платформа управления развитием гражданских производств ОПК [Электронный ресурс] / Минпромторг России; ФГУП «ВНИИ «Центр». URL: <https://divopk.vniicentr.ru/home> (дата обращения: 25.04.2022).

6. **Мельник С., Вренев Я., Клейн С.** Отечественная Plug and Play сборка на базе драйверного ядра DR8/1700 от АО «Ангстрем» // АО «Ангстрем»: сайт компании [Электронный ресурс]. 28.10.2021. URL: https://www.angstrom.ru/company/articles/otechestvennaya_plugin_and_play_sborka_na_baze_drayvernogo_yadra_dr8_1700_ot_ao_angstrem/ (дата обращения: 25.04.2022).

7. **Новак А. В.** Кантилеверы для атомно-силовой микроскопии (АСМ) компании Ангстрем // Компоненты и технологии. 2020. № 8 (229). С. 108—112.

8. О внесении изменений в перечень конкурентоспособной российской продукции, использование которой необходимо для реализации национальных проектов и комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года, утвержденный приказом Минпромторга России от 15 июля 2019 г.

№ 2484: приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 20 июля 2020 г. № 2322 // Кодификация.РФ: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minpromtorga-Rossii-ot-20.07.2020-N-2322/> (дата обращения: 25.04.2022).

9. О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 2015 г. № 719 (с изм. и доп.) // ГАРАНТ: Информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71139412/> (дата обращения: 25.04.2022).

10. Паспорт национального проекта «Наука»: утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Правительство России [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf> (дата обращения 25.04.2022).

11. Платформа компетенций дизайн-центров электроники России [Электронный ресурс] / Дизайн-центры электроники России. Сор. 2022. URL: <https://dc-platform.ru/> (дата обращения: 25.04.2022).

12. Сектор пластин малого диаметра: состояние и перспективы // Экспресс-информация по зарубежной электронной технике: электрон. аналит. журн. АО «ЦНИИ «Электроника». 2021. Вып. 6 (6730). URL: <http://zet.instel.ru/articles/8637/> (дата обращения: 25.09.2022).

13. Состояние и перспективы микроэлектроники США // Экспресс-информация по зарубежной электронной технике: электрон. аналит. журн. АО «ЦНИИ «Электроника». 2021. Вып. 1 (6725). URL: <http://zet.instel.ru/articles/7859/> (дата обращения: 25.09.2022).

References

1. Sales of logic ICs account for largest share of China's IC market in 2020. *IC Insights, Research Bulletin*. 18.02.2021. Available at: <https://www.icinsights.com/news/bulletins/Sales-Of-Logic-ICs-Account-For-Largest-Share-Of-Chinas-IC-Market-In-2020/> (accessed: 25.09.2022).
2. JSC "Angstrem" joined Association of LEDs' manufacturers and systems on their basis. *JSC "Angstrem" Website*. 04.10.2021. (In Russian). Available at: https://www.angstrom.ru/company/news/angstrom_vstupil_v_apss_/ (accessed: 25.09.2022).
3. Belousova N. N., Plis N. I. State of affairs with civil products' manufacturing at the large enterprise of defense industry complex of radioelectronic industry: problematic issues requiring solution. *Economic and Social Research*, 2022, no. 2 (34), pp. 6—16. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-2-6-16>
4. Ministry of Industry and Trade of Russia. *Gosudarstvennaya informatsionnaya sistema promyshlennosti = State-Run Informational System of Industry*. (In Russian). Available at: <https://gisp.gov.ru/> (accessed: 25.09.2022).
5. *Edinaya tsifrovaya platforma upravleniya rasvitiem grazhdanskikh proizvodstv OPK = United digital platform for managing the development of civil industrial plant of Defense Industry Complex*. (In Russian). Available at: <https://divopk.vniicentr.ru/home> (accessed: 25.09.2022).
6. Mel'nik S., Vrenev Ya., Kleyn S. Domestic Plug and Play assembly on the basis of driver's core DR8/1700 by JSC "Angstrem". *JSC "Angstrem" Website*. 28.10.2021. (In Russian). Available at: https://www.angstrom.ru/company/articles/otchestvennaya_plug_and_play_sborka_na_baze_drayvernogo_yadra_dr8_1700_ot_ao_angstrem/ (accessed: 25.09.2022).
7. Novak A. V. JSC "Angstrem" cantilevers for atomic-force microscopy (AFM). *Komponenty i tekhnologii = Components and Technologies*, 2020, no. 8 (229), pp. 108—112. (In Russian).
8. The changes to the list of competitive Russian products which are used for national projects' realization and complex plan of backbone infrastructure modernization and expansion until 2024, approved by order of Ministry of Industry and Trade of Russian Federation of July 15, 2019 No. 2484: Order of Ministry of Industry and Trade of Russian Federation of July 20, 2020 No. 2322. *Kodifikatsiya.RF*. (In Russian). Available at: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minpromtorga-Rossii-ot-20.07.2020-N-2322/> (accessed: 25.09.2022).
9. About confirmation of industrial production implementation on the territory of Russian Federation: RF Government Executive Order of July 17, 2015 No. 719. *GARANT*. (In Russian). Available at: <https://base.garant.ru/71139412/> (accessed: 25.09.2022).
10. Passport of national project "Science": approved by Presidium of RF Presidential Council for Strategic Development and National Projects (protocol of Dec. 24, 2018 No. 16). *Pravitel'stvo Rossii = Government of Russia*. (In Russian). Available at: <http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVSuy2Yk7D8hvQpbpUSwO8y.pdf> (accessed: 25.09.2022).
11. *Skills Set Platform of Design Centers of Russian Electronics*. Cop. 2022. (In Russian). Available at: <https://dc-platform.ru/> (accessed: 25.09.2022).
12. Kumaresan V. Fabs never die. *I-Micronews*. 15.02.2021. Available at: https://www.i-micronews.com/fabs-never-die/?utm_source=ZohoCampaigns&utm_campaign=iMN_19Jan (accessed: 25.09.2022).
13. Singer P. Semiconductor manufacturing in the U. S. *Semiconductor Digest*. 17.12.2020. Available at: <https://www.semiconductor-digest.com/semiconductor-manufacturing-in-the-u-s/> (accessed: 25.09.2022).

Информация об авторах

Белоусова Наталья Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, менеджмента и финансов, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, д. 1); директор Аналитического департамента рынка ЭКБ ОПК РФ, АО «Ангстрем» (Россия, 124460, Москва, пл. Шокина, д. 2, стр. 3).

Плис Николай Иванович — кандидат технических наук, первый заместитель генерального

директора, АО «Ангстрем» (Россия, 124460,
Москва, пл. Шокина, д. 2, стр. 3).

Information about the authors

Natalia N. Belousova — Cand. Sci. (Econ.),
Associate Professor at Economics, Management and Finance Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1); Chief of Analytical Department of Specific IC, Angstrem, JSC (Russia, 124460, Moscow, Shokin sq., bldg 3, 2).

Nikolay I. Plis — Cand. Sci. (Eng.), First Deputy General Director, Angstrem, JSC (Russia, 124460, Moscow, Shokin sq., bldg 3, 2).

Статья поступила в редакцию 25.04.2022.

The article was submitted 25.04.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 29–35.

Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 29–35.

Научная статья

УДК 336.745

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-29-35

Сравнительный анализ и выбор криптовалюты для инвестиционных вложений

O. F. Быстров¹, M. V. Солдянов²

^{1, 2}Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹bof_de@inbox.ru

²m4ksIk3@vk.ru

Аннотация. Авторский подход к сравнительному анализу инвестиционных вложений расширяет инструментарий проведения и презентации результатов исследования по данной тематике и позволяет содержательно емко и наглядно представить наиболее рациональные варианты инвестиционных вложений в криптовалюту. Использование данного подхода дает возможность выявлять обоснованно рациональные инвестиционные предложения рынка цифровых валют. Иллюстративный пример облегчает понимание и подтверждает работоспособность авторской методики.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые валюты, электронная платежная единица, инновации, информационные технологии, платежи, переводы, мировой валютный рынок, сравнительный анализ, тренд значений, показатель, критерий, рейтинговая оценка

Для цитирования: Быстров О. Ф., Солдянов М. В. Сравнительный анализ и выбор криптовалюты для инвестиционных вложений // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 29–35. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-29-35>

Original article

Comparative analysis and selection of cryptocurrencies for investment

O. F. Bystrov¹, M. V. Soldyanov²

^{1, 2}National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹bof_de@inbox.ru

²m4ksIk3@vk.ru

Abstract. The authors' approach to the comparative analysis of investments expands the tools for conducting and presenting research results on this topic and allows the presentation of the most rational options for investment in cryptocurrency in a meaningful and concise and visual way. Using this approach makes it possible to identify reasonably rational investment proposals of the digital

currency market. An illustrative example facilitates understanding and confirms the efficiency of the authors' methodology.

Keywords: cryptocurrency, digital currencies, electronic payment unit, innovations, information technologies, payments, money transfers, world currency market, comparative analysis, trend values, indicator, criterion, rating assessment

For citation: Bystrov O. F., Soldyanov M. V. Comparative analysis and selection of cryptocurrencies for investment. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 29–35. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-29-35>

Развитие прогрессивных информационных технологий в области финансов, в частности криптовалют, в скором будущем является одним из ключевых факторов роста количества и объемов платежей на глобальном рынке. Банки всего мира внимательно рассматривают и изучают технологии, лежащие в основе цифровых валют, как потенциально эффективный новый способ передачи права собственности и стоимости в долгосрочной перспективе. Подобные исследования показывают, что эволюция внедрения цифровых валют вполне может быть успешной. Электронная платежная единица создает безопасные платежи и переводы, эффективные с точки зрения стандартизации, совместимости и инноваций. Создание цифровой валюты государственного образца также вызывает все более острый интерес и насущную потребность у финансового мира.

Торговля через Интернет способствует использованию новых технологий, повышая спрос на новые электронные способы оплаты, в связи с преимуществами использования цифровых валют:

- 1) отсутствие инфляции;
- 2) наличие одноранговой криптовалютной сети;
- 3) неограниченные возможности для транзакций;
- 4) целостность системы;
- 5) децентрализация;
- 6) отсутствие границ;
- 7) анонимность;
- 8) прозрачность;

9) скорость транзакции;

10) в открытом коде использование тех же алгоритмов, что и в онлайн-банке и др.

Криптовалютам присущи и определенные риски, в частности: они нестабильны и могут использоваться для отмывания денег или финансирования незаконной деятельности.

Многие эксперты считают, что список недостатков криптовалют гораздо длиннее и связан с риском отмывания денег, финансирования терроризма и другой незаконной деятельности. Отсутствие централизации означает, что нет официального юридического лица — гаранта.

Биткойн — это первая криптовалюта в мире, стоимость которой варьируется в зависимости от признания ее клиентами по всему миру и спроса. Сравнительный анализ наиболее популярных криптовалют приведен в таблице 1.

Поясним использованные в таблице показатели.

Капитализация криптовалют (W1) — это суммарная стоимость монет, которые находятся в обращении.

Цена криптовалюты (W2) — цена в долларах на одной из ведущих бирж либо среднерыночная цена, полученная усреднением котировок на нескольких биржах.

Изменение (за 24 часа), в % (W3) — темп прироста (снижения) курса криптовалюты за сутки.

Объем (за 24 часа), в ₽, \$, € (W4) — суммарное значение цифрового актива или эквива-

Таблица 1

Сравнительный анализ криптовалют

Криптовалюта	Капитализация, \$	Цена, \$	Изменение (за 24 ч.), %	Объем (за 24 ч.), \$
Bitcoin	768 082 252	40 534	+9,58	24 264 914
Tether	77 983 215	1	-0,05	49 617 237
Ethereum	352 501 199	2 953	+11,54	18 403 079
Binance Coin	66 499 164	396	+6,90	1 428 963
Uniswap	5 021 916	11	+6,66	195 399

лент в фиатной валюте, зафиксированное при торговле на всех биржах за последние сутки.

Инвесторы, естественно, ищут те криптовалюты, которые могли бы обеспечить большую отдачу в долгосрочной перспективе. Подобный поиск и сравнительный анализ криптовалют авторы предлагают осуществлять с использованием многокритериальной процедуры принятия решения на множестве вариантов по множеству показателей — метода БОФа, который свободен от ограничений на вид и количество характеристик, а также число сравниваемых вариантов.

Метод БОФа представляет собой процедуру принятия решения на множестве альтернатив по множеству показателей и, по сути своей, представляет метод многомерной оптимизации [1; 2].

Базовая процедура метода БОФа

Пусть имеется n вариантов (альтернатив, стратегий), которые сравниваются между собой по m показателям. С использованием выбранного критерия необходимо выявить лучший вариант.

Алгоритм метода**I этап:**

1) с использованием предпочтений лица, принимающего решения, ранжируем показатели по важности, т. е. каждому показателю присваивается ранг: R_j ; $j = \overline{1, m}$;

2) с использованием рангов рассчитываем весовые коэффициенты показателей:

$$C_j = 1 - \frac{R_j - 1}{m}, \quad (1)$$

где m — число показателей;

3) нормируем весовые коэффициенты показателей их суммой:

$$C_j^* = \frac{C_j}{\sum C_j}. \quad (2)$$

Проверка:

$$\sum C_j^* = 1. \quad (3)$$

II этап:

1) ранжируем варианты по каждому показателю: варианту с номером i по показателю с номером j присваивается ранг R_{ji} ;

2) рассчитываем весовые коэффициенты каждого варианта по каждому показателю, используя зависимость:

$$C_{ji} = 1 - \frac{R_{ji} - 1}{n}; \quad (4)$$

где n — число вариантов;

3) нормируем весовые коэффициенты вариантов по каждому показателю их суммой:

$$\hat{C}_{ji} = \frac{C_{ji}}{\sum C_{ji}}. \quad (5)$$

Проверка:

$$\sum \hat{C}_{ji} = 1. \quad (6)$$

Примечание: если значения показателя W выражены в числовой шкале и большие значения предпочтительнее меньших, значения нормированных весовых коэффициентов по показателю с номером j , т. е. \hat{C}_{ji} , определяют по зависимости (7):

$$\hat{C}_{ji} = \frac{W_{ji}}{\sum W_{ji}}. \quad (7)$$

В случае, когда меньшие значения предпочтительнее больших, используем эту же зависимость, но только для обратных величин W . При $W = 0$ используем базовую процедуру.

III этап:

1) рассчитываем значения обобщенного показателя для каждого варианта по формуле:

$$V_i = \sum (C_j^*) \times (\hat{C}_{ji});$$

2) по критерию оптимальности (критерий наибольшего результата) выбираем лучший вариант, а также составляем рейтинг предпочтительности вариантов.

Примечание: все операции ранжирования выполняются экспертами.

Решение поставленной задачи методом БОФа

С использованием данных таблицы 1 проведем сравнительный анализ и составим рейтинг криптовалют.

Метод БОФа (классическая процедура):

I этап:

1. Ранжируем показатели по важности — присвоим ранг каждому показателю (на основе экспертного выбора) (см. табл. 2).

2. Рассчитываем весовые коэффициенты показателей (см. табл. 3).

3. Нормируем весовые коэффициенты показателей их суммой (см. табл. 4).

Проверка:

$$\sum C_j^* = 0,4 + 0,3 + 0,1 + 0,2 = 1.$$

II этап:

1. Ранжируем варианты по каждому показателю: варианту с номером i по показателю с номером j присваивается ранг R_{ji} (см. табл. 5).

Ранги показателей

Таблица 2

Показатель	Ранг показателя
Капитализация криптовалют — W_1	1
Цена криптовалюты — W_2	2
Изменение (за 24 ч) — W_3	4
Объем (за 24 ч) — W_4	3

Весовые коэффициенты показателей

Таблица 3

Показатель	Весовой коэффиц. показателя
Капитализация криптовалют — W_1	1
Цена криптовалюты — W_2	0,75
Изменение (за 24 ч) — W_3	0,25
Объем (за 24 ч) — W_4	0,5

Таблица 4

Нормированные весовые коэффициенты

Показатель	Нормированный весовой коэффиц. показателя
Капитализация криптовалют — W_1	0,4
Цена криптовалюты — W_2	0,3
Изменение (за 24 ч) — W_3	0,1
Объем (за 24 ч) — W_4	0,2

Таблица 5

Ранги показателей

Показатель	Ранг показателя, R_{ji}				
	Bitcoin	Tether	Ethereum	Binance Coin	Uniswap
W_1	1	3	2	4	5
W_2	5	1	4	3	2
W_3	2	5	1	3	4
W_4	2	1	3	4	5

2. Рассчитываем весовые коэффициенты каждого варианта по каждому показателю, используя зависимость (см. табл. 6).

3. Нормируем весовые коэффициенты вариантов по каждому показателю их суммой (см. табл. 7).

Таблица 6

Весовые коэффициенты показателей

Показатель	Весовой коэффициент показателя					
	Bitcoin	Tether	Ethereum	Binance Coin	Uniswap	Σ вес., коэф.
W_1	1	0,6	0,8	0,4	0,2	3
W_2	0,2	1	0,4	0,6	0,8	3
W_3	0,8	0,2	1	0,6	0,4	3
W_4	0,8	1	0,6	0,4	0,2	3

Таблица 7

Нормированные весовые коэффициенты показателей

Показатель	Нормированный весовой коэффициент показателя					
	Bitcoin	Tether	Ethereum	Binance Coin	Uniswap	Проверка, Σ норм. вес. коэф.
W_1	0,333	0,200	0,267	0,133	0,067	1
W_2	0,067	0,333	0,133	0,200	0,267	1
W_3	0,267	0,067	0,333	0,200	0,133	1
W_4	0,267	0,333	0,200	0,133	0,067	1

III этап:

1. Рассчитываем значения обобщенного показателя для каждого варианта:

$$V_{\text{Bitcoin}} = 0,4 * 0,333 + 0,3 * 0,067 + 0,1 * 0,267 + 0,2 * 0,267 = 0,233.$$

$$V_{\text{Tether}} = 0,4 * 0,200 + 0,3 * 0,333 + 0,1 * 0,067 + 0,2 * 0,333 = 0,253.$$

$$V_{\text{Ethereum}} = 0,4 * 0,267 + 0,3 * 0,133 + 0,1 * 0,333 + 0,2 * 0,200 = 0,220.$$

$$V_{\text{Binance Coin}} = 0,4 * 0,133 + 0,3 * 0,200 + 0,1 * 0,200 + 0,2 * 0,133 = 0,160.$$

$$V_{\text{Uniswap}} = 0,4 * 0,067 + 0,3 * 0,267 + 0,1 * 0,133 + 0,2 * 0,067 = 0,133.$$

Проверка:

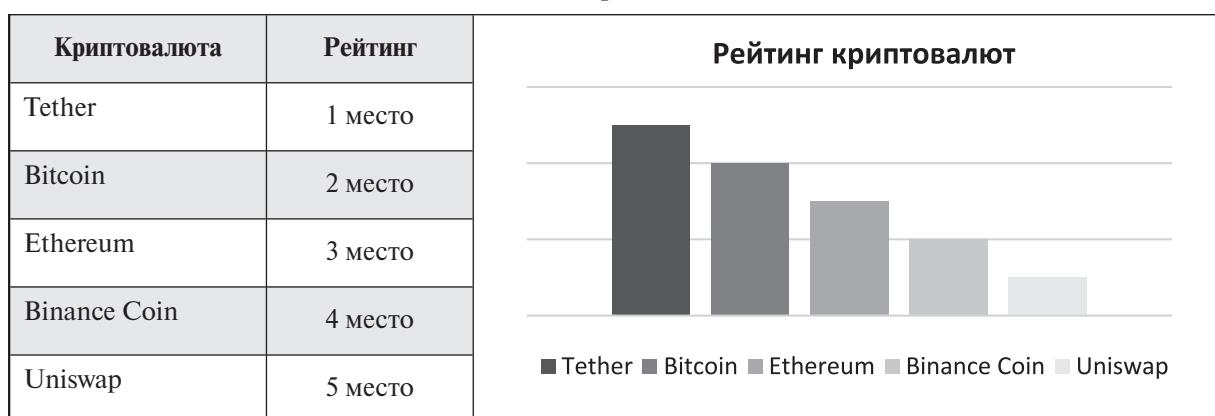
$$\sum V_i = 0,233 + 0,253 + 0,220 + 0,160 + 0,133 = 1.$$

2. По критерию оптимальности (критерий наибольшего результата) выберем лучший вариант, а также составим рейтинг предпочтительности вариантов (см. табл. 8).

Таким образом, с одной стороны, в России принят закон о цифровых финансовых активах, что ставит нашу страну в линейку первых стран в мире, у которых регуляторы стремятся к цифровизации экономики

и проводят масштабные мероприятия на пути цифровизации. С другой стороны, так как цифровые активы — это совершенно новый класс активов, то их правовые и методологические аспекты нужно прорабатывать и адаптировать к современным и прогнозируемым условиям. Решению данной задачи, по мнению авторов, могут способствовать материалы данной статьи.

Таблица 8
Рейтинг криптовалют

Список литературы и источников

1. **Быстров О. Ф.** Метод БОФа в экономике и менеджменте: монография. Riga: Palmarium Academic Publishing, 2013. 96 с.

2. **Быстров О. Ф., Рубцова А. А.** Информационно-аналитическая поддержка управлеченческих решений в экономике и менеджменте с использованием вариаций метода БОФа. Chisinau: Palmarium Academic Publishing, 2020. 52 с.

3. Теоретические основы моделирования военно-технических систем: учебник / О. Ф. Быстров, А. В. Мальцев, Г. Н. Охотников и др.; под ред. О. Ф. Быстрова. М.: РВСН, 1993. 488 с.

References

1. Bystrov O. F. *The BOF method in economics and management*, monograph. Riga, Palmarium Academic Publishing, 2013. 96 p. (In Russian).

2. Bystrov O. F., Rubtsova A. A. *Information and analysis support of managerial in economics and management using the BOF method variants*. Chisinau, Palmarium Academic Publishing, 2020. 52 p. (In Russian).
3. Bystrov O. F. (auth., ed.), *Mal'tsev A.B., Okhotnikov G. N., Roldugin V. D., Torbin V. U. Theoretical basis of military technical systems modeling*, manual. Moscow, RVSN, 1993. 488 p. (In Russian).

Информация об авторах

Быстров Олег Филаретович — доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Солдянов Максим Владимирович — студент, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Oleg F. Bystrov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Maxim V. Soldyanov — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 26.05.2022.

The article was submitted 26.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 36—47.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 36—47.

Научная статья

УДК 339.138: 004.9
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-36-47

Эволюционные аспекты брендинга в цифровых коммуникациях современного бизнеса

Л. В. Мрочко¹, Г. В. Спиридонова²

^{1,2} Московский гуманитарный университет, Москва, Россия

¹ dr.discussion@yandex.ru

² gspiridonova@mosgu.ru

Аннотация. Авторы рассматривают эволюцию концепций брендинга, специфику их применения на разных этапах развития коммуникаций и связь с концепциями маркетинга. Обосновывается положение о том, что несмотря на сложности развития экономической среды, нельзя отказываться от концепций брендинга. Утверждается: санкции не могут стать серьезным барьером на пути развития и эволюции коммуникаций брендинга, так как сила его влияния на цифровые коммуникации бизнеса остается высокой.

Ключевые слова: цифровая среда, бизнес, эволюция брендинга, цифровизация брендинга, концепции брендинга, digital, маркетинговые коммуникации, продвижение бренда

Для цитирования: Мрочко Л. В., Спиридонова Г. В. Эволюционные аспекты брендинга в цифровых коммуникациях современного бизнеса // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 36—47. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-36-47>

Original article

Evolutionary aspects of branding in digital communications of modern business

L. V. Mrochko¹, G. V. Spiridonova²

^{1,2} Moscow University for the Humanities, Moscow, Russia

¹ dr.discussion@yandex.ru

² gspiridonova@mosgu.ru

Abstract. The authors consider the evolution of branding concepts, the specifics of their application at different stages of communication development and the relationship with marketing concepts. They have substantiated the position that despite the complexities of the development of the economic environment, it is not advised to abandon the concepts of branding. Even sanctions

cannot become a serious barrier to the development and evolution of branding communications, as the power of its influence on digital business communications is of high value to modern companies.

Keywords: digital environment, business, branding evolution, branding digitalization, branding concepts, digital, marketing communications, brand promotion

For citation: Mrochko L. V., Spiridonova G. V. Evolutionary aspects of branding in digital communications of modern business. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 36—47. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-36-47>

Понятие бренда сегодня очень прочно вошло в нашу жизнь. Сегодня нет ни одной сферы экономической, социальной и политической деятельности людей, где бы не использовался данный термин. Его значение применимо как в контексте качественной продукции и (или) услуги, так и в контексте характеристики личности сотрудника организации и самой организации в целом. Широта и конверсия применения понятия «бренд», использования коммуникационных технологий бренда особенно востребованы в период развития цифровой среды и онлайн-коммуникаций. Масштабность использования брендинга в современной экономике вызвана его широким практическим применением и необходимостью цифровой визуализации. Возрастающий интерес современного бизнеса к изучению возможностей брендинга, исследование специфики продвижения бренда и особенностей применения инструментов продвижения объясняется не только малой изученностью данного вопроса, но и практической его значимостью. Обобщение значимости бренда в современной бизнес-среде позволяет выделить практики его применения.

1. С точки зрения практического применения в бизнесе в целом и в маркетинге и управлении продажами в частности, результаты изучения инструментов продвижения бренда и применения коммуникационных технологий брендинга дают ответ на многие вопросы управления политикой про-

движения товаров, формирования устойчивого внимания потребителей к товару и (или) компании в целом, а также помогают повысить интерес конкретных потребителей к товару и успешно реализовать задачи бизнеса.

2. Отнесение товара к бренду, наделение товара именем бренда дает возможность не только повысить внимание и интерес потребителей, но и достичь устойчивого положительного отношения потребителей к бренду. Эффективность от устойчивости показателя лояльности потребителей проявляется во многих направлениях деятельности компаний, например: продажи, рейтинг, репутация и имидж, сложившиеся у широкой общественности и среди конкурентов. Устойчивое внимание лояльных к бренду потребителей помогает формировать положительную репутацию товара под именем бренда и компании-производителя товара. Наличие бренда для товаров и услуг позволяет не только изменить отношение целевой аудитории к ним, но и значительно повысить мнение общества о бренде.

3. При использовании моделей интеграции бренд-коммуникаций компании могут приобретать гудвилл (goodwill), т. е. стоимость компании увеличивается за счет ее нематериальных активов, таких как: ценность бренда; эффективная коммуникационная деятельность компании и резонанс в СМИ; сильная корпоративная культура и корпоративная ответственность; ценность компании в профессиональной среде HR и среди стейк-

холдеров; высокая репутация в обществе, среди потребителей, инвесторов и конкурентов.

4. Хороший бренд может стать гарантией высоких финансовых показателей: увеличение объемов продаж товаров и услуг, расширение рынков сбыта, франчайзинг, улучшение инвестиционной стратегии и активности компании. Развитие цифровой среды и коммуникаций значительно улучшает и ускоряет положительные результаты.

5. Хороший бренд может повлиять на деятельность компании — производителя бренда, а также всех посредников в цепочке b2b. Инструменты брендинга значительно увеличивают объем реализации товара марки бренда в различных нишах рынка, например, через посреднические сети дистрибуции или дилеров.

Исследование сущности и природы понятия «бренд» в работах зарубежных и отечественных авторов позволяет понять сложность трансформации потребительского восприятия бренда. Самая цитируемая трактовка понятия «бренд» принадлежит Американской ассоциации маркетинга (ААМ): «Бренд — название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов и для дифференциации их от товаров или услуг конкурентов» (приводится по: [5]).

В работах отечественного специалиста в области коммуникаций С. А. Старова причина успеха бренда объясняется воздействием системы коммуникаций. Потому понятие бренда он рассматривает как результат влияния верbalных и неверbalных идентификаторов, которое проявляется в функциональном, эмоциональном и символическом вовлечении потребителей в восприятие бренда. С. А. Старов считает, что бренд предоставляет потребителю право выбирать не только качество товара, но и его уникальные и релевантные ценности [8].

В работах Т. Гэда рассматривается четырехмерная модель создания бренда, в кото-

рой основной акцент изучения бренда направлен на его связь с психологией влияния на потребителя. Т. Гэд выделяет четыре фактора влияния бренда, под воздействием которых оказывается потребитель: влияние функциональное, ментальное, духовное и социальное (рис. 1) [2].

Функциональное измерение бренда отвечает на вопросы привлекательности марки через полезные свойства, как показано в работах Д. Аакера и К. Келлера. Ментальное измерение *выражено* в самовосприятии и самоидентичности потребителя. Духовное измерение *определяет* самовосприятие и самоидентичность потребителей, их переживания и философию восприятия ценности бренда. Социальное измерение связано с возможностями идентифицировать бренд с конкретной социальной группой и получать социальное одобрение, как и утверждает К. Келлер [3].

Представляет интерес модель бренда, разработанная и внедренная в практику известной консалтинговой компанией McKinsey&Company. Бренды, согласно данной модели, составляют конкретные образы в сознании потребителей. Исследования многих брендов привели McKinsey&Company к мнению, что данные образы формируют ассоциации при взаимодействии бренда и потребителей. Компания сделала вывод, что при управлении брендом необходимо учитывать ассоциации потребителей. Было предложено классифицировать ассоциации, вызванные влиянием бренда, по четырем категориям: 1) влияние осозаемых характеристик марки; 2) влияние неосозаемых характеристик марки; 3) влияние рациональных преимуществ и характеристик бренда; 4) влияние эмоциональных преимуществ и характеристик бренда. Исследования McKinsey&Company на практике показали, что успешность бренда зависит от группировки всех четырех категорий. Отмечена также важность осозаемых характеристик, которые, как в концепции Д. Аакера,

Рис. 1. Четырехмерная модель бренда

Источник: <https://delovoymir.biz/res/images/uploaded/articles/img/116862654453143.png>

входят в оболочку бренда и отвечают за формирование других категорий влияния на потребителя, — влияния неосознаваемых ассоциаций, рациональных и нерациональных преимуществ и характеристик бренда [1].

Поиск устойчивых основ структуры бренда продолжается. В частности, в работе В. В. Храпова рассмотрена модель бренд-платформы. Ее основная цель — не только описать группы факторов выгоды бренда и ассоциаций, вызываемых в сознании потребителей, но и определить фундамент, основу структуры, обуславливающую устойчи-

вость бренда. Модель бренд-платформы включает несколько основных элементов: общепризнанное убеждение, выгоды бренда, барьер бренда, инсайт бренда, характер бренда и причины доверия [11].

Систематизируя результаты исследования определений и моделей бренда, можно резюмировать, что для успешного создания бренда и управления его продвижением необходимо подойти к проблеме исследования с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения производителя и его интересов в конкурентной среде; во-вторых, с точки зрения

потребителя, в соответствии с его взаимодействием с брендом, его ассоциациями, идентификацией бренда согласно заявленным характеристикам марки.

Анализируя концепции брэндинга, можно выделить четыре наиболее известных и применяемых на практике подхода:

а) опознавательный подход — рассмотрение бренда через призму визуальных и невизуальных инструментов;

б) юридический подход — решение вопросов правообладания и установление границ использования технологий, инструментов, коммуникаций в ходе управления брендами;

в) подход маркетинга и менеджмента — исследование вопросов управления брендом и продвижения бренда в конкурентной среде, а также проблем повышения внимания (loyality) потребителей к бренду;

г) экономический подход — рассмотрение эффекта бренда с точки зрения капитала марки, увеличения доходов компании-производителя за счет роста репутации и имиджа бренда среди потребителей.

При этом модели бренда, структуру и отдельные характеристики также можно рассматривать как явления, связанные с трансформацией внимания потребителей в цифровой среде. Данные явления связаны с развитием общества и цифровой среды. Эта закономерность отмечена в работах многих экспертов: «чем быстрее развиваются коммуникации в обществе, тем быстрее трансформируется внимание потребителей к бренду» [4]. Например, по мнению А. Н. Кульмана, современное общество и экономика нуждаются в новых брэндах, названных исследователем небрэндами. Основная задача небрэндов — повышение взаимодействия потребителей и брендов через обратную связь и эмоциональный контакт, а также через персонифицированный подход к вниманию потребителей и всех участников продвижения брендов. Достичь лучших результатов возможно только в развитой цифровой среде. В концепциях

современных исследований определены принципы небрэнда, которые помогут выстроить прочные и долговечные отношения с целевой аудиторией, привлечь расположение широкой общественности к бренду, в том числе в цифровой среде. Придерживаться принципов небрэнда — значит:

1) строить лояльные отношения с потребителем не на финансовой основе, а на эмоциональных отношениях;

2) отслеживать правильность ассоциаций, связанных с ценностью бренда, ориентированных на результат и ожидания потребителей;

3) при разработке и продвижении бренда использовать персонифицированный подход к потребителю;

4) четко идентифицировать бренд среди конкурентов, создавать яркий, креативный бренд;

5) учитывать, что бренд должен разделять ценности потребителей;

6) соблюдать условие: ценности и философия бренда должны быть понятны не только целевым группам, но и обществу, — чтобы устойчивость и платформа бренда были сильнее;

7) учитывать функциональные, ментальные, социальные и духовные выгоды использования бренда;

8) объединять потребителей в социальные сообщества, стимулируя их мотивацию, самовыражение и самореализацию через бренд [4; 12].

Многие концепции современного брэндинга в период развития цифровой среды содержат данные принципы. Кроме того, данное направление в теориях маркетинга и небрэндинга получило название «очеловечивание бренда». В основе новой философии небрэндинга лежит выстраивание тесных и честных отношений нового бренда не только с потребителем, но и с компанией, представляющей интересы бренда. В подтверждение приведем несколько современных концепций небрэнда, которые «ищут

внимания» в знакомой маркетинговой и новой цифровой среде.

Концепцию «Любимые марки» (англ. *lovemarks*) К. Робертса можно выразить одним слоганом: «Лучшие бренды строятся на доверии, а великие — на любви». П. Темпорал в своих исследованиях отмечает, что бренды, «способные» заботиться о потребителе, формирующие социальную ответственность в компаниях, могут всегда рассчитывать не только на высокую лояльность, но и на регулярную прибыль марочного капитала.

В концепции 4D брендинга Т. Гэд дает прогноз будущих концепций бренда в цифровом обществе. Основываясь на выводах исследований практического продвижения многих брендов в современных компаниях, Т. Гэд предполагает, что будущее стоит строить на брендах — друзьях потребителей. Эволюция внимания потребителей к бренду переходит на новый виток отношения к бренду как к другу, который разделяет ценности потребителя и его взгляды [2].

В работах Дж. К. Левинсона маркетинг сравнивается с межличностными коммуникациями. Дж. К. Левинсон и С. Годин предлагают использовать термин «маркетинг отношений», который наилучшим образом подходит для техники продвижения современных брендов — для поддержки бренда в социальных сетях и социальных сообществах. В исследованиях этих ученых можно отметить очень интересное предложение рассматривать маркетинг как «личную связь между производителем и потребителем», где основной акцент — и при продвижении бренда, и при формировании лояльности и внимания потребителей — сделан на «человечности» бренд-коммуникаций, социализации бренда, гражданской и социальной ответственности компании. По мере развития коммуникаций, расширения производства, развития экономики и международной торговли концепции брендинга развиваются вместе с маркетингом. Среди основных характеристик брендинга начинает превалиро-

вать формирование лояльности потребителей, поскольку от лояльности зависит конкурентоспособность компании и финансовая устойчивость [9].

Особую роль в изменении направления концепций брендинга оказали цифровые коммуникации и цифровая среда, что привело также к изменениям в маркетинге. Изменение отношения к структуре бренда и основным понятиям брендинга в период цифровизации отражено в исследованиях многих ученых, это Дж. Вестерман, Д. Боннэт, Д. Макафи, А. Метиза, Д. Л. Алден.

Основные направления перехода от маркетинга к бренд-маркетингу в цифровой среде проанализированы в работах Д. Халилова [10; 13].

Развитие цифровой среды и цифровых коммуникаций шло параллельно с эволюцией концепций брендинга. Каждый новый этап цифровой эволюции вносил свои корректизы в развитие брендинга и бренд-маркетинга. Можно выделить несколько этапов цифровых трансформаций концепций брендинга: 1) модель цифровой сторителлингизации бренда-маркетинга; 2)protoцифровой бренд-маркетинг; 3) цифровой бренд-маркетинг (см. рис. 2). Изменение инструментов бренд-маркетинга в цифровой среде было обусловлено следующими причинами: изменилась модель потребительского поведения; повысился уровень потребности в привлечении внимания потребителей; появилась необходимость защиты бренда [6].

Первый этап цифровизации концепций брендинга в маркетинге — период с 1970 по 2000 г. В этот период доступ к глобальной сети Интернет был ограничен, что привело к появлению «конкурентных войн». Конкурентные войны бренды вели открыто, переходя из цифровой среды в обычные маркетинговые коммуникации. Это бренды Pepsi и Coca-Cola, BMW и Audi, Burger King и McDonald's. Так, в ходе запуска акции Pepsi Challenge (1976) потребителям предлагалось вслепую продегустировать Pepsi и Coca-Cola

и озвучить свои предпочтения. Ответом бренда Coca-Cola на стратегию Pepsi явилось создание New Coke — напитка, идентичного Pepsi, с аналогичной дегустационной кампанией (1980) [7].

Следующий этап цифровизации в концепциях брендинга — виртуализация брендинга. На данном этапе — в период с 2000 по 2010 г. — особое место в бренд-маркетинге уделяется исследованию стимулов и потребностей нового поколения, активно использующего возможности Интернета. Развитие брендинга переходит к сторителлингизации бренд-маркетинга, формируются предпосылки к появлению следующего этапа — создания концепций цифровизации брендинга. Структура бренда включает возможность удаленного объединения людей на основе идеи, философии, взглядов, культуры, образования, социальных предпочтений и иных интересов. Данному этапу свойственна возрастающая роль таких каналов маркетинговых коммуникаций, как телевидение и Интернет. Они становятся основными инструментами в борьбе брендов за внимание потребителей [7].

Третий этап трансформации бренд-маркетинга в период с 2010 г. по настоящее время остается верен принципам влияния на потребителей через инструменты брендинга в цифровой среде. Однако бурный рост цифровой среды и цифровых технологий определяет различия в стадиях данного этапа. В исследованиях отмечается, что первая стадия сформировалась в период с 2010 по 2015 г. Основное ее отличие — изменение предпочтений потребителей в отношении условий покупки, что усложнило процесс продвижения бренда. Основными средствами влияния на потребителя становятся социальные медиа и поддомены на сайте компаний. Вторая стадия, соответственно, зафиксирована в период с 2014 по 2016 г. Здесь наблюдается динамика роста предпочтений потребителей в части использования цифровой среды. Бренд был вынужден подстраиваться

под требования потребителей, что опять усложнило процесс продвижения бренда в цифровой среде и потребовало обращаться к новым технологиям и инструментам. Как следствие, в 2010 г. цифровой сторителлинговый бренд-маркетинг сменилсяprotoцифровым, параллельно с которым в 2014—2016 гг. возник и начал развиваться цифровой бренд-маркетинг. Protoцифровой и цифровой бренд-маркетинг в целом наследуют особенности прошлых этапов цифровизации, однако значительно от них отличаются, если исходить из специфики, формирующей их уникальность (рис. 2.) [1].

Этап protoцифрового бренд-маркетинга развивается по модели «бизнес для потребителя». На данном этапе отбираются самые популярные среди потребителей каналы коммуникаций, имеющие высокий рейтинг и доступность для большинства, такие, которые можно объединить в онлайн- и офлайн-среде. Цифровые технологии и инструменты позволяют объединить усилия этих каналов в продвижении бренда. Например, телевизионная реклама информирует и направляет потребителя в социальные медиа и поддомен сайта. В Интернете объединяются функции следующих инструментов: контекстная реклама, таргетинг в социальных сетях, работа блогеров, seo-оптимизация, традиционная реклама, email-маркетинг, реклама в видеоиграх и стриминг. Параллельно с развитием цифровой среды и цифрового брендинга растет понимание новых инструментов бренда, в частности репутации и имиджа бренда в составе капитала бренда, — понимание, обусловленное концепцией ценности продукта. Поэтому имиджевые рекламные кампании запускаются одновременно с продвижением бренда в цифровой среде. Традиционная рекламная кампания и социальные медиа направляют потребителя на поддомен, который используется для конкретной рекламной кампании. На этой стадии protoцифрового бренд-маркетинга ослабевает эффективность его влияния на потребителя.

Рис. 2. Характеристикаprotoцифрового и цифрового бренд-маркетинга [1]

Это происходит по причине роста влияния социальных медиа на социальную сферу и влияния потребительских категорий брендов, в частности. Популярными становятся более 20 социальных платформ, среди них: Facebook (сегодня Meta), YouTube, WhatsApp, WeChat [1]. Даже в период экономических санкций бизнес-среда находит выход из обострений и противоречий, сложившихся в экономической и политической сферах. Актуальность использования и применения социальных сетей и цифровых коммуникаций заставляет страны, попавшие под санкции (например, Ирак, Кувейт, Гаити, Иран, КНДР, Кот-д'Ивуар, ЮАР, Югославию, Россию), искать самостоятельно новое направление развития цифровой среды. Высокую востребованность социальных сетей не останавливают разрывы национальных экономических бизнес-коммуникаций в связи с

санкциями. На смену раскрученным международным брендам социальных платформ приходят новые, национальные, востребованные сегодня бизнесом и потребителями. Так, в России разработаны и внедрены следующие социальные коммуникации:

- ЯRUS — социальная сеть, совмещающая функции нескольких известных зарубежных приложений (Meta, YouTube и TikTok), основной акцент в привлечении аудитории делается на новостную ленту, на возможность смотреть и скачивать видео, музыку, размещать посты и организовывать мероприятия, однако сеть находится в стадии становления, поэтому не все рекламные инструменты сегодня доступны, платформа активна для операционных систем iOS и Android;
- NOW — альтернатива Instagram, запрещенного сегодня в России, сеть позволяет легко обмениваться фотографиями с друзьями

и близкими, создана и запущена компанией Яндекс;

- VK — самая раскрученная и востребованная сеть в России, с каждым годом увеличивает число пользователей, расширяет функционал за счет внедрения новых внутренних сервисов, востребована и используется в b2b, b2c, c2c, b2g, c2c сегментах российского рынка и дружественных России стран;

- Одноклассники — социальная сеть, одна из первых появилась в России, аудитория более возрастная и региональная, аналог VK, имеет доступ к фото- и видеоконтенту, музыке, играм, тематическим сообществам, имеет виртуальную валюту ОКи, дополнительные сервисы (мессенджер «ТамТам» и приложение для стриминга «OK Live»), веб-версию и мобильное приложение;

- TanChat — деловая социальная сеть, аудитория — бизнес-сообщество, сеть создана для ведения блогов на экспертные темы, поиска клиентов, обмена кейсами и профессиональными достижениями, насчитывает более миллиона пользователей, создатели ожидают увеличения количества пользователей до нескольких миллионов человек; особенность сети: на платформе запрещены кросспостинг и публикации нетематического материала;

- Яндекс.Дзен — платформа размещает авторский контент, ее публикации читают ежемесячно более 72 млн россиян, специфика сети — Лента Дзен, которая формируется в соответствии с предпочтениями и желаниями пользователей, кроме того, интеллектуальный алгоритм сети анализирует материал, опубликованный автором, затем рекомендует его другим пользователям; благодаря широкой аудитории и удобной ленте новостей, Яндекс.Дзен используется как маркетинговый инструмент: создается контент, актуальный для целевой аудитории, причем не только в версии для десктопа, но и в приложении для Android, iOS, HarmonyOS;

- Телеграмм-канал — развивающаяся социальная сеть, удобна для бизнеса, имеет музыкальный контент и видеоконтент, функцию обмена видео- и фотодокументами; сегодня отличается быстрой и качественной связью, наращивает новые возможности использования маркетинговых инструментов.

На смену процифровому маркетингу приходит цифровой — digital branding. В основе digital-брендинга лежит принцип синхронизации каналов коммуникации в цифровой среде. Он использует техники информирования, предлагает потребителям актуальную информацию и длительную обратную связь с брендом. Кроме того, digital-брендинг применяет принцип креативности, предполагающий социализацию и навыки коммуникаций [1].

Среди механизмов digital-брендинга стоит отметить три основных: взаимодействие бренда с целевой аудиторией через инструменты и коммуникации в Интернете; синхронизация каналов коммуникаций; визуализация образов бренда в цифровой среде. Бренд-коммуникация в цифровой среде использует много различных инструментов, например: таргетинг в социальных сетях, контент-маркетинг, мобильные приложения, цифровые онлайн-радиостанции и цифровое телевидение и др. Синхронизация каналов коммуникаций в digital-брендинге осуществляется на основе ядра системы коммуникаций и систематизации данных об эффективности каналов. Механизмы визуализации образов бренда в digital-брендинге следующие: позиционирование брандированного фото- и видеоконтента; внедрение фирменной цветовой палитры бренда; применение дополненной (AR) и виртуальной (VR) реальности, Интернета вещей, искусственного интеллекта.

Трансформация традиционной индустрии маркетинговых коммуникаций определила появление следующих факторов:

- рост конкуренции в цифровой среде и разнообразие применения инструментов

рекламы, связей с общественностью и маркетинга;

- формирование Big Data (большие данные) и увеличение потока информации на разных цифровых платформах;

- трансформация моделей поведения потребителей, средств их привлечения и защиты бренда¹.

В digital-брэндинге появилась новая потребность взаимодействия цифровых маркетинговых коммуникаций и человека. Информация в цифровой среде обрела новые роли и статусы как в социальной сфере, так и в коммерческой. Сформировались новые подходы к организации мероприятий продвижения бренда, система маркетинговых коммуникаций обрела новый смысл — в интеграции ее составляющих для достижения синергии бренда. Модели интеграции не только объединили традиционные каналы и цифровую среду в маркетинге, но стали использовать корпоративные возможности компаний, их новые ориентиры в системе глобализационных ценностей общества и экономики. Доступность Интернета и мобильные технологии, используемые цифровой средой, позволили современным потребителям отслеживать мнения о бренде, информацию и впечатления о марке, оказывая существенное влияние уже без учета контроля традиционного маркетинга, а только под контролем цифровой среды, например, в системе блокчейна или искусственного интеллекта. Инфоповоды и мнения блогосферы стали более значимы, чем обычная рекламная кампания. Отдельные мероприятия (event маркетинг) теперь могут привлечь больше целевой аудитории, чем длительные рекламные кампании. Однако эффект от таких мероприятий прогнозируется не столь долгим в сравнении с эффектом от кампа-

ний. Поэтому основная задача digital-брэндинга заключена в долговременном влиянии на потребителя в цифровой среде.

Основные особенности и преимущества продвижения бренда в цифровой среде, которые определяют многие практики брандинга и маркетинга, составляют факторы, связанные с положительным влиянием на стратегию бренда в целом.

1. В коммуникацию с брендом включаются глобальные международные группы потребителей, которые объединены на социальных платформах и в сообществах.

2. Применение цифровых технологий и инструментов увеличивает скорость распространения информации.

3. В цифровой среде упрощается контроль и управление продвижением бренда, а также всеми маркетинговыми процессами.

4. Активизируется и упрощается обратная связь с целевыми аудиториями и с конкретным потребителем.

5. Фиксируется относительно низкая стоимость организации мероприятий и рекламных кампаний продвижения бренда².

Очевидно, что сегодня необходимость работы в цифровой среде возрастает на всех уровнях бизнеса. Поэтому инструментарий цифровых коммуникаций применяется к современным методам продвижения бренда, с которыми сегодня работают агентства, — от простых методов проработки фирменного стиля до сложных кампаний, ориентированных на связи с общественностью в цифровой среде. Брендинг, как и коммуникации связей с общественностью, в системе маркетинговых коммуникаций является наиболее эффективным инструментом. От умелого управления и продвижения марки товара с помощью технологий digital зависят

¹ Digital Branding: вовлекаем пользователей нестандартно // Marketing.by: онлайн-журнал. 23.10.2014. URL: <https://marketing.by/novosti-rynska/digital-branding-nestandardnye-resheniya-po-vovlecheniyu-polzovateley/> (дата обращения: 19.08.2022).

² Digital Branding: вовлекаем пользователей нестандартно // Там же. URL: <https://marketing.by/novosti-rynska/digital-branding-nestandardnye-resheniya-po-vovlecheniyu-polzovateley/> (дата обращения: 19.08.2022).

стратегические перспективы компаний, а также внимание и вовлеченность потребителей в бренд. Овладение интернет-технологиями значительно расширяет возможности брендинга в продвижении товаров и услуг, позволяет выстраивать эффективные связи в бизнесе.

Список источников

1. **Аакер Д. А.** Создание сильных брендов. 2-е изд. М.: Изд. дом Гребенникова, 2008. 440 с.
2. **Гэд Т.** 4D брендинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики / [пер. с англ. М. Аккая]. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2003. 228 с.
3. **Келлер К. Л.** Стратегический брэнд-менеджмент: создание, оценка и управление марочным капиталом / [пер. с англ. Л. В. Герасимчук и др.]. 2-е изд. М. [и др.]: Вильямс, 2005. 697 с.
4. **Корзун А.** Эволюция бренда (часть 2) // Бренд-менеджмент. 2008. № 2. С. 66—75.
5. **Мазилкина Е. И.** Брендинг: учеб.-практ. пособ. М.: Дашков и К°, 2008. 224 с.
6. **Метиза А.** Бренд тогда и сейчас. Трансформация брендинга за последние пять лет // Solar Digital [Электронный ресурс]. 22.01.2019. URL: <https://solardigital.com.ua/blog/brend-togda-i-sejchas-transformaciya-brendinga-za-poslednie-pyat-let/> (дата обращения: 19.08.2022).
7. **Старобина К.** Война миров: как бренды улучшают имидж, выгодно сравнивая себя с конкурентами / [эксперты: А. Пономарев, Ю. Хабаров] // Cossa: интернет-издание [Электронный ресурс]. 26.08.2014. URL: <https://www.cossa.ru/trends/82057/> (дата обращения: 18.08.2022).
8. **Старов С. А.** Управление брендами. 3-е изд. СПб.: Высшая школа менеджмента, 2010. 500 с.
9. Стратегии, которые работают. Подход BCG: сб. статей / сост. К. Штерн, Дж. Стокмл. 2-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2007. 495 с.
10. **Халилов Д.** Маркетинг в социальных сетях. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 228 с.
11. **Храпов В. В.** Как разработать бренд-платформу? // Бренд-менеджмент. 2008. № 1. С. 18—24.

12. **Чернатони Л.** От видения бренда к оценке бренда: Стратегический процесс роста и усиления брендов. М.: Группа ИДТ, 2007. 310 с.

13. **Westerman G., Bonnet D., McAfee A.** Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. Boston, MA: Harvard Business Review Press, 2014. 303 p.

References

1. Aaker D. A. *Building Strong Brands*. New York, The Free Press, 1995. 400 p.
2. Gad Th. *4-D Branding: Cracking the Corporate Code of the Network Economy*. London et al., Pearson Education, 2001. 183 p.
3. Keller K. L. *Strategic Brand Management: Building, Measuring, and Managing Brand Equity*. 2nd ed. Upper Saddle River: Prentice Hall, 2002. 788 p.
4. Korzun A. Brand evolution (part 2). *Brendmenedzhment*, 2008, no. 2, pp. 66—75. (In Russian).
5. Mazilkina E. I. *Branding*, practical learning guide. Moscow, Dashkov i K° Publ., 2008. 224 p. (In Russian).
6. Metiza A. Brand then and now. Branding transformation over the past five years. *Solar Digital [corporate blog]*. 22.01.2019. (In Russian). Available at: <https://solardigital.com.ua/blog/brend-togda-i-sejchas-transformaciya-brendinga-za-poslednie-pyat-let/> (accessed: 19.08.2022).
7. Starobina K. War of worlds: how brands improve their image favourably comparing themselves to competitors, [experts: A. Ponomarev, Yu. Khabarov]. *Cossa* [web]. 26.08.2014. (In Russian). Available at: <https://www.cossa.ru/trends/82057/> (accessed: 18.08.2022).
8. Starov S. A. *Brand Management*. 3rd ed. St. Petersburg, Graduate School of Management, 2010. 500 p. (In Russian).
9. Stern C., Stalk G., Jr. (eds.) *Perspectives on Strategy from The Boston Consulting Group*. Hoboken, NJ, Wiley, 1998. 336 p.
10. Khalilov D. *Marketing in Social Networks*. 5th ed. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2018. 228 p. (In Russian).
11. Khrapov V. V. How to develop a brand platform? *Brend-menedzhment*, 2008, no. 1, pp. 18—24. (In Russian).

12. Chernatoni L. de. *From Brand Vision to Brand Evaluation: The strategic process of growing and strengthening brands*. 2nd ed. Oxford, Butterworth-Heinemann, 2006. 320 p.
13. Westerman G., Bonnet D., McAfee A. *Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation*. Boston, MA, Harvard Business Review Press, 2014. 303 p.

Информация об авторах

Мрочко Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций, Московский гуманитарный университет (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Спирidonова Галина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории рекламы и массовых коммуникаций, Московский гуманитарный университет (Россия, 111395, Москва, ул. Юности, 5).

Information about the authors

Leonid V. Mrochko — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow University for the Humanities (5 Yunost St., Moscow, 111395, Russia).

Galina V. Spiridonova — PhD in Economics, Associate Professor at the Department of Advertising Theory and Mass Communications, Moscow University for the Humanities (5 Yunost St., Moscow, 111395, Russia).

Статья поступила в редакцию 15.09.2022.

The article was submitted 15.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 48–58.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 48–58.
Научная статья

УДК 001.895:658(512.2+64)
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-48-58

Использование инструментов дизайн-исследований при разработке инновационного цифрового продукта

A. Ю. Сучкова¹, О. М. Игрунова²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ *alina.suchkova.20@inbox.ru*

² *igrunova@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена использованию инструментов дизайн-исследований при разработке инновационного цифрового продукта. В качестве инструментов дизайн-исследований авторы используют карты эмпатии и пользовательский путь. Результаты исследования обработаны и визуализированы с применением программных продуктов, представленных в открытом доступе на внешних цифровых платформах. По результатам исследования разработано онлайн-приложение «Сытый студент», автоматизирующее услуги общественного питания в вузе.

Ключевые слова: дизайн-исследование, карта эмпатии, пользовательский путь, инновационный продукт, онлайн-приложение, рынок потребительских услуг, потенциал рынка, общественное питание

Для цитирования: Сучкова А. Ю., Игрунова О. М. Использование инструментов дизайн-исследований при разработке инновационного цифрового продукта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 48–58. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-48-58>

Original article

Using design research tools in the development of an innovative digital product

A. Yu. Suchkova¹, O. M. Igrunova²

^{1, 2}National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ *alina.suchkova.20@inbox.ru*

² *igrunova@list.ru*

Abstract. The article is devoted to the use of design research tools in the development of an innovative digital product. The authors use empathy maps and user path as design research tools.

The results of the research are processed and visualized using software products that are publicly available on external digital platforms. During the study, the authors have developed an online application “Nourished Student” that automates catering services in the university.

Keywords: design research, empathy map, user path, innovative product, online application, consumer services market, market potential, catering

For citation: Suchkova A. Yu., Igrunova O. M. Using design research tools in the development of an innovative digital product. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 48–58. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-48-58>

Прежде чем создать действительно востребованный товар или услугу, необходимо узнать все о тех, кто будет ими пользоваться, — качественно изучить и проанализировать целевую аудиторию. Пол, возраст, профессия — все это, безусловно, необходимо, но данной информации о клиенте явно недостаточно. Инсайт при разработке инновационного продукта можно получить только тогда, когда будет возможность лучше понимать клиента: что его беспокоит, кто его окружает, какие у него проблемы, как он принимает решения и т. д.

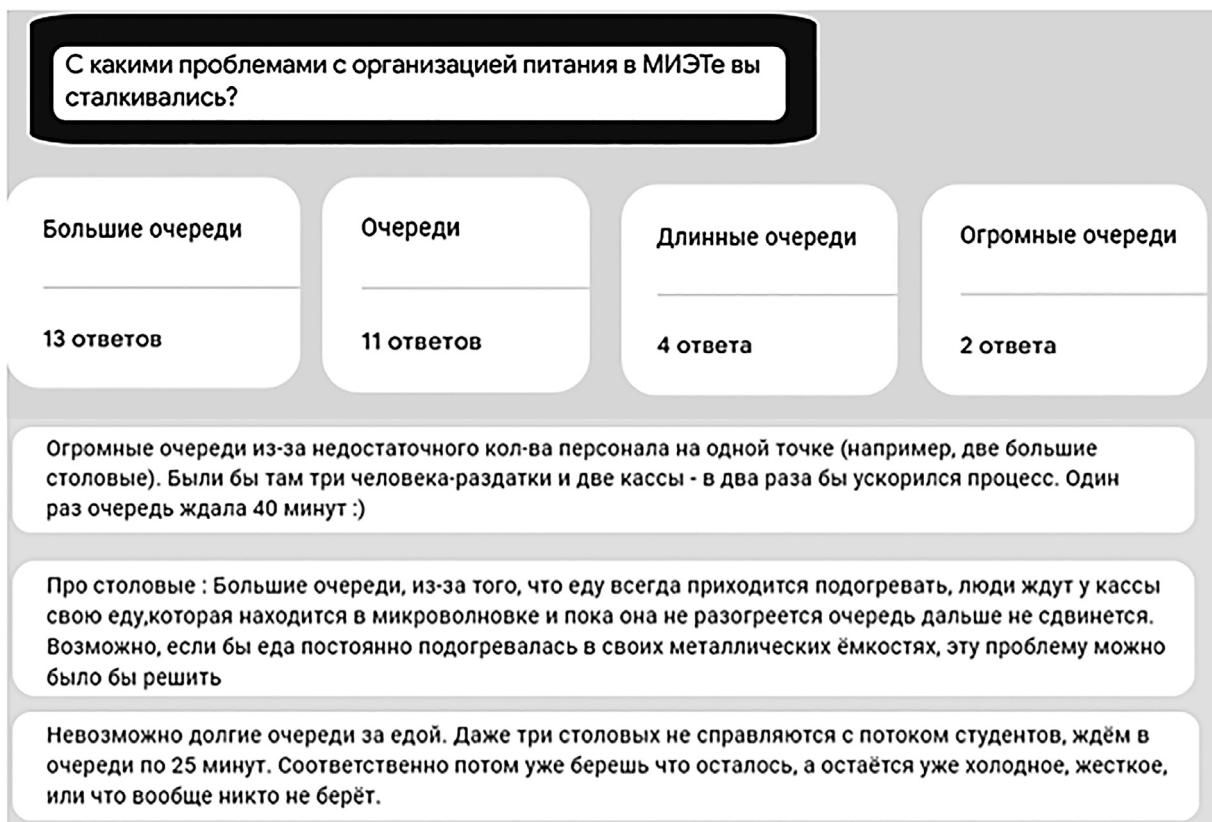
Под инновацией понимаем «изменения в продукте, технологии, управлеченческих и социально-экономических процессах, осуществляемых организацией или отдельной личностью с целью получения определенных выгод» [6, с. 12]. Эксперты в области маркетинга инноваций выделяют следующие свойства инновации: «1. Инновация — это всегда новое. 2. Инновация основана на использовании результатов интеллектуальной деятельности. 3. Инновация направлена на совершенствование общественной практики. 4. Инновация предназначена для непосредственной реализации. 5. Инновация удовлетворяет не обеспеченные текущим предложением потребности» [2, с. 15].

Основой для поиска идеи инновационного продукта послужили результаты опроса студентов Национального исследователь-

ского университета «МИЭТ», которые были опубликованы на платформе социальной сети ВКонтакте «Первый МИЭТовский»¹. В исследовании был поставлен вопрос: «С какими проблемами с организацией питания в МИЭТе вы сталкивались?» Отвечая, большинство респондентов жаловались на большие очереди в столовой. Размер выборки исследования составил 289 человек. На рис. 1 представлены несколько ответов на данный вопрос.

Эмпатия является основным условием разработки инновационного продукта. Она помогает погрузиться в опыт потребителя, чтобы выявить возможности для повышения качества продукта — собрать информацию, которая описывает позитивный и негативный опыт взаимодействия клиента с продуктом. На этом этапе создания продукта следует оценить проблему с точки зрения потребителя. Для более наглядного результата используется инструмент дизайн-исследований, а именно карты эмпатии. Карты эмпатии — это структурирование процесса построения эмпатии, задача которого состоит в том, чтобы почувствовать, глубже понять клиента, поэтому фокус инструмента направлен на исследование чувств, эмоций, проблем и мотивов поведения потребителей. Дизайн-исследование — это система сбора, обработки и анализа данных, необходимых для изучения потребностей клиента и поиска

¹ Первый МИЭТовский: группа студенческого актива Национального исследовательского университета. URL: https://vk.com/miet_one (дата обращения: 13.09.2022).

*Rис. 1. Опрос студентов с целью найти идею для инновационного продукта**

инновационных решений, ориентированных на интересы потребителей. Инструменты системы дизайн-исследований предназначены для изучения клиента: исследователь пытается посмотреть на проблему глазами потребителя, выявить боли клиента, потребности, чтобы затем заложить основу инновационного продукта или услуги.

В целях изучения опыта потребителя и более глубокого понимания его проблем строятся карты эмпатии. В нашем исследовании респондентами выступили: студентка второго курса бакалавриата, студент первого курса магистратуры и преподаватель НИУ МИЭТ (см. рис. 2, 3, 4). Для построения карт эмпатии используем сервис компании Creately².

Карты эмпатии являются результатом глубинного интервью. При подготовке сценария глубинного интервью составляется дерево вопросов (рис. 5), с возможными вариантами ответов респондентов по каждому блоку. Для составления дерева вопросов используем сервис Miro³.

Следующий инструмент дизайн-исследований — технология пользовательского пути. Пользовательский путь — это один из форматов сбора исследовательской информации, который отражает сценарий пользователя: шаги, эмоциональные реакции, время, ключевые цитаты, — и позволяет еще более явно и наглядно сфокусироваться на проблемах, болях клиента и возможностях. В нашем опросе респондент —

² Шаблоны карт эмпатии // Creately [Электронный ресурс]. URL: <https://creately.com/ru/usage/шаблоны-карты-эмпатии/> (дата обращения: 13.09.2022).

³ Miro: the online collaborative whiteboard. URL: <https://miro.com> (дата обращения: 14.09.2022).

* Результаты данного опроса были предоставлены для участия в 29-й Всероссийской межвузовской научно-технической конференции студентов и аспирантов «Микроэлектроника и информатика — 2022».

Рис. 2. Карта эмпатии. Респондент — студентка второго курса

Рис. 3. Карта эмпатии. Респондент — студент первого курса магистратуры

студентка третьего курса НИУ МИЭТ — максимально подробно описала свой день. Следуя ее описанию, были поставлены точки со-

прикосновения со столовой (рис. 6). Для построения пользовательского пути используем сервис Visual Paradigm⁴.

⁴ Visual Paradigm: online PDF editor. URL: <https://online.visual-paradigm.com> (дата обращения: 14.09.2022).

Рис. 4. Карта эмпатии. Респондент — преподаватель

При построении профиля клиента с помощью карт эмпатии и пользовательского пути выявлены следующие проблемы обслуживания в столовой вуза:

- 1) много затрачивается времени на ожидание в очереди;
- 2) нет меню, нет возможности узнать заранее, какие из блюд остались в наличии.

На основании результатов исследований создаем концепцию инновационного продукта. Это онлайн-приложение, через которое возможно оформлять заказы в столовой НИУ МИЭТ, а также постаматы, через которые будет осуществляться выдача заказов.

Разрабатываем маркетинговую модель инновационного продукта. Основные элементы модели представлены в табл. 1.

Предполагается всю связь с потребителями осуществлять непосредственно через приложение (у сотрудников столовой есть интерфейс). Также есть возможность при возникновении проблем связаться со службой поддержки или оставить свои контакты. Обратную связь планируется учитывать: управленические решения для улучшения работы будут приниматься

исходя из информации обратной связи. Следовательно, в маркетинговой модели рекомендуем использовать нулевой уровень канала распределения, так как производитель напрямую взаимодействует с потребителем, и прямой канал продаж посредством онлайн-маркетинга, благодаря которому можно в кратчайший срок получить, обработать запрос пользователя и ответить на него.

Далее необходимо получить подтверждение перспективности создания онлайн-приложения для оформления заказов от целевой аудитории и рассчитать потенциал рынка общественного питания для столовой вуза.

Для оценки потенциала рынка применимы следующие показатели: ТАМ, SAM, SOM, PAM [1, с. 364—387; 5].

PAM (Potential Available Market) — потенциальный объем рынка.

ТАМ (Total Addressable Market) — общий объем целевого рынка.

SAM (Served/Serviceable Available Market) — доступный объем рынка.

SOM (Serviceable & Obtainable Market) — реально достижимый объем рынка.

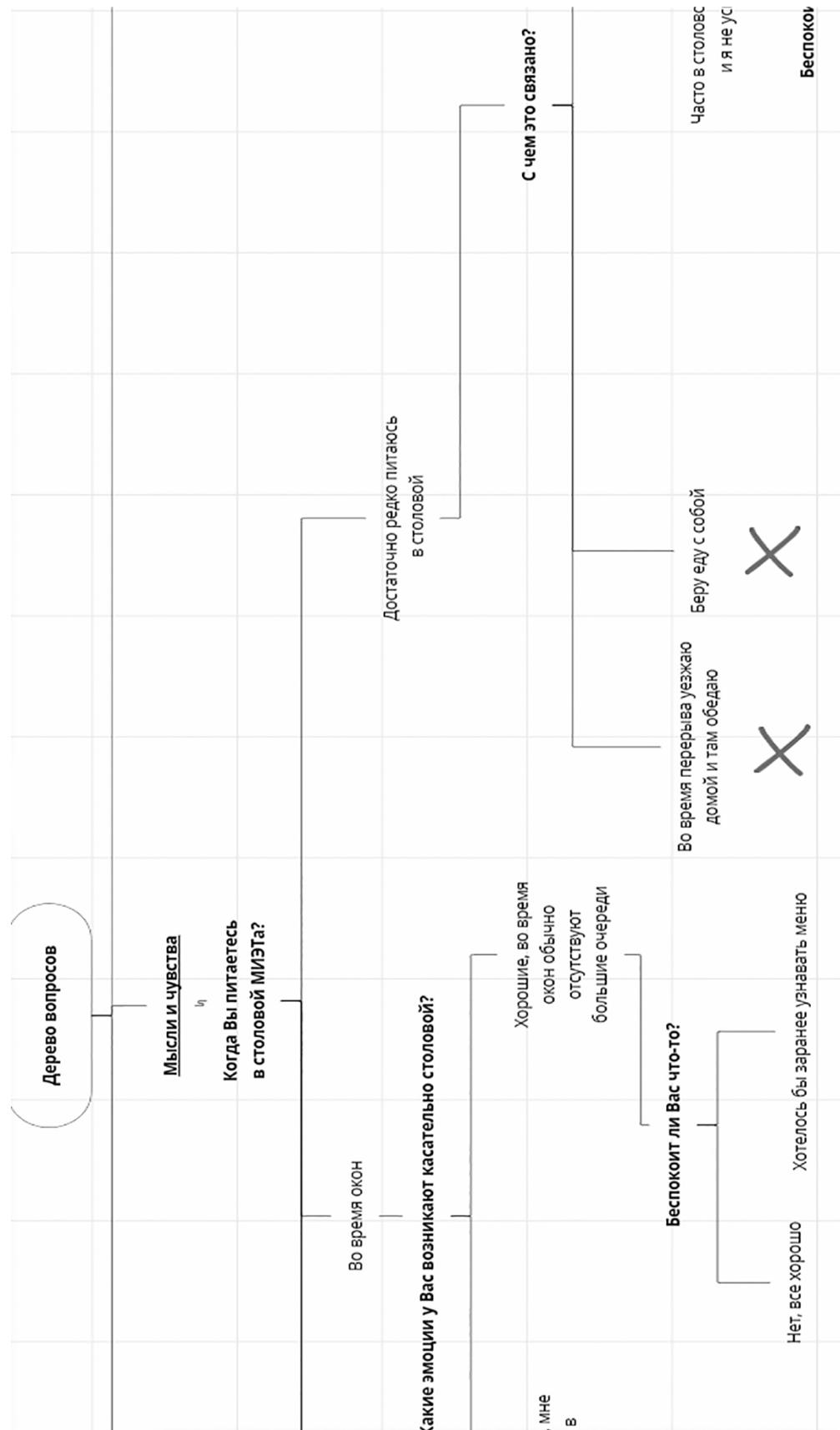

Рис. 5. Фрагмент сценария интервью

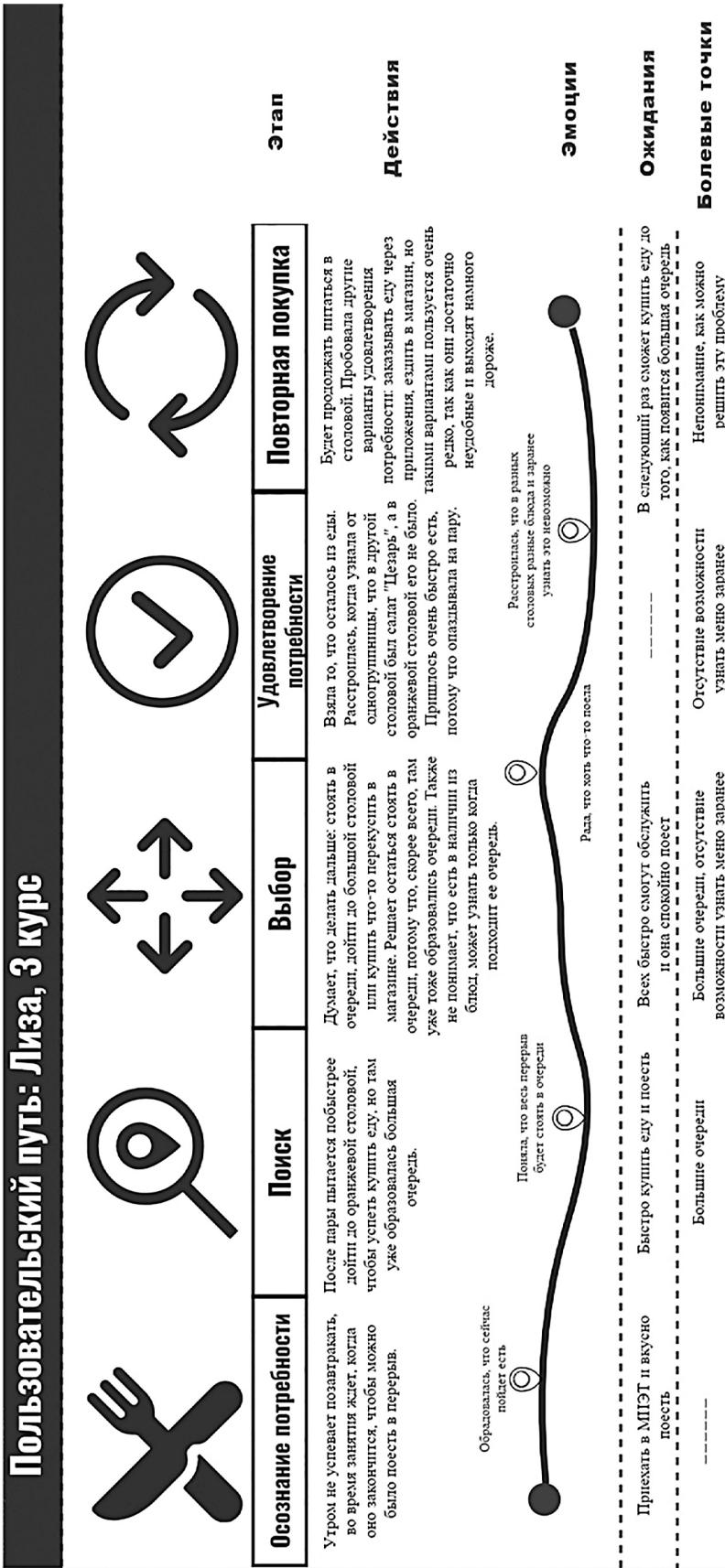

Рис. 6. Пользовательский путь. Респондент — студентка 3 курса [4]

Таблица 1

Маркетинговая модель инновационного продукта

Элемент модели	Описание элемента модели
1. Ключевая ценность	Удовлетворение потребностей учащихся, преподавателей и сотрудников вуза, а именно: возможность не тратить время на ожидание в очереди; возможность посмотреть меню
2. Базовые характеристики	Безопасность передачи пользовательских данных; производительность и надежность (устойчивы к внешним прерываниям)11 Росткачество сравнило приложения для заказа готовой еды // RETAIL.RU: ритейлеру и поставщику [Электронный ресурс]. 30.04.2020. URL: https://www.retail.ru/news/rostkachestvo-sravnilo-prilozheniya-dlya-zakaza-gotovoy-edy-30-aprelja-2020-193912/ (дата обращения: 14.09.2022). Возможность оплаты через приложение Frontend (для клиентов), Backend (для администрации)22 Спиридонова К. Как создать приложение для доставки: инструкция от Purrweb // Purrweb [Электронный ресурс]. URL: https://www.purrweb.com/ru/blog/razrabotka-prilozheniya-dlya-dostavki/ (дата обращения 14.09.2022).
3. Ожидаемый уровень	Служба поддержки при возникновении технических проблем, отклики на обратную связь; инструкция по использованию приложения; персонализация; фильтрация, простота использования, привлекательность и доступность, понятный интерфейс, который поможет сократить время на заказ (важна не только пользовательская часть, но и административная)33 Мобильное приложение для доставки еды: особенности разработки // NAPSY: платформа для создания мобильных приложений. URL: https://www.napsy.io/blog/mobilnoe-prilozhenie-dlya-dostavki-edi (дата обращения: 19.09.2022). Возможность отслеживать готовность блюда; описание блюда с визуализацией
4. Дополненный уровень	Программа лояльности. Выдача заказа через постаматы, которые оборудованы системой подогрева. Автоматизация обслуживания: в приложении указан номер ячейки, подойдя к ячейке, необходимо нажать в приложении на строку «открыть ячейку» — и можно забирать заказ
5. Потенциальный уровень	Стратегия кастомизации

Связь показателей приведена визуально на рис. 7.

PAM (Potential Available Market) — это потенциальный объем рынка, глобальный рынок без географических ограничений, прогноз изменения ТАМ в будущем, в связи с мировыми тенденциями, сменой предпочтений и модой.

TAM (Total Addressable Market) — общий объем целевого рынка, общий объем рынка всех схожих товаров или услуг, которые способны удовлетворить потребность, во всех сегментах. Это ответ на вопросы: кто, в принципе, нуждается в данном продукте или в данной услуге, и в каком объеме?

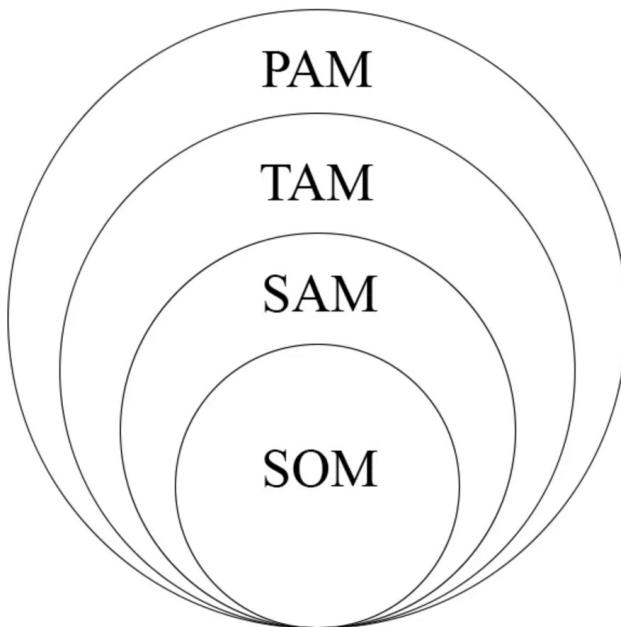

Рис. 7. Связь показателей объема рынка [1]

SAM (Served/Serviceable Available Market) — доступный объем рынка, сегмент от ТАМ, который готов купить продукт (услугу) «в точности такую же, как производит ваш бизнес», это максимально возможный рынок для таких товаров и услуг, которые производит компания и все ее конкуренты.

SOM (Serviceable & Obtainable Market) — реально достижимый объем рынка для товаров компании, доля от SAM, которую может занять ваша компания на рынке.

Эксперты выделяют два способа исследования потенциала рынка⁵.

1. «Сверху вниз». Этот подход использует доступные статистические данные (вторичные данные), а также предполагает, что новый продукт или услуга могут рассчитывать на определенную долю рынка. Как правило, в этом случае все прогнозные оценки сводятся к 10 % от доли рынка [1, с. 367]. Реализация подхода «сверху вниз» начинается

с расчета показателя ТАМ на основе аналитических данных.

2. «Снизу вверх». Подход «снизу вверх» дает на практике меньшие цифры и исследует потребности целевого сегмента в конкретном разрабатываемом продукте. Вначале рассчитывается показатель SOM, а затем — SAM, ТАМ и РАМ. Этот подход актуален, когда рабочие гипотезы протестированы.

Применяем к исследованию рынка общественного питания методику расчета «сверху вниз»:

Этап 1. Описываем потребность целевого потребителя в нескольких предложениях.

Этап 2. Описываем характеристики продукта и свойство продукта: как он удовлетворяет потребность целевого потребителя.

Этап 3. Рассчитываем показатель ТАМ (общий объем целевого рынка). Здесь используются доступные вторичные статистические данные, например, уровень потребления продуктов питания (в среднем на человека),

⁵ Как оценить объем рынка по методу РАМ, ТАМ, SAM, SOM: рассказываем на примере онлайн –сервиса // Skillbox [Электронный ресурс]. 29.06.2022. URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/kak-otsenit-obyem-rynka-metodom-pam-tam-sam-rasskazyvaem-na-primere-onlayservisa/> (дата обращения: 14.09.2022).

а также данные опросов, свидетельствующих об общем объеме спроса.

Этап 4. Рассчитываем показатель SAM (доступный объем целевого рынка). Основой для получения информации могут служить доступные результаты исследований, статистические данные по импорту, а также открытые статистические данные: например, Федеральной службы государственной статистики (URL: <https://rosstat.gov.ru/>), Фонда Общественного Мнения (URL: <https://fom.ru/>), Государственной статистики ЕМИСС (URL: <https://www.fedstat.ru/>), информации о статистике и показателях Росстата (URL: <https://rosinfostat.ru/>), сетевого издания WCIOM (URL: <https://wciom.ru/>).

Этап 5. Рассчитываем показатель SOM (реально достижимый объем целевого рынка). Здесь используются внутренние данные о производственных мощностях планируемого бизнеса, о количестве сотрудников и др.

Этап 6. Рассчитываем показатель PAM (потенциальный объем целевого рынка). Для прогноза перспектив роста общего объема целевого рынка используются данные об изменении культурных ценностей, мировых тенденциях и т. п., а также доступная вторичная информация.

Данной методикой целесообразно воспользоваться для расчета показателей потенциала рынка ТАМ, SAM, SOM, PAM и для оценки потенциальной прибыли столовой НИУ МИЭТ.

Для словесного обозначения торговой марки инновационного продукта используем методику, разработанную Л. Л. Морозовской [3]. Название для приложения — Сытый студент — выбрано по итогам опросов и тестирования целевой аудитории на предмет привлекательности, вовлечения и запоминаемости вариантов названия торговой марки, предложенных в ходе реализации методики. Цифровой инновационный продукт «Сытый студент» включает функцию оформления заказа в столовой вуза, а также в постаматах.

В следующей части исследования планируем подтвердить гипотезу заинтересованности студентов, сотрудников и преподавателей НИУ МИЭТ в приложении «Сытый студент» с помощью методов маркетинговых исследований и разработать концепции его позиционирования.

При успешной реализации проекта «Сытый студент» в НИУ МИЭТ в дальнейшем возможно расширение проекта с ориентацией на другие вузы России.

Список литературы и источников

1. **Васильева Е. В., Зобнина М. Р.** Маркетинг и управление продуктом на цифровых рынках: генерация и проверка идей через CustDev, дизайн-мышление и расчеты юнит-экономики: учебник. М.: КноРус, 2020. 724 с.
2. Маркетинг инноваций: в 2 ч.: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Н. Н. Молчанова. Ч. 1. М.: Юрайт, 2017. 257 с. (Бакалавр. Академический курс).
3. **Морозовская Л. Л.** Методические указания по подготовке и проведению семинарских занятий по дисциплинам «Рекламный менеджмент» и «Реклама и PR». М.: МГАДА, 2010. 54 с.
4. **Сучкова А. Ю.** Использование инструментов маркетинга при разработке идеи инновационного продукта в сфере услуг // Микроэлектроника и информатика — 2022: Мат-лы 29-й Всероссийской межвузовской научно-технической конференции студентов и аспирантов. М.: МИЭТ, 2022. С. 163.
5. **Шабаршин А.** 4 главных показателя для оценки вашего рынка // RB.RU: сетевое издание. 19.02.2016. URL: <https://rb.ru/opinion/market-capacity/> (дата обращения: 14.09.2022).
6. **Шерстобитова Т. И.** Маркетинг инноваций: учеб. пособ. Пенза: Издательство ПГУ, 2009. 126 с.

References

1. Vasil'eva E. V., Zobnina M. R. *Marketing and Product Management in the Digital Markets: ideas generation and check through CustDev, Design Thinking and Calculation of Unit Economics*, textbook. Moscow, KnoRus Publ., 2020. 724 p. (In Russian).

2. Molchanov N. N. (ed.) *Innovation Marketing*, in 2 parts, textbook and practical for bachelor degree course. Moscow, Yurait Publ., 2017. Part 1. 257 p. (In Russian). Bakalavr. Akademicheskij kurs Series.
3. Morozovskaya L. L. *Methodology Guidelines for Preparation and Holding of Seminars in the Disciplines “Advertising Management” and “AD & PR”*. Moscow, Moscow State Academy of Business Administration, 2010. 54 p. (In Russian).
4. Suchkova A. Yu. Using marketing tools at innovative product idea development in service industries. *Mikroelektronika i informatika — 2022 = Microelectronics and Informatics — 2022*, proceedings of 29th Russia-wide interuniversity research-to-practice conference of graduate and postgraduate students. Moscow, MIET, 2022, p. 163. (In Russian).
5. Shabarshin A. 4 principal indicators for your market assessment. *RB.RU, net edition*. 19.02.2016. Available at: <https://rb.ru/opinion/market-capacity/> (accessed: 14.09.2022).
6. Sherstobitova T. I. *Innovation Marketing*, study guide. Penza, Penza State University Publ., 2009. 126 p. (In Russian).

Библиографический список

1. Игрунова О. М. Современные особенности развития сферы услуг в России: [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2011. № 4 (10). С. 89–97.
2. Игрунова О. М. Исследование подходов к определению понятия конкурентоспособности [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова, Е. Н. Грачева // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Экономика. 2012. № 2 (14). С. 123–128.
3. Игрунова О. М. Современные подходы к анализу и развитию сферы услуг в регионах: монография [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МГАДА, 2011. 183 с. (Магистратура).
4. Игрунова О. М. Управление развитием сферы потребительских услуг в регионе: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 [текст: непосредственный] / О. М. Игрунова. Москва, 2006. 23 с.

Bibliography

1. Igrunova O. M. Modern particularities in the development of the consumer services market in Russia. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Ekonomika*, 2011, no. 4 (10), pp. 89–97. (In Russian).
2. Igrunova O. M., Gracheva E. N. Study of approaches to the definition of competitive power. *Vestnik Moskovskoy gosudarstvennoy akademii delovogo administrirovaniya. Seriya: Ekonomika*, 2012, no. 2 (14), pp. 123–128. (In Russian).
3. Igrunova O. M. *Modern Approaches to Analysis and Development of the Consumer Services Market in Non-Metropolitan Areas*, monograph. 2nd ed., rev. and upd. Moscow, Moscow State Academy of Business Administration Publ., 2011. 183 p. (In Russian). Magistratura Series.
4. Igrunova O. M. *Consumer Service Sector Development Management in a Non-Metropolitan Area*, extended abstract of Cand. Sci. (Econ.) dissertation. Moscow, 2006. 23 p. (In Russian).

Информация об авторах

Сучкова Алина Юрьевна — студентка, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Игрунова Оксана Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и управления проектами, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Alina Yu. Suchkova — student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Oksana M. Igrunova — PhD in Economics, Assistant Professor at the Marketing and Project Management Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 02.09.2022.

The article was submitted 02.09.2022.

ФИЛОСОФИЯ: МИР В ЧЕЛОВЕКЕ И ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

PHILOSOPHY: UNIVERSE IN MAN AND MAN IN UNIVERSE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 59—68.

Economic and Social Research. 2022. No 3 (35). P. 59—68.

Научная статья

УДК 1:316.444.5

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-59-68

Социально-философские и педагогические аспекты становления профессиональной мобильности в билингвальной среде

E. N. Гвоздева¹, E. G. Логинова²

^{1, 2} Забайкальский институт железнодорожного транспорта — филиал Иркутского государственного университета путей сообщения, Чита, Россия

¹*gwelena@mail.ru*

²*elen/loginova@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматривается билингвизм как один из факторов становления профессиональной мобильности студентов технических (железнодорожных) вузов. Проанализированы понятия «билингвизм» и «профессиональная мобильность» и их основные составляющие. Даны характеристика искусственного билингвизма. Описаны условия создания в вузе искусственной билингвальной образовательной среды как эффективного средства развития академической и профессиональной мобильности. Авторами проведены эксперимент и социологическое исследование. На их основе сделан вывод о целесообразности внедрения в учебный процесс новых технологий, направленных на формирование профессиональной мобильности выпускников инженерных вузов.

Ключевые слова: билингвизм, билингвальная среда, естественный билингвизм, искусственный билингвизм, профессиональная мобильность

Для цитирования: Гвоздева Е. Н., Логинова Е. Г. Социально-философские и педагогические аспекты становления профессиональной мобильности в билингвальной среде // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 59—68. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-59-68>

Original article

Socio-philosophical and pedagogical aspects of occupational mobility establishment in bilingual medium

E. N. Gvozdeva¹, E. G. Loginova²

^{1, 2}Zabaikal'sk Rail Transport Institute, a branch of Irkutsk State Transport University,
Chita, Russia

¹gwelena@mail.ru

²elen/loginova@inbox.ru

Abstract. The authors consider bilingualism as one of the factors of the formation of professional mobility of students of technical (railway) universities. The concepts of “bilingualism” and “professional mobility” and their main components are analyzed. The characteristic of artificial bilingualism is given. The conditions of creating an artificial bilingual educational environment at the university as an effective means of developing academic and professional mobility are described. The authors conducted an experiment and a sociological study. Based on them, the conclusion has been made about the feasibility of introducing new technologies into the educational process aimed at forming professional mobility of graduates of engineering universities.

Keywords: bilingualism, bilingual environment, natural bilingualism, artificial bilingualism, professional mobility

For citation: Gvozdeva E. N., Loginova E. G. Socio-philosophical and pedagogical aspects of occupational mobility establishment in bilingual medium. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 59–68. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-59-58>

Введение. Одной из актуальных тем исследования сегодня выступает феномен профессиональной мобильности, так как в условиях глобализации экономики мобильность может предоставить человеку дополнительные возможности в конкуренции за рабочее место. Большинство современных работодателей отдадут предпочтение кандидату, который наряду с профессиональными компетенциями будет способен оперативно реагировать на все изменения, происходящие в производственной сфере. Следовательно, выпускники высших учебных заведений должны обладать такими навыками, которые – в условиях быстро изменяющихся тенденций экономики, общественных отношений и ситуации в конкретных организациях работодателей – должны помочь им быстро реагировать и адаптироваться к изменениям. Причинами, актуализирующими профессиональную мобильность, выступают такие факторы, как военные действия, социальные изменения в государстве, внедрение в народном хозяйстве новых технологий, появление совершенно новых отраслей экономики

и другие. Выпускники железнодорожных вузов как будущие специалисты быстро развивающейся сферы российской промышленности должны уметь быстро адаптироваться в изменяющихся условиях. Социальная обусловленность формирования профессиональной мобильности у будущих инженеров железнодорожного транспорта требует поиска новых педагогических технологий для ее развития.

Являясь многогранным феноменом, профессиональная мобильность исследуется представителями различных научных направлений [2; 10; 12]. Будучи одним из видов социальной мобильности [13; 15; 16], профессиональная мобильность представляет собой перемещение целой профессиональной группы или отдельного индивида в социальном пространстве того или иного общества. Профессиональная мобильность может быть характеристикой группы людей, являющихся представителями одной профессии, и в этом случае речь идет о групповой профессиональной мобильности. Кроме того, она может затрагивать единичных ее

представителей: в этом случае мы имеем дело с индивидуальной профессиональной мобильностью.

В своей работе мы ориентировались на определение Б. М. Игошева, который под профессиональной мобильностью понимает субъективное явление; согласно его дефиниции, «профессиональная мобильность представляет собой интегральное качество личности, выражающее способность и готовность индивида к изменениям своей профессиональной позиции, статуса и к перемещениям в профессиональной сфере на основе определенных мировоззренческих представлений и ценностных ориентаций, личностных качеств, знаний и в соответствии с личностными потребностями» [3, с. 110]. Иными словами, это явление, с одной стороны, отражает динамику личности в социальном пространстве, с другой — предполагает наличие личностных качеств, которые помогают индивиду успешно реализовать свои ожидания в профессии. Таким образом, профессиональная мобильность — это не только характерная особенность современного общества, но и качество личности, которое отражает готовность к изменениям в профессиональной сфере.

Одним из факторов, повышающих шансы построения успешной карьеры, является владение соискателем иностранным языком, так как это дает возможность получить вакансию за рубежом. Следовательно, двуязычие как способность лица хорошо изъясняться на двух языках одновременно повышает конкурентоспособность человека на рынке труда. В настоящее время в связи с глобализацией мировой экономики и развитием технологий интенсивно изучаются вопросы мультилингвизма (полилингвизма), которые предполагают одинаково высокий уровень владения сразу несколькими языками (более чем двумя). Исторически способность говорить на двух языках являлась нормой для представителей многих народов,

поэтому феномен билингвизма всегда привлекал внимание представителей разных наук. В методологическом пространстве социальной философии двуязычие рассматривается как один из факторов, влияющих на установление позитивной коммуникации представителей разных народов, что, в свою очередь, нацеливает систему образования на формирование у обучающихся не просто языковой компетенции, а более широкой — социокультурной [7].

Немаловажным фактором является то, что создание единого образовательного пространства актуализировало интерес исследователей к билингвизму в целом и к одной из его разновидностей — искусственному билингвизму. В своей предыдущей работе, посвященной данной проблематике [11], мы дали подробный обзор понятий «естественный билингвизм» и «искусственный билингвизм», провели их сравнительный анализ, а также, опираясь на труды Хьюго Бэйтенс-Бердсмора [8], рассмотрели существующие классификации билингвизма («ретрессивный», «остаточный», «сбалансированный» и т. д.). В связи со спецификой исследования для нас представляется наибольший интерес феномен искусственного билингвизма, так как именно он позволяет создавать в учебных заведениях билингвальную образовательную среду, одной из целей которой может быть формирование профессиональной мобильности выпускников железнодорожных вузов.

Следует отметить, что в настоящее время существует не очень значительное количество научных работ, в которых исследуется взаимосвязь билингвизма и профессиональной мобильности будущих инженеров железнодорожного транспорта. Мы поставили перед собой задачу — проследить (опираясь на имеющиеся труды в области билингвизма и профессиональной мобильности [4; 5; 6]), как знание иностранных языков, приобретенное в процессе обучения в вузе, влияет на готовность выпускников к профессиональной мобильности.

Методология. Теоретические методы.

В целях выявления роли билингвизма в формировании профессиональной мобильности выпускников железнодорожных вузов использовался теоретический анализ и синтез литературы по научной проблеме. Нами исследовалась литература по проблеме формирования профессиональной мобильности; обобщен опыт ученых по описанию билингвизма в России. Данные методы дали возможность описать влияние искусственной билингвальной среды, создаваемой в процессе преподавания дисциплины «Иностранный язык» в техническом (железнодорожном) вузе, на формирование профессиональной мобильности обучающегося.

Эмпирические методы. Социологическое исследование проводилось в два этапа. Первый этап подробно описан в статье [14], в ходе него проводился опрос 302 студентов Забайкальского института железнодорожного транспорта на начальном этапе (сентябрь 2017 г.) изучения дисциплины «Иностранный язык» и по окончании ее изучения (февраль 2019 г.). Цель опроса заключалась в выявлении основных факторов, препятствующих будущей работе или стажировке студентов Забайкальского института железнодорожного транспорта за границей. По окончании курса обучения студенты повторно участвовали в анкетировании.

Второй этап (сентябрь 2019 – май 2020 гг.) заключался в оценивании выявленных ранее факторов после освоения частью респондентов программ факультативных курсов, нацеленных на совершенствование слушателями профессиональных языковых компетенций.

Результаты. Студентам 1 курса Забайкальского института железнодорожного транспорта (ЗабИЖТ), приступившим к изучению иностранного языка, предлагалось ответить на следующие вопросы:

— Хотели ли бы Вы временно поработать за границей?

— Хотели ли бы Вы поехать на конференцию (выставку, конкурс, симпозиум, повышение квалификации) за границу?

— Готовы ли Вы работать (стажироваться, участвовать в профессионально ориентированных мероприятиях и т. д.)?

Первые два вопроса были нацелены на выявление желаний студентов работать за рубежом, последующий вопрос должен был выявить оценку студентом своей готовности к данной работе. Тот же опрос той же группы респондентов был проведен по окончанию курса обучения дисциплине «Иностранный язык» (февраль 2019 г.).

На начальном этапе исследования (сентябрь 2017 г.) положительный ответ на первые два вопроса дали 98 % респондентов. Однако только 52 % студентов посчитали, что они готовы отправиться на работу или стажировку в зарубежные страны. В феврале 2019 г. после окончания курса обучения иностранному языку желание найти работу в зарубежных странах выражали по-прежнему 98 % студентов, но готовность – уже 74 %.

Среди дисциплин, влияющих на формирование у них компетенций, позволяющих в будущем осуществлять успешную профессиональную деятельность за рубежом или активно обмениваться опытом с иностранными коллегами, студенты указали дисциплины, которые мы представили в таблице 1. Результаты опроса показали, что подавляющее число студентов считают дисциплину «Иностранный язык» тем средством, которое способно помочь в поиске вакансии за границей.

Следует отметить, что незнание иностранного языка или плохое владение им называлось одним из основных препятствий, которые помешали бы принять предложение работать в какой-либо зарубежной стране. В таблице 2 представлены результаты опроса в начале и конце первого этапа исследования.

После окончания курса изучения дисциплины «Иностранный язык» группе участников

Таблица 1

Учебные дисциплины и их значимость в профессиональной мобильности

Учебная дисциплина	Число респондентов, полагающих учебную дисциплину важной для профессиональной мобильности: поиска вакансии за рубежом (%)
1. Иностранный язык	93
2. Обществознание	6
3. История	30
4. Культурология	30
5. Математика	6
6. Информатика	3
7. Русский язык	3
8. Инженерные дисциплины	10
9. Менеджмент	3
10. Психология	5
11. Социология	2
12. Политология	2
13. География	5

Таблица 2

Препятствующие мобильности факторы

Фактор	2017	2019
1. Незнание иностранного языка	91 %	45 %
2. Отсутствие условий	54 %	52 %
3. Незнание традиций и обычаяев	69 %	32 %
4. Низкий уровень зарплаты	56 %	60 %
5. Нежелание покидать Родину	24 %	22 %
6. Страх перед чужой культурой	76 %	35 %
7. Незнание особенностей менталитета	67 %	42 %
8. Географическая удаленность	22 %	20 %
9. Высокие требования к трудовой дисциплине	39 %	45 %
10. Интенсивный график работы	35 %	33 %

Таблица 3

Желание и готовность студентов к академической и трудовой мобильности

Вопрос	Сентябрь 2017	Февраль 2018	Май 2020	
			Члены СНК	Остальные студенты
1. Хотели ли бы Вы временно поработать за границей?	98 %	98 %	99 %	97 %
2. Хотели ли бы Вы поехать на конференцию (выставку, конкурс и т. д.) за границу?	98 %	98 %	99 %	97 %
3. Готовы ли Вы работать (стажироваться и т. д.)?	52 %	74 %	81 %	67 %

исследования (82 студента специальностей «Системы обеспечения движением поездов» и «Эксплуатация железных дорог») было предложено более углубленно изучать профессионально ориентированный иностранный язык. Данный процесс осуществлялся в рамках работы студенческих научных кружков (СНК) Digital World (для студентов специальности «Системы обеспечения движением поездов») и Foreign Professional Press (для студентов специальности «Эксплуатация железных дорог»). Занятия проводились в 2019/2020 учебном году.

В мае 2020 г. был проведен повторный опрос студентов, нацеленный на выявление их желания и готовности работать за границей. В опросе приняли участие все предыдущие респонденты (302 студента), 82 из которых прошли курсы углубленного изучения иностранного языка. Результаты опроса представлены в таблице 3.

Обсуждение. Проведенный на первом этапе исследования опрос показал, что 98 % студентов 1 курса ЗабИЖТ хотели бы после окончания института работать в зарубежных странах, в то же время готовность к этому демонстрировали только 52 % респондентов. После окончания изучения иностранного языка в рамках образовательных программ, предусмотренных

Федеральным государственным образовательным стандартом, о такой готовности заявляли уже 74 % опрошенных. Данные результаты свидетельствуют о роли иностранного языка в формировании профессиональной мобильности личности. Кроме того, недостаточное владение иностранным языком, согласно мнению респондентов инженерных специальностей, является основным препятствием для осуществления мобильности. Нами было сделано предположение, что если на занятиях по иностранному языку создавать условия, способствующие формированию у студентов ЗабИЖТ билингвальной коммуникативной компетенции [9], это позволит им в дальнейшем успешно коммуницировать с носителями изучаемого языка, а также ориентироваться как в иноязычной социокультурной, так и профессиональной среде. Мы полагаем, что искусственная билингвальная среда, создаваемая на занятиях по иностранному языку, является тем средством, которое будет способствовать достижению данной цели.

Билингвальную среду необходимо понимать как полное погружение человека в двухязычное языковое пространство, при котором оба языка становятся его неотъемлемыми элементами [1]. Искусственная

билингвальная образовательная среда создается для того, чтобы воссоздать социокультурную модель общества страны изучаемого языка. Она представляет собой своего рода трансактное общение, в котором у каждого участника образовательного процесса определена роль, соответствующая искусственно созданной билингвальной ситуации. Однако успешный карьерный рост выпускника железнодорожного вуза и его способность конкурировать с иностранными коллегами напрямую зависит от уровня владения им профессиональной лексикой и языком профессионального общения. Создание билингвальной ситуации, носящей профессионально ориентированный характер, помогает не только развитию умений и навыков общения, но и становлению профессиональных компетенций.

Предметом нашего исследования выступала профессиональная мобильность, и мы пришли к выводу, что владение иностранным языком в рамках своей специальности способствует профессиональной мобильности, поскольку напрямую влияет на готовность (и, как представляется, способность) выпускника работать в иностранных компаниях и на предприятиях.

Второй этап исследований доказал: овладение иностранным языком на профессиональном уровне ведет к тому, что студенты, уверенные в своей профессиональной языковой компетентности, выказывают большую готовность и способность к формированию новых профессиональных намерений и карьерных притязаний, более оптимистично смотрят на возможности планирования трудовой деятельности в зарубежных странах, склонны видеть меньше препятствий на пути реализации своих планов.

Нами разработаны курсы иностранного языка, направленные на развитие иноязычных коммуникативных компетенций, соответствующих специальности будущих выпускников. Они предполагают овладение профессиональной терминологией на ино-

странным языке, моделирование языковых ситуаций, близких к производственным. Курсы, помимо прочего, направлены на создание ситуаций общения, которые могут возникнуть у слушателей при будущем трудоустройстве за границей. Мы опирались на положения предметно-языкового интегрированного обучения Content and Language Integrated Learning (CLIL). Согласно данному подходу, иностранный язык выступает в качестве средства для овладения знаниями в других областях науки, экономики и т. д.

Занятия в рамках СНК (факультативов), на которых будущие инженеры железнодорожного транспорта на английском языке знакомились с передовыми технологиями в сфере железнодорожного транспорта, обсуждали их, представляли на конференциях по иностранным языкам свои научные работы, помогли студентам не только глубже изучить основы своей специальности, но и совершенствовать иноязычные языковые компетенции. Соответственно, приобретенная уверенность во владении иностранным языком способствовала развитию более стойкого намерения работать за рубежом. Студенты, не занимавшиеся в научных кружках, продемонстрировали снижение таких намерений.

Выходы. Таким образом, создание искусственной билингвальной среды в рамках образовательной среды железнодорожного вуза предполагало обучение иностранному языку с использованием технологий, приближающих учебные ситуации общения к реальным. Достаточно большой объем языкового материала, решение конкретных коммуникативных задач, использование интерактивных методов способствовало полному погружению слушателей в естественную языковую среду. После окончания изучения дисциплины (в течение трех семестров) готовность работать за границей продемонстрировали 74 % респондентов, по сравнению с 52 % на начальном этапе. Участие в работе СНК,

предполагающих изучение профессионально ориентированной информации на иностранном языке, привело к тому, что данный показатель повысился до 81 %. Кроме того, качественный анализ полученной информации показал, что данная категория студентов демонстрировала большую готовность к участию в зарубежных стажировках, командировках и прочих видах мобильности. Данные результаты указывают на то, что основное препятствие, влияющее на формирование профессиональной мобильности будущего инженера (незнание иностранного языка), может быть преодолено с помощью специально организованной билингвальной среды и дополнительной языковой профессиональной подготовки.

Список литературы и источников

1. **Боченкова М. Ю.** Билингвизм и билингвальная среда как социокультурный и психолого-педагогический феномен // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 586–590. URL: <http://e-koncept.ru/2016/46136.htm> (дата обращения: 25.09.2022).
2. **Зеер Э. Ф.** Многозначность феномена «мобильность» в профессиональном образовании // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: Сборник материалов и докладов Международной конференции. Екатеринбург, 2014. С. 30–36.
3. **Игошев Б. М.** Сущностно-логический анализ мобильности как межнаучного понятия // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 105–111.
4. **Мерзлякова Н. С.** Формирование профессиональной мобильности бакалавров технических направлений подготовки средствами поликультурного образования: монография. Оренбург: Университет, 2016. 110 с.: ил., табл.
5. **Поленова А. Ю., Пшегусова Г. С.** Иностранный язык как инструмент формирования профессиональной мобильности будущего экономиста // Journal of Economic Regulation. 2015. Т. 6. № 1. С. 129–136. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2015.6.1.129-136>
6. **Троицкая Ю. В., Меркулова Л. П.** Формирование профессиональной мобильности переводчиков: монография. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. 182 с.
7. **Ширин А. Г.** Педагогические аспекты билингвизма: развитие новой научной школы // Ученые записки Института непрерывного педагогического образования. Великий Новгород: НовГУ, 2001. Вып. 3. Кн. 2. С. 126–131.
8. **Baetens Beardsmore H.** Bilingualism: Basic Principles. Clevedon: Tieto, 1982. 172 p.
9. **Francis N.** Bilingual Competence and Bilingual Proficiency in Child Development. Cambridge, MA; London: MIT Press, 2011. 416 p.
10. **Guzman A. B. de, Choi K. O.** The relations of employability skills to career adaptability among technical school students // Journal of Vocational Behavior. 2013. Vol. 82. Iss. 3. P. 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.01.009>
11. **Gvozdeva E. N., Loginova E. G.** Bilingualism as a determinant of professional mobility of a future engineer: sociocultural and pedagogical aspects // Proceedings of the International Session on Factors of Regional Extensive Development (FRED 2019). Irkutsk: Atlantis Press, 2020. P. 363–366. <https://doi.org/10.2991/fred-19.2020.73>
12. Life designing: A paradigm for career construction in the 21st century / M. L. Savickas, L. Nota, J. Rossier et al. // Journal of Vocational Behavior. 2009. Vol. 75. Iss. 3. P. 239–250. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.04.004>
13. **Lipset S. M., Bendix R.** Social Mobility in Industrial Society. Berkeley: University of California Press, 1959. 309 p.
14. **Loginova E., Gvozdeva E.** Influence of bilingualism on Russian peoples' national self-identity // KnE Social Sciences. 2019. Vol. 3 (16). P. 13–25. <https://doi.org/10.18502/kss.v3i16.4470>
15. Social Structure and Mobility in Economic Development / eds. N. J. Smelser, S. M. Lipset. Chicago: Aldine Publ., 1966. 399 p.
16. **Sorokin P.** Early Sociology of Class. Vol. 3: Social Mobility. London: Routledge/Thoemmes, 1998. 559 p.

References

1. Bochenkova M. Bilingualism and bilingual environment as social and cultural, psychological and pedagogical phenomenon. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept" = Scientific-methodological electronic journal "Koncept"*, 2016, vol. 2, pp. 586–590. (In Russian). Available at: <http://e-koncept.ru/2016/46136.htm> (accessed: 25.09.2022).
2. Zeer E. F. The ambiguity of the phenomenon of “mobility” in vocational education. *Sotsial'no-professional'naya mobil'nost' v XXI veke = Social and Professional Mobility in the 21st century*, International conference proceedings. Ekaterinburg, 2014, pp. 30–36. (In Russian).
3. Igoshev B. M. Essential and logical analysis of mobility as an interscientific notion. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii = Pedagogical Education in Russia*, 2014, no. 1, pp. 105–111. (In Russian).
4. Merzlyakova N. S. *Professional Mobility Development for the Bachelors of Technical Programs by Means of Polycultural Education*, monograph. Orenburg, University Publ., 2016. 110 p., il., tabl. (In Russian).
5. Polenova A. Yu., Pschegusova G. S. Foreign language as a tool for professional mobility development for students specializing in economics. *Journal of Economic Regulation*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 129–136. (In Russian). <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2015.6.1.129-136>
6. Troitskaya Yu. V., Merkulova L. P. *Translators' Professional Mobility Development*, monograph. Samara, Samara University Publ., 2018. 182 p. (In Russian).
7. Shirin A. G. Pedagogical aspects of bilingualism: development of a new scientific school. *Uchenyye zapiski Instituta nepreryvnogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Velikiy Novgorod, Novgorod State University*, 2001, iss. 3, book 2, pp. 126–131. (In Russian).
8. Baetens Beardsmore H. *Bilingualism: Basic Principles*. Clevedon, Tieto, 1982. 172 p.
9. Francis N. *Bilingual Competence and Bilingual Proficiency in Child Development*. Cambridge, MA, London, MIT Press, 2011. 416 p.
10. Guzman A. B. de, Choi K. O. The relations of employability skills to career adaptability among technical school students. *Journal of Vocational Behavior*, 2013, vol. 82, iss. 3, pp. 199–207. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2013.01.009>
11. Gvozdeva E. N., Loginova E. G. Bilingualism as a determinant of professional mobility of a future engineer: sociocultural and pedagogical aspects. *Proceedings of the International Session on Factors of Regional Extensive Development (FRED 2019)*. Irkutsk, Atlantis Press, 2020, pp. 363–366. <https://doi.org/10.2991/fred-19.2020.73>
12. Savickas M. L., Nota L., Rossier J., Dauwalder J.-P., Duarte M. E., Guichard J., Soresi S., Esbroeck R. van, Vianen A. E. M. van. Life designing: A paradigm for career construction in the 21st century. *Journal of Vocational Behavior*, 2009, vol. 75, iss. 3, pp. 239–250. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2009.04.004>
13. Lipset S. M., Bendix R. *Social Mobility in Industrial Society*. Berkeley, University of California Press, 1959. 309 p.
14. Loginova E., Gvozdeva E. Influence of bilingualism on Russian peoples' national self-identity. *KnE Social Sciences*, 2019, vol. 3 (16), pp. 13–25. <https://doi.org/10.18502/kss.v3i16.4470>
15. Smelser N. J., Lipset S. M. (eds.) *Social Structure and Mobility in Economic Development*. Chicago, Aldine Publ., 1966. 399 p.
16. Sorokin P. *Early Sociology of Class. Vol. 3: Social Mobility*. London, Routledge/Thoemmes, 1998. 559 p.

Информация об авторах

Гвоздеева Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные науки», Забайкальский институт железнодорожного транспорта — филиал Иркутского государственного университета путей сообщения (Россия, 672040, Забайкальский край, г. Чита, ул. Магистральная, д. 11).

Логинова Елена Геннадьевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки», Забайкальский институт железнодорожного транспорта — филиал Иркутского государственного университета путей сообщения (Россия, 672040, Забайкальский край, г. Чита, ул. Магистральная, д. 11).

Information about the authors

Elena N. Gvozdeva — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor of “Humanities” Department, Zabaikal’sk Rail Transport Institute, a branch of Irkutsk State Transport University (Russia, 672040, Siberian Federal District, Zabaikalskii krai, the city of Chita, Magistralnaya st., bld. 11).

Elena G. Loginova — Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor of “Humanities” Department, Zabaikal’sk Rail Transport Institute, a branch of Irkutsk State Transport University (Russia, 672040, Siberian Federal District, Zabaikalskii krai, the city of Chita, Magistralnaya st., bld. 11).

Статья поступила в редакцию 12.09.2022.

The article was submitted 12.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 69–79.

Economic and Social Research. 2022. No 3 (35). P. 69–79.

Научная статья

УДК 1:35

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-69-79

Феноменологический подход в государственном управлении: теоретический аспект

A. A. Kovalev

*Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия*

kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Утверждается, что реформирование системы государственного управления в соответствии с новыми потребностями человечества является актуальной для современного общества и государства теоретической и практической научной задачей, нуждающейся в качественной проработке. Анализируются теоретико-практические разработки модернизации государственного управления, основанные на феноменологическом подходе. Сделан вывод об эффективности их использования в качестве методологической базы реформы государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, административный надзор, феноменология, государство, общество, гражданин

Для цитирования: Ковалев А. А. Феноменологический подход в государственном управлении: теоретический аспект // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 69–79. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-69-79>

Original article

Phenomenological approach in public administration: theoretical aspect

A. A. Kovalev

*Northwest Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia*

kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. In this work, it is stated that reforming the system of public administration for modern society and the state in accordance with the new needs of humankind is an actual theoretical and practical scientific task that needs qualitative elaboration. The author concludes that public administration can be modernized effectively and qualitatively with the help of theoretical and

practical developments based on a phenomenological approach. It has been concluded that these developments can be used in the process of practical reform of the sphere of public administration, and they are able to significantly enrich the scientific literature devoted to this topic.

Keywords: public administration, administrative supervision, phenomenology, state, society, citizen

For citation: Kovalev A. A. Phenomenological approach in public administration: theoretical aspect. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 69–79. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-69-79>

Введение. Государственное управление в правовой науке, правотворческой и право-применительной деятельности нередко ассоциируется с директивностью, командной системой, односторонним характером реализации управленческой функции, а государственно-общественные отношения представляются как формализованное взаимодействие субъекта и объекта управления, основанное на абстрактных управленческих правилах. Государство в такого рода схемах отношений управления предстает как активный управленческий субъект, а гражданское общество (отдельный индивид) — как пассивный объект.

Уже в середине XX в. социальные реалии демонстрировали несовершенство такого подхода на уровне теории, а также его неэффективность на практическом уровне. Соответственно, науке был брошен серьезный вызов, обусловленный необходимостью научного поиска путей сближения государства и общества в вопросах управленческой деятельности. Научный поиск, нацеленный на решение этой задачи, в свою очередь, не должен был посягать на професионализм государственных служащих и подменять его демагогией, и в то же время он не должен был рассматривать общество и каждого отдельного гражданина как пассивных объектов управленческого воздействия. Этим требованиям отвечает феноменологический подход, который мы анализируем в этой статье.

Методология. Феноменологический подход в государственном управлении стал изучаться и применяться на практике относительно недавно, однако его значимость уже доказана многими исследователями. Данную проблему изучали такие зарубежные ученые, как Д. Гарсон, Э. Гуссерль, Л. Киркхарт, Н. Лонг, Ф. Макги, С. Отт, Д. Стюарт, Д. Уолдо, Р. Хаммель. В отечественной науке пионером в вопросах внедрения феноменологического подхода в сферу государственного управления по праву является выдающийся правовед профессор Н. Н. Алексеев. Ученый внес большой вклад в политико-правовые исследования в области государственного управления, изучая эту сферу сквозь призму субъективности индивидов — участников отношений управления. В России приверженцами применения феноменологического подхода к управлению общественными отношениями являются также А. В. Дахин, Л. В. Карнаушенко, О. В. Карпов, Е. А. Тимощук и др.

Теоретические основы. Уже более полувека назад критики логического позитивизма указывали на присущие эмпирическим исследованиям ограничения и предлагали альтернативные методы исследования явлений, которые не явлены в эмпирических данных. Сторонники феноменологического подхода критиковали позитивизм с позиций невозможности применения эмпирических методов естественных наук в области исследования че-

ловеческого поведения и общественных отношений [15; 24; 26]. Они настаивали на том, что для понимания человеческого поведения как многоаспектного и сложнейшего по своей природе феномена необходимо признать, что присущие отдельным индивидам различные способы восприятия мира оказывают влияние и на действия каждого из людей. В этом отношении реальность, с позиций феноменологического подхода, — это социальный конструкт.

Термин «феноменология» восходит к греческим словам φαίνομενο (явление) и λόγος (разум или слово) и может быть переведен как «аргументированное исследование». Упрощенное определение феноменологии можно было бы сформулировать следующим образом: феноменология — это философская перспектива, достигаемая путем устранения допущений и предубеждений относительно всего, кроме воспринимаемой субъектом реальности. Приверженцы феноменологии как методологической парадигмы отвергают возможность рассмотрения субъективного в качестве объективной реальности, исходя из посылок, что сознание само по себе не является объектом, а некоторые феномены сознания не уловимы для эмпирического инструментария [12]. Однако они пытаются объяснить субъективные свойства объекта познания, стремясь отказаться от предположений относительно того, что реально, а что нет, и начать с содержания человеческого сознания, поместив этот феномен в фокус своих исследований. В сущности, в рамках феноменологического научного дискурса ученые постепенно уходят от исследования физической реальности в направлении рассмотрения явленного только человеку *смысла явлений*.

Философские корни феноменологии как аналитического метода описания и объясне-

ния социальных отношений и психологических ориентаций ученые прослеживают в работах немецкого философа Эдмунда Гуссерля (1859—1938), которого часто называют «отцом чистой феноменологии». Эдмунд Гуссерль считал, что Рене Декарт (1596—1650) совершил существенную ошибку, когда провел существенное различие между деятельностью сознательного ума (*reas cognitans*) и объектами сознательного мышления (*reas extensa*) [20]. Гуссерль же утверждал, что деятельность сознания и объекты сознательного мышления являются неотделимыми друг от друга элементами человеческого опыта [21]. Его аргументы в пользу трансцендентальной феноменологии основывались на важности субъективных интерпретаций реальности. Новый подход, предложенный Гуссерлем, обеспечивал методологию определения истинной сущности реальности через понимание перцептивных фильтров, влияющих на процессы, посредством которых индивиды и группы воспринимают, хранят и интерпретируют информацию о социальных и физических явлениях. Гуссерль и его ученики полагали, что «способы познания определяют реальность» [19]. Согласно Гуссерлю, даже решением самой философской проблемы начала является сознание. Труды Гуссерля обычно считаются отправной точкой для развития феноменологического направления в общественных науках и философии. Ранние идеи Гуссерля развивали такие его последователи, как Альфред Шютц [30] (1899—1959) и Мартин Хайдеггер [17] (1889—1976)¹. Некоторые идеи феноменологии лежат в основе трудов Жана-Поля Сартра и Альбера Камю [29], Виктора Франкла [6].

Несмотря на разногласия между феноменологами, данный философский метод с течением времени приобретал все больше сторонников. Феноменология приобрела

¹ Другие представители школы Гуссерля нередко называют их как героями движения, так и отступниками от феноменологии [14].

значительную популярность как философская альтернатива логическому позитивизму и как научный подход в период после Второй мировой войны, в 1960-е и 1970-е гг. она продолжала пользоваться значительной популярностью среди зарубежных ученых и до сих пор имеет своих сторонников в академических и философских кругах. Методы феноменологии стали применяться к исследованию самых разных областей социальной жизни: от этики и музыки до девиантного поведения.

Влияние феноменологии на изучение общественного управления также в существенной степени является результатом ее влияния на социологические исследования в целом. Логический позитивизм длительное время оставался доминирующей научной ориентацией и диктовал методологию научного поиска, основанную на анализе эмпирических данных. Нередко ученые позитivistского направления считали главной целью практико-ориентированных исследований реализацию экспериментальных управлеченческих проектов. Однако такой подход казался многим слишком прямолинейным; Дуайт Уолдо еще в 1952 г. выступил с критикой логического позитивизма в журнале *American Political Science Review* [32]. Другие ученые, пытавшиеся найти методы осмысления изменений, происходивших в американском обществе в этот период, и новую роль государственного управления в удовлетворении изменившихся социальных потребностей, наряду с другими представителями социальных наук, также постепенно разочаровывались в позитivistском научном методе.

В этой ситуации Ларри Киркхарт предложил научному сообществу обратиться к потенциальному феноменологии [13]. Киркхарт высказал предположение о существовании феноменологической перспективы в области государственного управления в своем докладе «К теории государственного управления» на знаменательной конференции

в Минноубруке в 1968 г. [10]. В этот период само государственное управление оставалось аморфной областью социальной науки, ее дисциплинарные границы были очерчены лишь пунктиром. Как отметил Л. Киркхарт во время конференции в Минноубруке, в распоряжении ученых не было даже четкого определения самого понятия «государственное управление» (консенсус по поводу такого определения, вероятно, помог бы исследователям прояснить свои цели и обеспечил бы более четкое общее понимание объекта и границ области исследования).

Результаты. Сегодня многие теоретики признают, что субъективность бытия и истины имеет большое значение для государственного управления. Феноменологический подход основывается на предположении, что культурные и профессиональные ценности, мотивы и интересы субъекта влияют на диапазон рассматриваемых вариантов решения проблем и окончательный выбор субъектами общественных отношений собственного образа действий. Наблюдатель, будь то исследователь-теоретик или практик, стремящийся улучшить социальное управление, должен понимать те смыслы, которыми разные люди наделяют одни и те же отношения, социальные программы и общественные процессы. В частности, основываясь на феноменологическом подходе, исследователь должен признать, что этика также является социальной конструкцией и, как таковая, основана на общих взглядах людей на добро и зло, а не на ценностях, внешних по отношению к отдельным людям или социальным группам.

Высвечивание мотивационной составляющей каждого управленческого субъекта помогает ученому обнаружить, чем руководствуется субъект управления при принятии управленческих решений [3, с. 132]. С точки зрения феноменологии, индивидуальные и групповые интересы, мировоз-

зрение, знания, профессиональная подготовка, предрасположенность к определенным управленческим стилям и ролям, язык и другие аспекты личностной и организационной культуры, — также могут оказывать значительное влияние на готовность и способность отдельных людей и организаций доверять другим участникам отношений социального управления и сотрудничать с ними и, таким образом, определять эффективность совместных усилий. Закономерно в связи с этим, что одним из стратегических направлений феноменологии государственного управления является феноменология коррупции [1, с. 248; 2, с. 54].

На феноменологии и постбихевиоризме основывается «теория действия» Майкла М. Хармона. Ученый выдвинул предположение, что теория действия, включающая такие концепты, как интерсубъективность, совместимость норм и правил, необходимость персональной ответственности в системе управления, административный стиль, — применима для описания структуры системы государственного управления [16]. Концепция социального конструирования реальности внутри организаций эксплицитно присутствует и в других в феноменологических исследованиях. Согласно теории действия, индивидуальные и групповые перспективы и ценности являются важными переменными в успехе или провале организации или программы. В какой-то мере индивиды определяют реальность, но в групповых и организационных условиях могут развиваться общие для участников действий смыслы, которые обеспечивают основу для понимания значения самих действий и того, являются ли они хорошими, плохими или нейтральными. Соответственно, с позиций феноменологии можно определить и организационную культуру. Так, Стивен Отт предложил следующую дефиницию: «Организационная культура — это совокупность смыслов и представлений о реальности, которые

создаются и усваиваются членами организации в ходе их социальных взаимодействий» [22, с. 256]. Задача практиков управления — признать суть культуры и управлять ею.

Благодаря применению феноменологического подхода, в науке государственного управления широкое распространение получила модель «бюрократической личности» («административного человека»). Согласно этой модели, социальная роль бюрократа сводится к продуцированию извращенных (эгоистических) мотивов и стимулов управленческих отношений, создающих препятствия к эффективному принятию решений и эффективному управлению. Образ действий бюрократа основывается на том, что этот субъект рассматривает себя в рамках субъектности «мы», не наделяя субъектностью управляемых — «они». Вместо того чтобы рассматривать себя как обремененную дополнительной ответственностью часть общества, которому они служат, бюрократы своими решениями и действиями демонстрируют отчужденность и отстраненность от общества и его проблем. Бюрократы, согласно идеям американского профессора Ральфа Хаммеля, наиболее известного сторонника феноменологических методов в американской теории государственного управления, пытаются приспособить граждан к моделям взаимодействия, предназначенным для удовлетворения потребностей самой бюрократии. Эффективность и другие организационные ценности вытесняют для чиновников реальность физического мира, оказывая влияние и на бюрократов, и на гражданское общество. Эти идеи, конечно, не новы, однако новым можно считать их обрамление Р. Хаммелем в феноменологических терминах.

Дискурс «бюрократического человека» продолжил Нортон Лонг. Ученый отмечал, что деятельность бюрократов привела к подмене целей государственного управления:

забота об общественном благе в качестве цели постепенно была замещена организационной эффективностью и контролем над управляемым [33, с. 356]. Соответственно, добродетелями бюрократа стали не солидарность и забота, а профессионализм, техническое мастерство и изоляция от общественного контроля. Профессиональная подготовка государственных служащих дистанцирует их от народа, проводя границу между гражданами и чиновниками. В подобных условиях поддержка между всеми акторами управленческих отношений становится проблематичной. По мнению М. Д. Розенбаума, сложность бюрократической деятельности, в свою очередь, отталкивает от нее простых людей, запутывает их и отчуждает, этот эффект особенно заметен в отношении граждан с низким уровнем образования и доходами [28, с. 36]. Такая же проблема взаимного отчуждения, атомизации наблюдается и в среде самих государственных служащих. В 1954 г. Н. Лонг высказал предположение, что «представительная бюрократия» (депутаты парламентов и других представительских органов) является исключением и остается полезным элементом управления общественными отношениями, поскольку на уровне избранных представителей народа артикулируются и агрегируются общественные интересы. Однако позднее учёный отказался от этого предположения: он пришел к выводу, что в структуре мотивации депутата парламента верность партии и ее руководству постепенно вытесняет заботу об избирателе, соответственно, представительская бюрократия страдает такими же пороками, как и государственные служащие: изоляцией, отчуждением, высокомерием.

Фрэнк Шервуд, дискутируя с Н. Лонгом, выступал за возобновление роли государственной бюрократии в формулировании политической повестки и оказания помощи политикам и общественности в принятии обоснованных решений [31]. Роберт Райх в книге «Сила общественных идей» утверж-

жал, что эту роль должны взять на себя государственные должностные лица [34]. И Ф. Шервуд, и Р. Райх разделяли уверенность, что государственные чиновники, наряду с представительской бюрократией, должны быть элементами механизма выработки политических решений на основе общественных интересов.

Питер Лайман, Майкл Васу, Дебра Стюарт и Дэвид Гарсон высказывали опасения, что современным социальным отношениям угрожает «техническая гегемония» [25]. В то время как, согласно некоторым данным, компьютеры не оказывают прямого негативного «расчеловечивающего» влияния на работников, приверженцы феноменологического подхода видят признаки того, что «техническая организационная культура» влияет на структуру власти и отношения в организациях.

Ральф Хаммель, выступавший за практико-ориентированность научных изысканий, «потому что они соединяют науку и разум с практичесностью» [18; 19], в своих работах поднимал проблемы управления организационной культурой, сосредотачиваясь на намерениях и убеждениях служащих. Хаммель высказал идею, что управленческие «круги» (кооперация, сотрудничество, командная работа) являются более эффективными моделями организации, чем управленческие «пирамиды». Он утверждал, что традиционный административный контроль, присущий бюрократии, постепенно уступит место информационному потоку и гибкости ролей, а иерархичность в современную эпоху выкажет свою дисфункциональность. В этой модели принятие решений децентрализовано, лидерство ситуативно, а сотрудники высокопрофессиональны, клиентоориентированы и мобильны. Ученый был убежден, что потенциал развития управленческой культуры в организациях может заключаться в построении мягких нестрогих иерархий, расширении полномочий служащих, гибкости

ролей [18]. Значимой практической идеей Р. Хаммеля являлась также рекомендация руководителям способствовать расширению возможностей сотрудников по кооперации с коллегами.

Возвращаясь к отечественным исследованиям феноменологического подхода в государственном управлении, стоит отметить, что они также начали развиваться в тот период, когда ученое сообщество вынуждено было признать: старые научные концепции, которые были сформированы еще в советские времена, устарели в качестве объяснительных моделей современной государственно-управленческой деятельности [4, с. 11–12]. Именно поэтому в данной сфере научного поиска необходимо разрабатывать и применять новые подходы, одним из которых является феноменологический [5, с. 93]. По мнению А. В. Мартынова, феноменологические методы способны обеспечить транзит научной мысли и практики управления от старых научных концепций и технологий к новым, например, в вопросах административно-надзорной деятельности. При этом, подчеркивает В. Е. Чиркин, феноменология позволит перейти на кардинально новый уровень в решении управленческих задач, к примеру, изменить способы регулирования экономики государством с директивных методов на индикативные, среди которых выделяются дозволение, стимулирование и прочие [7, с. 7]. Согласно мнению А. В. Мартынова, приоритетным в данном процессе становится саморегулирование экономики, однако и функции административного надзора со стороны государства не исчезают полностью, особенно в переходные периоды, когда государство должно быть направлено на поступательное снижение управленческо-надзорных рычагов давления, придерживаясь правила «что не запрещено законом, то разрешено», управляя процессом всестороннего развития всех акторов экономических отношений.

Не все отрасли гуманитарного научного знания положительно восприняли новый научный подход, поэтому феноменология длительное время не получала широкого распространения в среде ученых и практиков. Однако феноменология значительно повлияла на государственное управление и методологию его исследования, обнажив такие проблемы, как отношение людей к государственным органам, бюрократии и ее деятельности.

Выходы. Несмотря на имеющиеся пределы и ограничения феноменологического подхода, его значимость связана с включением в область социальных исследований в качестве их объекта непосредственного опыта человека, его жизненного мира [27, с. 158].

В вопросах изучения сферы государственного управления и административно-правового надзора феноменологический подход сохраняет актуальность.

Прикладной потенциал феноменологии заключается в том, что этот подход позволяет разработать технологии взаимодействия государства и граждан, основываясь на императиве, согласно которому государственные должностные лица являются составным элементом гражданского общества и несут ответственность за то, чтобы взаимодействовать с согражданами с позиций равенства, а не клиентизма [8; 23]. Государственное управление с помощью феноменологического подхода «адаптируется» к миру людей, отказываясь от управленческой модели, в которой общество рассматривается не как полноправный участник, а как пассивный объект государственно-административного управления.

Приверженцы феноменологического подхода выступают за построение консociированной модели бюрократии. Они исходят из предпозиции, что проектные команды как модель управления организацией эффективнее иерархических структур. В данном направлении и должны вестись

дальнейшие научные поиски в вопросах усовершенствования методов государственного управления.

Список литературы и источников

1. К вопросу о феноменологии коррупции / **Н. С. Бикмурзина, Д. Г. Давыдов, М. А. Канаев и др.** // Право и государство: теория и практика. 2020. № 11 (191). С. 246—249. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_246
2. **Карнаушенко Л. В.** Феноменология права в трансформирующемся российском обществе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1 (39). С. 53—56. <https://doi.org/10.24420/KUI.2020.39.1.007>
3. **Карпов О. В., Кучин Н. С.** Административно-правовые принципы через призму феноменологии права // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2020. № 11. С. 131—135. <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.11.15>
4. **Мартынов А. В.** Философия и феноменология административного надзора: новые научные подходы к формированию концепции в условиях модернизации российского государства и права // Административное право и процесс. 2010. № 5. С. 9—14.
5. **Похилько А. Д., Авалян А. М.** Социальная феноменология общественного сознания // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 89—95.
6. **Франкл В.** Сказать жизни «ДА!»: психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн: Смысл, 2009. 240 с.
7. **Чиркин В. Е.** Возможности и пределы публично-правовых инструментов в условиях финансово-экономического кризиса // Государство и право. 2009. № 10. С. 2—13.
8. A Phenomenology of Institutions: Relationality and Governance in China and Beyond / R. Lejano, J. Guo, H. Lian, B. Yin. New York: Routledge, 2019. 162 p.
9. **Buckley R. P.** Husserl, Heidegger and the Crisis of Philosophical Responsibility. Dordrecht: Springer, 2012. XXII, 298 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-011-2470-6>
10. **Cox III R. W., Buck S., Morgan B.** Public Administration in Theory and Practice. 2nd ed. New York: Routledge, 2011. 320 p. <https://doi.org/10.4324/9781315663050>
11. Culture, Philosophies and Reforms in Public Administration for the Globalizing World: A Reflection on Local, Regional and International Perspectives / eds. E. O. C. Ijeoma, O. I. Nzewi. Cape Town: AOSIS, 2018. 185 p.
12. **Detmer D.** Phenomenology Explained: From Experience to Insight. Chicago: Open Court, 2013. 256 p.
13. **Frederickson H. G.** New Public Administration. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press, 1980. 159 p.
14. **Gorman R.** The Dual Vision: Alfred Schutz and the Myth of Phenomenological Social Science. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2013. 248 p.
15. Handbook of Organization Theory and Management: The Philosophical Approach / eds. Th. D. Lynch, P. L. Cruise. 2nd ed. Boca Raton, FL: CRC Press, 2005. 896 p.
16. **Harmon M. M., Mayer R. T.** Organization Theory for Public Administration. Boston, MA: Little, Brown & Co., 1986. 443 p.
17. **Heidegger M.** Introduction to Phenomenological Research. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005. 272 p.
18. **Hummel R. P.** Politics for Human Beings. London: Duxbury Press, 1980. 350 p.
19. **Hummel R. P.** The Bureaucratic Experience: The Post-Modern Challenge. 5th ed. London; New York: Routledge, 2015. 304 p.
20. **Husserl E.** Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. London; New York: Routledge, 2012. 432 p.
21. **Husserl E.** Phenomenology and the Foundations of the Sciences. Book 3: Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. The Hague: Boston: London: Martinus Nijhoff, 1980. 130 p.
22. Innovation and the Development of Flight / ed. R. D. Launius. College Station, TX: Texas A&M University Press, 1999. 335 p.

23. **Jung H. Y.** Phenomenology, Transversality, and World Philosophy. Lanham et al.: Lexington Books, 2021. 416 p.

24. **Ongaro E.** Philosophy and Public Administration: An Introduction. 2nd ed. Cheltenham: Edward Elgar Publ., 2020. 352 p.

25. Phenomenology, Organizational Politics, and IT Design: The Social Study of Information Systems / eds. G. Viscusi, G. M. Campagnolo, Y. Curzi. Hershey, PA: IGI Global, 2012. 427 p. <https://doi.org/10.4018/978-1-4666-0303-5>

26. **Piccorelli J. T.** The Aesthetic Experience and Artful Public Administration. Cleveland: Cleveland State University, 2014. 201 p.

27. **Roche M.** Phenomenology, Language and the Social Sciences. London; New York: Routledge, 2013. 384 p.

28. **Rosenbaum M. D.** Domestic bureaucracies and the international trade regime: the law and economics of administrative law and administratively-imposed trade barriers: discussion paper No. 250 // The John M. Olin Center / Harvard Law School. 1998. URL: http://www.law.harvard.edu/programs/olin_center/papers/pdf/250.pdf (accessed: 15.09.2022).

29. **Sartre J.-P., Camus A.** Sartre and Camus: A Historic Confrontation / ed. and transl.: D. Sprintze, A. Van den Hoven. Amherst, NY: Humanity Books, 2004. 299 p.

30. **Schutz A.** The Phenomenology of the Social World / transl.: G. Walsh, F. Lehnert. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1967. 255 p.

31. **Sherwood F.** County Governments in Florida: First in a Series on Local Government. New York et al.: iUniverse, 2008. 242 p.

32. **Stillman II R. J.** Dwight Waldo: Administrative Theorist for our Times. New York; London: Routledge, 2020. 332 p.

33. **Stillman II R. J.** Public Administration: Concepts and Cases. 8th ed. Boston, MA: Houghton Mifflin, 2005. 545 p.

34. The Power of Public Ideas / ed. R. B. Reich. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1990. 265 p.

References

1. Bikmurzina N. S., Davydov D. G., Kapayev M. A., Gurevicheva J. A., Koshelev S. A. To the question of the phenomenology of corruption. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2020, no. 11 (191), pp. 246–249. (In Russian). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2020_11_246
2. Karnaushenko L. V. The phenomenology of law in a transforming society. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2020, vol. 11, no. 1 (39), pp. 53–56. (In Russian). <https://doi.org/10.24420/KUI.2020.39.1.007>
3. Karpov O. G., Kuchin N. S. Administrative and legal principles through the prism of the phenomenology of law. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo*, 2020, no. 11, pp. 131–135. (In Russian). <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2020.11.15>
4. Martynov A. V. Philosophy and phenomenology of administrative supervision: new scientific approaches to concept formulation under the conditions of Russian state and law modernization. *Administrativnoye pravo i protsess*, 2010, no. 5, pp. 9–14. (In Russian).
5. Pokhilko A. D., Aalyan A. M. Social phenomenology of public consciousness. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 2021, no. 2, pp. 89–95. (In Russian).
6. Frankl V. E. *Yes to Life: In Spite of Everything*. Boston, MA, Beacon Press, 2020. 144 p.
7. Chirkov B. E. Possibilities and the limits of public-lawful tool under the conditions of financial and economic crisis. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 10, pp. 2–13. (In Russian).
8. Lejano R., Guo J., Lian H., Yin B. *A Phenomenology of Institutions: Relationality and Governance in China and Beyond*. New York: Routledge, 2019. 162 p.
9. Buckley R. P. *Husserl, Heidegger and the Crisis of Philosophical Responsibility*. Dordrecht, Springer, 2012. xxii, 298 p. <https://doi.org/10.1007/978-94-011-2470-6>
10. Cox III R. W., Buck S., Morgan B. *Public Administration in Theory and Practice*.

- 2nd ed. New York, Routledge, 2011. 320 p.
<https://doi.org/10.4324/9781315663050>
11. Ijeoma E. O. C., Nzewi O. I. (eds.) *Culture, Philosophies and Reforms in Public Administration for the Globalizing World: A Reflection on Local, Regional and International Perspectives*. Cape Town: AOSIS, 2018. 185 p.
 12. Detmer D. *Phenomenology Explained: From Experience to Insight*. Chicago, Open Court, 2013. 256 p.
 13. Frederickson H. G. *New Public Administration*. Tuscaloosa, AL, University of Alabama Press, 1980. 159 p.
 14. Gorman R. *The Dual Vision: Alfred Schutz and the Myth of Phenomenological Social Science*. Abingdon-on-Thames, Routledge, 2013. 248 p.
 15. Lynch Th. D., Cruise P. L. (eds.) *Handbook of Organization Theory and Management: The Philosophical Approach*. 2nd ed. Boca Raton, FL, CRC Press, 2005. 896 p.
 16. Harmon M. M., Mayer R. T. *Organization Theory for Public Administration*. Boston, MA, Little, Brown & Co., 1986. 443 p.
 17. Heidegger M. *Introduction to Phenomenological Research*. Bloomington, IN, Indiana University Press, 2005. 272 p.
 18. Hummel R. P. *Politics for Human Beings*. London: Duxbury Press, 1980. 350 p.
 19. Hummel R. P. *The Bureaucratic Experience: The Post-Modern Challenge*. 5th ed. London, New York, Routledge, 2015. 304 p.
 20. Husserl E. *Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology*. London, New York, Routledge, 2012. 432 p.
 21. Husserl E. *Phenomenology and the Foundations of the Sciences*. Book 3: Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. The Hague, Boston, London, Martinus Nijhoff, 1980. 130 p.
 22. Launius R. D. (ed.) *Innovation and the Development of Flight*. College Station, TX, Texas A&M University Press, 1999. 335 p.
 23. Jung H. Y. *Phenomenology, Transversality, and World Philosophy*. Lanham et al., Lexington Books, 2021. 416 p.
 24. Ongaro E. *Philosophy and Public Administration: An Introduction*. 2nd ed. Cheltenham, Edward Elgar Publ., 2020. 352 p.
 25. Viscusi G., Campagnolo G. M., Curzi Y. (eds.) *Phenomenology, Organizational Politics, and IT Design: The Social Study of Information Systems*. Hershey, PA, IGI Global, 2012. 427 p.
<https://doi.org/10.4018/978-1-4666-0303-5>
 26. Piccorelli J. T. *The Aesthetic Experience and Artful Public Administration*. Cleveland: Cleveland State University, 2014. 201 p.
 27. Roche M. *Phenomenology, Language and the Social Sciences*. London; New York: Routledge, 2013. 384 p.
 28. Rosenbaum M. D. Domestic bureaucracies and the international trade regime: the law and economics of administrative law and administratively-imposed trade barriers: discussion paper no. 250. *The John M. Olin Center at Harvard Law School*. 1998. Available at: http://www.law.harvard.edu/programs/olin_center/papers/pdf/250.pdf (accessed: 15.09.2022).
 29. Sartre J.-P., Camus A. *Sartre and Camus: A Historic Confrontation*, ed. and transl. by D. Sprintze, A. Van den Hoven. Amherst, NY, Humanity Books, 2004. 299 p.
 30. Schutz A. *The Phenomenology of the Social World*, transl. by G. Walsh, F. Lehnert. Evanston, IL, Northwestern University Press, 1967. 255 p.
 31. Sherwood F. *County Governments in Florida: First in a Series on Local Government*. New York et al.: iUniverse, 2008. 242 p.
 32. Stillman II R. J. *Dwight Waldo: Administrative Theorist for our Times*. New York; London: Routledge, 2020. 332 p.
 33. Stillman II R. J. *Public Administration: Concepts and Cases*. 8th ed. Boston, MA, Houghton Mifflin, 2005. 545 p.
 34. Reich R. B. (ed.) *The Power of Public Ideas*. Cambridge, MA, London, Harvard University Press, 1990. 265 p.

Информация об авторе

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43).

Information about the author

Andrey A. Kovalev — Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Northwest Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation (Russia, 199178, St. Petersburg, Sredny ave. V.O., 57/43).

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

The article was submitted 10.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 80—87.

Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 80—87.

Научная статья

УДК 124.3 + 37.035.91
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-80-87

Лидерство как философская категория: подходы и дефиниции

Д. В. Корниухов

Донецкий национальный университет, г. Донецк

kornuhovd@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию лидерства в системе философских категорий. Проанализированы связи лидерства с понятиями руководства, власти, управления. В объем категории лидерства включены индивидуальный и коллективный виды лидерства, понятия модели лидерства, стиля лидерства, лидера, последователей. Обозначено значение последователей лидера. Сделан акцент на связи функций лидера и руководителя, указаны общие черты и различия их ролей по функциональным критериям. Авторская концепция феномена лидерства выражает идею о социальном влиянии личности или группы на социальную интеграцию и достижение общественно значимых целей посредством мировоззрения, поведения, действия в системе отношений.

Ключевые слова: лидер, лидерство, последователи, власть, управление, руководство, стиль лидерства, модель лидерства, категория лидерства, понятие лидера

Для цитирования: Корниухов Д. В. Лидерство как философская категория: подходы и дефиниции // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 80—87. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-80-87>

Original article

Leadership as a philosophical category: approaches and definitions

D. V. Kornyukhov

Donetsk National University, Donetsk

kornuhovd@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of leadership in the system of philosophical categories. The connections of leadership with the concepts of leadership, power and management are analyzed. The category of leadership includes individual and collective types of leadership, concepts of leadership model, leadership style, leader, followers. The importance of the leader's followers is outlined. Emphasis has been placed on the connection between the leader functions and the head functions, the commonalities and differences of their roles by functional criteria are indicated. The author's concept of the phenomenon of leadership expresses the idea of the social

influence of a person or group on social integration and the achievement of socially significant goals through outlook, behavior, action in the system of relations.

Keywords: leader, leadership, followers, power, management, guidance, leadership style, leadership model, leadership category, leader notion

For citation: Kornyukhov D. V. Leadership as a philosophical category: approaches and definitions. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 80—87. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-80-87>

Проблема лидерства является одной из самых актуальных в периоды системных социокультурных и политических трансформаций, интенсивность которых в современном мире нарастает. Отдельные исследования феномена лидерства часто строятся на своеобразных и порой даже взаимоисключающих принципах и подходах. Поэтому крайне важно обратиться к сущностному аспекту изучения проблемы лидерства и определить место лидерства в системе философских категорий.

Вопросы определения понятия «лидерство», а также связанных с ним понятий, таких как «руководство», «управление», «последователи» и другие, были частично изучены в работах М. Ю. Ананченко [1], Р. Л. Дафта, П. Лейна [2], А. Л. Замулина [3], И. В. Ивановой [4], Т. Карлейля [5], Б. Келлерман [6], Е. В. Кудряшовой [7], П. А. Печенина [8], Т. Н. Самсоновой, Е. С. Шпуги, Е. В. Селезневой [10], М. Реджея и К. Филиппса [12]. Однако практически отсутствует детальное исследование понятийного аппарата лидерства в системе связанных с ним категорий.

При наблюдении социально-исторического развития общества выявлено, что лидеры и лидерство как таковые появились гораздо раньше, чем сформировался понятийный аппарат, отражающий лидерскую практику. На современном этапе эта практика широко дифференцирована. Вариативность моделей лидерства и подходов к объяснению его генезиса, развития и функций требует пристального внимания к точности

и адекватности употребления соответствующих понятий. Обратимся к лингвосемантическому анализу слов «лидер» и «лидерство»: корень этих слов восходит к западногерманскому *laithjan*, которое в английском языке трансформировалось в глагол *to lead* —вести [11]. К началу XIII в. существительным *leader* в соответствующих документах обозначались прежде всего военачальники. В XVIII в. лидером называли авторитетного члена социальной группы, который оказывал влияние на социальные процессы и ситуации в группе, регулировал групповые отношения, а также интегрировал совместную деятельность, направленную на удовлетворение интересов членов социальной группы. Появление понятия *leadership* (лидерство), по мнению Е. В. Селезневой, связано с историей Великобритании как морской державы [10, с. 10]. Мотивирующая основа существительного *leader* обозначает человека, который прокладывает курс корабля, флотилии или военного судна. Опорный компонент — существительное *ship* (корабль). К началу XIX в. на уровне обыденного мировосприятия возникли определенные характеристики, присущие личности и социальной позиции лидера, что и привело к сложению семантических основ *leader* и *ship* в понятии *leadership* (лидерство).

В разных языках есть слова, сходные по значению с английским *leader*, но при этом отражающие определенную социально-историческую специфику и коннотативные смысловые оттенки. В русском языке это слова: вождь, предводитель, глава, управляющий, царь, босс, патрон, хозяин, господин, шеф.

Они отражают различные коннотации, различную эмоциональную экспрессивность и применимы для разных жизненных ситуаций. Для науки важны понятия, которые, с одной стороны, употребляются в международном сотрудничестве, с другой — максимально точно и объективно отражают сущность исследуемого феномена. Именно в связи с этим в русскоязычной терминологии стали использоваться английские по происхождению понятия «лидер» и «лидерство».

Обратимся к объему значений, присущих сегодня понятиям «лидер» и «лидерство», — с позиций разных наук. Лидерство в контексте психологических наук трактуется следующим образом: 1) социальное влияние, в результате которого лидер получает поддержку окружающих, необходимую для реализации его личных целей; 2) социальное влияние, направленное на достижение групповых целей; 3) мотивирование отдельными членами группы других членов группы; 4) межличностные отношения доминирования и подчинения; 5) взаимовлияние лидера и его последователей, направленное на реализацию групповых целей; 6) система качеств и способностей личности, позволяющая вести за собой других.

Лидерство в контексте философских и социологических наук, а также культурологии интерпретируется так: 1) реализация власти и влияния в социальных группах; 2) система характеристик лидера как социальная роль; 3) механизм социально-управленческой интеграции: отдельные члены группы направляют действия остальных членов группы, которые их поддерживают и одобряют; 4) система ценностей группы, которая воплощается и реализуется лидером при поддержке его последователей; 5) переплетение искусств — искусства эффективного общения, самопрезентации (изобретение собственного отличия и вдохновление этим отличием других [4, с. 21]), лидерского мышления, адаптации к быстро меняющимся социокультурным условиям и др.;

6) мировоззрение, включающее сложную систему идей, убеждений и установок, позволяющих реализовывать лидерские функции.

Опираясь на работу Р. Стодгилла «Руководство по лидерству», Е. В. Кудряшова предлагает следующие основные подходы к определению понятия «лидерство»: 1) центр групповых процессов; 2) проявление личностных черт; 3) искусство достижения согласия; 4) действие и поведение; 5) инструмент достижения определенного результата; 6) взаимодействие; 7) умение убеждать; 8) осуществление влияния; 9) властные отношения; 10) результат дифференциации ролей; 11) инициация или введение структуры; 12) проявление эмоциональной зрелости; 13) видение перспективы; 14) следование особым ценностям [7, с. 22—23]. М. Ю. Ананченко дает определение лидерству через ряд присущих данному феномену признаков, таких как: приоритетные позиции в отрасли, первенство и значительное влияние личности лидера, социальной группы и государства [1, с. 68].

На основании анализа существующих дефиниций термина «лидерство» предлагаем сформулировать следующее определение: лидерство — это мировоззрение, а также поведение, действия и система отношений, направленные на реализацию социального влияния личности или группы на социальную интеграцию и достижение общественно значимых целей.

Подчеркнем, что с понятием лидерства тесно связаны понятия власти и управления. Власть в наиболее общем виде — это способность влиять на поведение других людей. В отличие от лидерства, власть не требует согласованности целей лидера и группы его последователей. Она может быть основана как на статусных полномочиях, так и на индивидуальных качествах. Власть в любых контекстах подразумевает принуждение. Лидерство так или иначе предполагает использование власти в процессе управления. Понятие «управление» очень близко понятию

«руководство», но в отличие от руководства управление всегда означает процесс реального решения задач (в том числе в случае отсутствия формальных полномочий у управляющего). Если для руководства в первую очередь важны формальные полномочия, то для управления — определенный набор компетенций. Лидерство всегда предполагает способность управлять.

Перейдем к современной интерпретации понятия «лидер». Обобщая различные источники и позиции, можно выделить следующие основные черты лидера: 1) доминирующая позиция в группе; 2) наличие власти, авторитета и влияния (способности менять мотивы, ценности, поведение членов группы); 3) способность интегрировать людей на достижение общих целей; 4) ответственность и связанная с ней свобода принимать решения; 5) способность организовать групповое взаимодействие и совместную деятельность [10, с. 14—15].

Обратим внимание на соотношение понятия «лидер» с архетипами Божества, Мудреца, Героя, Трансформации у М. Ю. Ананченко, которая утверждает, что до XIX в., с его многочисленными революционными трансформациями, термин «лидер» скорее называл некую идеальную модель поведения, а не реального человека [1, с. 71]. Т. Карлейль, ученый XIX в., фактически распространяет архетип Героя на шесть типов лидеров — божество, пророка, поэта, пастыря, писателя и вождя [5, с. 19]. Если М. Ю. Ананченко считает XIX в. этапом, на котором фигура лидера стала восприниматься более реалистично — как личность, как реальное действующее лицо, способное изменить ход истории, то Е. В. Курдяшова высказывает иную точку зрения, согласно которой в результате европейских революций XVIII — XIX вв. концепция лидерства была деперсонализирована, а власть стала атрибутом не личности, а должности и социального института [7]. Личная воля лидеров в этот период резко ограничивалась. Однако

данное утверждение не относится в одинаковой мере ко всем странам и регионам мира. Если в Западной Европе лидерство развивалось достаточно активно, то в Российской империи, с ее феодальным строем, в этот период была сильна абсолютная монархия. В целом оба вывода, сделанные М. Ю. Ананченко и Е. В. Курдяшовой, имеют под собой рациональные основания и отражают сложность диалектического процесса развития лидерства и отношения к личности лидера. С одной стороны, лидерство как социокультурный феномен проходит в этот период важный этап институализации. Более того, личность лидера обретает менее архетипические и более реалистичные черты, обусловленные конкретной социально-политической ситуацией. С другой стороны, вопрос ограничения личной воли лидера характерен для конкретной страны и в целом активизируется гораздо раньше XIX в. Даже в Древней Индии царская власть имеет ограниченный характер, поскольку во многом зависит от народного собрания.

С учетом современных подходов к определению лидера, в том числе идеи группового лидерства (не как лидерства в группе, а как лидерства самой группы), понятие «лидер» можно трактовать следующим образом: это личность или группа личностей, обладающих властью, авторитетом, влиянием, несущих ответственность за достижение значимых для данного сообщества целей и располагающих свободой принятия решений относительно путей достижения этих целей, а также управляющих механизмами групповой интеграции, мотивации и организации групповой деятельности.

Лидеры присутствуют в различных (практически во всех) сферах жизни социума. При этом в современном общественном сознании слова «лидерство» и «лидер» ассоциируются, прежде всего, с политической сферой общества. Об этом свидетельствуют итоги национальных опросов на тему определения наиболее выдающегося соотечественника:

в США таковыми назвали Р. Рейгана, в Великобритании — У. Черчилля, в Германии — К. Аденауэра, в Финляндии — К. Г. Маннергейма, в Португалии — А. Салазара, в Испании — Хуана Карлоса I, во Франции — Ш. де Голля, на Украине — Ярослава Мудрого, в России — Александра Невского [3]. Исключением стали только Бельгия (где жители выбрали деятеля римско-католической церкви Дамиана де Вёстера) и Новая Зеландия (где первое место в опросе занял ученый, лауреат Нобелевской премии по физике Э. Рутефорд).

Акцентируем внимание в дальнейшем анализе категории лидерства на понятии «последователи»: это — группа людей, которые находятся в тесном взаимодействии с лидером (лидер понимается как личность или как группа), совместно действуют и реализуют поставленные цели, оказывая влияние на лидера и одновременно испытывая его влияние, разделяя его мировоззренческую позицию. Если говорить о последователе как о социально-психологической роли, то ее играет в своей жизни каждый человек (как и роль лидера, хотя, возможно, реже). Лидер и последователи неразделимы. Феномен лидерства не может существовать без феномена последователей. В связи с этим в современной науке существует ряд концепций, обосновывающих роль последователей как доминирующую в формировании и функционировании лидерства. Эти идеи представлены такими учеными, как Р. Дафт и П. Лейн [2], Б. Келлерман [6], Д. Коллинсон, Дж. Майндл, Г. Юкл, Д. Ван Флит. Как справедливо отмечает А. Л. Замулин, сегодня наряду с понятием «лидерство» (англ. *leadership*) в научный оборот введено понятие «следование» (англ. *followership*) [3, с. 76], однако большинство работ, посвященных лидерству, все еще являются лидероцентризованными. Существующая в теории управления идея о том, что эффективным лидером (менеджером, руководителем) может стать только эффективный последователь (подчиненный), вполне рациональна и обоснованна.

Различные подходы к вопросам лидерства характеризуют различные модели и стили лидерства. Модель лидерства — это система представлений о сущности и основных структурно-функциональных характеристиках лидерства. Сегодня наиболее высокий уровень теоретического обобщения имеют социокультурные модели лидерства, отражающие особенности проявления феномена лидерства в отдельных сферах бытия общества и культуры, поскольку сам феномен лидерства строится на социокультурной основе. Как отмечает в своем исследовании П. А. Печенкин, социокультурные основания лидерства представляют собой «личностно-индивидуальные ресурсы лидера (микробазис) и социокультурные факторы, влияющие на их актуализацию (макробазис), динамика которых содержательно обусловлена их взаимосвязью и спецификой культурно-исторического контекста» [8, с. 10].

Стиль лидерства — это более узкое понятие, чем модель лидерства. Под стилем подразумевается модель поведения и действий лидера в процессе взаимодействия с последователями и достижения поставленных целей. В соответствии со стилем поведения лидера, а также другими критериями выделяют различные типы лидерства. Одну из первых классификаций лидерства создал еще Платон, опираясь на функциональный и иерархический критерии и выделяя руководителей — мудрецов, военачальников и организаторов торговли и ремесленной сферы. Функциональным критерием для построения типологии лидерства пользовались также Д. Креч, Р. С. Кратчфилд, Э. Л. Беллачи.

Отдельный вопрос составляет соотношение понятий «лидерство» и «руководство». Еще Т. Рузвельт разграничивал эти понятия и говорил, что лидер действует открыто, а руководитель — за закрытыми дверями; лидер ведет за собой, а босс — управляет. В современной науке так и не сформировалось единой позиции по вопросу разграничения понятий лидерства и руководства: речь идет

о разных феноменах или об отдельных особенностях проявления одного феномена. Руководство — это явление, неразрывно связанное с определенным официальным статусом, должностью, полученной в результате назначения или избрания. Другими словами, руководитель — это должностная позиция, которая предполагает наличие определенных полномочий и ответственность за определенные результаты работы. В феномене руководства, как и в феномене лидерства, существует влияние на последователей с целью мотивировать их к выполнению тех или иных действий. Лидерство может возникнуть вне зависимости от официальной позиции и назначения, вследствие наличия лидерских качеств и признания группой последователей. В случае, когда назначенный (избранный) руководитель одновременно выступает лидером, вдохновляющим последователей на достижение поставленных задач, практически невозможно разграничить понятия лидерства и руководства.

Ясность в понимании сущности лидерства и руководства можно получить, обратившись к их функциональному аспекту. К основным функциям лидера как субъекта и носителя феномена лидерства относятся: 1) определение групповых целей; 2) выстраивание межличностных отношений в группе таким образом, чтобы они способствовали достижению поставленных целей; 3) нахождение ресурсов для реализации групповых целей; 4) мотивация последователей к определенному типу поведения и действий; 5) формирование мировоззренческих оснований, единых для всех членов группы, которые способствуют ее консолидации и выработке норм группового взаимодействия. Многие авторы, в частности Е. В. Кудряшова [7], Т. Н. Самсонова, Е. С. Шпуга [9], акцентируют внимание на специфических функциях, присущих роли политического лидера, которые отличают этот тип лидерства от других. К ним относятся: выработка политического курса (ориентационная функция),

побуждение к политическим действиям (мобилизационная функция), поддержание связей между массами и властью (коммуникативная функция), функция гарантий справедливости и верховенства права (легитимирующая функция) [7], а также функции редукции общественных усилий и межличностного взаимодействия — к однозначной выработке властной позиции (компенсаторная функция) [9, с. 156].

В целом спектр функций лидера является более широким, чем спектр классических функций руководителя. Тем не менее функции руководителя во многом сходны с функциями лидера и заключаются в следующем: 1) организация и планирование собственной деятельности и деятельности группы; 2) распределение задач и подготовка инструкций по их выполнению; 3) контроль и оценка результатов деятельности; 4) выдвижение и внедрение инноваций, усиливающих эффективность деятельности группы; 5) экспертиза; 6) представительство интересов группы; 7) проведение переговоров и организация эффективной системы коммуникации внутри группы. Говоря о функциональном наполнении роли руководителя, авторы зачастую делают акцент на функциях, связанных с должностной позицией руководителя, таких как организация стажировок, прием посетителей и проведение переговоров, ведение отчетности, внедрение инноваций и т. п.

Роли лидера и руководителя (менеджера) А. Залезник различает по следующим критериям: 1) отношение к задачам (лидеры ставят новые задачи, в то время как менеджеры сохраняют статус-кво); 2) отношение к деятельности (лидеры склоняются к риску, менеджеры — к отлаженным рутинным схемам работы); 3) взаимодействие с последователями (лидеры апеллируют к эмоциям членов группы, менеджеры опираются на формальные отношения и должностные обязанности); 4) самоощущение личности (лидеры воспринимают себя достаточно независимо

от позиции в социальной иерархии, для менеджеров иерархия занимает ведущее место, поскольку сами они предстают ее «хранителями») [12, с. 67–68].

В завершение анализа функций ролей лидера и руководителя целесообразно представить ряд аспектов их различия в сравнении «лидер — руководитель» соответственно: 1) новаторство — администрирование; 2) вдохновение и доверие — контроль; 3) следование собственным целям, сформированным внутри группы, — следование целям, поставленным вышестоящими структурами; 4) гибкое планирование — жесткое планирование; 5) опора на группу последователей — опора на социальную систему; 6) сочетание формальных и эмоциональных аргументов — формальные аргументы; 7) инициирование динамики — поддержание динамики; 8) акцент на творческий энтузиазм — акцент на профессионализм; 9) персональный авторитет — формальный авторитет; 10) регуляция неформальных отношений — регуляция формальных отношений.

Безусловно, любое разграничение функций лидера и руководителя будет носить весьма условный характер, поскольку в различных ситуациях явления лидерства и руководства могут не только отдаляться друг от друга, но и совпадать, сближаться. Оба феномена в своей основе имеют много общих функциональных аспектов, в числе которых: 1) координация и организация социальных отношений; 2) реализация социального влияния в группе; 3) формирование групповой иерархии (субординация членов группы).

Подведем итог. Лидерство может быть не только индивидуальным, но и коллективным. В категории лидерства выделяются понятия «стиль лидерства» и «модель лидерства», они классифицируют типы лидерства. Различные стили лидерства реализуются в контексте различных моделей лидерства — систем представлений о сущности и основных структурно-функциональных характеристиках феномена лидерства. Кроме того, в объем понятий «лидер» и «лидерство» входит понятие

«последователи». Лидерство не существует без последователей.

Как философская категория лидерство тесно связано с понятиями «власть», «управление», «руководство». Лидер, как и руководитель, в своей деятельности обращается к властным ресурсам. Вместе с тем руководство неотделимо от должностной позиции. Объем функций лидера более широкий, чем объем классических функций руководителя.

Таким образом, результат теоретического обобщения явления лидерства расширяет объем категории лидерства в ее отношении к социальной, политической и культурной сферам общественной жизни.

Список литературы и источников

1. Ананченко М. Ю. Влияние архетипов на представления о лидере и лидерстве // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 107. С. 68—75.
2. Дафт Р.-Л., Лейн П. Уроки лидерства. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
3. Замулин А. Л. Новый взгляд на последователей лидера: теория и управленческая практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 8: Менеджмент. 2009. Вып. 3. С. 75—97.
4. Иванова И. В. Лидерство в промышленной организации: социально-философский анализ современных подходов: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Череповец, 2005. 24 с.
5. Карлейль Т. Герои, почитание героев и геройское в истории. М.: Эксмо, 2011. 412 с.
6. Келлерман Б. Идущие за лидером: как подчиненные создают изменения и меняют своих лидеров. М.: Аквамариновая книга, 2009. 384 с.
7. Кудряшова Е. В. Лидерство как предмет социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Москва, 1996. 41 с.
8. Печенин П. А. Феномен лидерства: социокультурный концепт и актуальные культурные модели: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2006. 27 с.
9. Самсонова Т. Н., Шпуга Е. С. Политическое лидерство перед вызовами современности //

Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2016. № 4. С. 142—163.

10. Селезнева Е. В. Лидерство: учебник. М.: Юрайт. 2018. 430 с.

11. *Online etymology dictionary* [Электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=leader&searchmode=nl (дата обращения: 27.03.2022).

12. Rejai M., Phillips K. Leaders and Leadership. An Appraisal of Theory and Research. Westport: Praeger Publishing, 1997. 158 p.

References

1. Ananchenko M. Influence of archetypes on ideas about a leader and leadership. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2009, no. 107, pp. 68—75. (In Russian).

2. Daft R. L., Lane P. G. *The Leadership Experience*. Mason, OH, Thomson/South-Western, 2005. 681 p.

3. Zamulin A. L. New look at followers of a leader: theory and management practice. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 8: Menedzhment = Vestnik of Saint Petersburg University. Management*, 2009, iss. 3, pp. 75—97. (In Russian).

4. Ivanova I. V. *Leadership in an industrial organization: socio-philosophical analysis of modern approaches*, extended abstract of Cand. Sci. (Philos.) dissertation. Cherepovets, 2005. 24 p. (In Russian).

5. Carlyle Th. *On heroes, hero-worship, and the heroic in history*. London, Chapman and Hall, 1852. 383 p.

6. Kellerman B. *Followership: How Followers Are Creating Change and Changing Leaders*. Harvard, Harvard Business Review Press, 2008. 336 p.

7. Kudryashova E. V. *Leadership as subject matter of socio-philosophical analysis*, extended abstract of Dr. Sci. (Philos.) dissertation. Moscow, 1996. 41 p. (In Russian).

8. Pechenkin P. A. *Phenomenon of leadership: socio-cultural concept and latest cultural models*, extended abstract of Cand. Sci. (Culturology) dissertation. Chelyabinsk, 2006. 27 p. (In Russian).

9. Samsonova T. N., Shpuga E. S. The challenges

political leadership faces in the modern world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya = Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2016, no. 4, pp. 142—163. (In Russian).

10. Selezneva E. V. *Leadership*, a textbook. Moscow, Yurait Publ., 2018. 430 p. (In Russian).

11. *Online Etymology Dictionary [Web]*. Available at: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=leader&searchmode=nl (accessed 27.03.2022).

12. Rejai M., Phillips K. *Leaders and Leadership. An Appraisal of Theory and Research*. Westport, Praeger Publishing, 1997. 158 p.

Информация об авторе

Корнюхов Денис Викторович — аспирант кафедры философии, Донецкий национальный университет (Донецк, 83000, Университетская улица, корп. 24).

Information about the author

Denis V. Korniyukhov — Postgraduate Student in the Philosophy Department, Donetsk National University (bld. 24, Universitetskaya Street, Donetsk, 83000).

Статья поступила в редакцию 26.05.2022.

The article was submitted 26.05.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 88—100.
Economic and Social Research. 2022. No 3 (35). P. 88—100.
Научная статья

УДК 16 + 001
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-88-100

Безмозглость и мозг

Г. В. Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Автор сталкивает странности ученого мышления с философским анализом проблемы взаимосвязи души и тела, восходящей к философской классике, обосновывая необходимость методологической рефлексии любой формы научной деятельности. Этот подход исключает некритичное отношение к материалу и методам исследования и требует понимания познавательной деятельности в контексте исторически развивавшейся культуры мышления. На основе анализа указанной проблемы автор — с позиций критики — анализирует странности ученого ума. Явно позитивистская позиция такого рода ума, укоренившаяся в науке, представляет такие картины мышления, что взгляд из классики чувствует себя смущенным, чем объясняются некоторые элементы стилистики этой статьи.

Ключевые слова: метод, диалектика, истина, мозг, мышление, орган и функция, часть и целое, душа и тело, человеческая психика, тождество, противоречие

Для цитирования: Лобастов Г. В. Безмозглость и мозг // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 88—100.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-88-100>

Original article

The brainlessness and the brain

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

Abstract. The author makes collide the oddities of academic thinking with philosophical analysis of soul-body interrelation problem traced back to philosophical classics, justifying the necessity of methodological reflexivity of any form of scientific activities. This approach excludes noncritical attitude towards research material and methods and requires cognitive work understanding in the scope of historically developing principles of thinking. Based on the analysis of the mentioned problem, the author — through the lens of criticism — analyses the oddities of

academic mind. Obviously positivistic attitude of this kind of mind, engrained in science, presents such pictures of thinking that classical vision feels embarrassed; some elements of this article's stylistics are due to that.

Keywords: method, dialectic, truth, brain, thinking, organ and function, part and whole, soul and body, human psyche, identity, contradiction

For citation: Lobastov G. V. The brainlessness and the brain. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 88—100. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-88-100>

Эпизодически в научных кругах появляется странный интерес к мозгам: сегодня можно услышать, что изучение мозга — это приоритетное направление научных исследований. Причем речь идет не о физиологии высшей нервной деятельности и не о медицине, а о науках вроде нейролингвистики и даже педагогики. Но не о практическом ее аспекте, где специалисты хорошо понимают, что от «мозгов» педагогов практическая деятельность никак не зависит: детишки должны изучать математику без того, чтобы заглядывать педагогам под черепную коробку. Но педагоги пытаются обосновывать и оправдывать свои действия своими «мозгами», например: «Мы живем в мире, где доминирует левое полушарие, где правят слова, расчет и логика, а творческий, интуитивный, эмоциональный и артистический аспекты нашей природы часто находятся в подчиненном положении. Для многих из нас использование возможностей правого полушария является затруднительным» [1, с. 125]. Тому, кто понимает, что такие слова и логика, якобы доминирующие в современном мире, ясно, что авторы приведенной цитаты имеют некоторые затруднения именно с «левым полушарием».

Что с этим левым полушарием надо сделать, чтобы поумнеть логикой? Боксер, у которого не идет левый хук, торопится в спортивный зал и отрабатывает этот удар, — хорошо зная, что за него ответственна левая рука и даже вполне определенные мышцы, для тренировки которых тренер придумает специальные упражнения. Но умный тренер

понимает больше: он понимает, что перед тренировками совместно с боксером необходимо изучать тактику противника и вместе выстроить стратегию поведения на ринге, в которой левая рука должна быть умелой и сильной, а мозг не должен мешать работе руки (он должен быть бесконечно-пластичным и лишь обеспечивать все возможные действия боксера).

Но если с головой что-то не в порядке, то хорошо провести бой нельзя. Наши доктора психологических наук — и даже заслуженные деятели этой науки — это обстоятельство как раз хорошо понимают, понимают, что без головы дело не обходится не только на ринге, но и в настоящих боях, что идут по всему миру: везде необходимо мышление, то бишь логика, и даже слова. Они пишут: «В течение нескольких десятилетий проводилась огромная исследовательская работа в области, которая теперь называется теорией доминантного полушария. Исследования показали, что каждое полушарие мозга — левое и правое — выполняет разные функции, обрабатывает информацию различного типа и имеет дело с проблемами разного рода» [1, с. 124]. Уважаемые профессора, похоже, в то время еще не знали ничего о «чуде» цифровизации, иначе, без сомнения, в погоне за научной осведомленностью обогатили бы наше сознание анализами, впечатляющими, пожалуй, не менее архитектоники мозга: физиология мозга давно открыла нам факт наличия различных зон в коре головного мозга человека, обеспечивающих те или иные функции психической

деятельности (зрительные, речевые, слуховые и т. д.), а медицина уже давно при восстановлении нарушенных функций психики на это обстоятельство опирается.

Так спортивный тренер опирается на знание анатомии руки при формировании навыка того или иного движения. Но, слава богу, музыкальной педагогике не приходит в голову рекомендовать практическим педагогам заглядывать в слуховые зоны мозга. Такое умолчание как бы свидетельствует о понимании того, что с природной определенностью много чего тут сделать нельзя, кроме как изуродовать — посредством ли скальпеля, неких медикаментозных химических средств и т. п. Поэтому она (воплощенная в конкретных людях педагогика) даже не ставит в качестве серьезной цели формирование слуха, а просто ездит по стране и ищет абсолютный слух, ибо знает свою неспособность его формировать, а эту неспособность оправдывает естественно-природной определенностью музыкального слуха. Со ссылкой на огромную историческую фактологию. Также ссылаются на опыт усекновения голов, «доказывающий» наличие в этих головах сознания, ибо вместе с головами отсекаются и все прочие функции субъективности (ампутация левой руки лишает боксера возможности провести джеб).

«Теория доминантного полушария», — пишут умные ученые, — детализирует столь общее представление о месте сознания в голове и утверждает, «что левое полушарие в основном отвечает за логически-вербальную деятельность, а правое — за интуитивно-творческую. Левое оперирует словами, правое — образами; левое имеет дело с частями и особенностями, правое — с целым и связями между отдельными частями. Левое полушарие связано с анализом, то есть делением на составляющие, правое — с синтезом, то есть со сведением частей в единое целое. Левое отвечает за последовательное мышление; правое — за синхронное, одновременное, когда объект воспринимается

как единое целое. Левое полушарие привязано ко времени, правое — свободно от временной зависимости» [1, с. 125]. Обученные такими «маститыми» профессорами психологии юные студенты объясняют мне, что любовь — штука биохимическая. Кажется, Лев Гумилев до такого не дошел, ища основания человеческого бытия в «геобиохимической» энергии, но эта традиция полумного мышления все больше и больше нагромождает в растоптанных образованием мозгах удивительные образы (как сон разума рождает чудовищ). В этом — природа самоуверенной образованности. Однако такой профессуре, если на эту проблему посмотреть глазами Фрейда, похоже, даже сублимировать уже нечего. Вакуум и черная дыра в глазах и муть в левом полушарии, доисторическое повреждение генотипа... Что удивительного в том, что недоученная ученость почти поголовно лезет к богу? Эта публика явно училась не для того, чтобы научиться нечто постигать, она хорошо, с «доисторических» времен, усвоила, что смысл ее бытия есть «биохимия тела», и место ее — от столовой до туалета, потому эти места и украшают серебром и золотом. Ну а тут, в этом узком пространстве, разве возникнет иное, нежели биохимическое, толкование любви?

Во всем этом — стихийный позитивизм, а позитивизм как сознательное умонастроение неминуемо заканчивает богом. Но умонастроение это возникает из полного безбожия, из pragmatизма естественно-научного знания, из его принципов и форм, из его логики. Из попытки очистить себя от всяческих домыслов, из задачи выстроить знание как строго-объективную картину мира. Отсутствие серьезной критической рефлексии, прямое отрицание философии заканчивается выстраиванием философии здравого смысла. Немудрено, что такая философия будет искать своего дополнения в нравственных исканиях и в прямых обращениях к богу. Иначе как впишешь себя в создаваемую объективистскую картину мира?

Конечно, все это порождает не только вопрос о природе сознания, но и о науке вообще, о ее критериях. И если мы не забудем, что любое научное исследование направлено на поиски истины, то философское невежество здесь становится на одну почву с обскурантизмом, ибо мы не найдем ни одной позиции в мире, которая не заявляла бы о своей истинности. Проблема истины — это центральная проблема философии, и сколь сложен исторический путь обоснования пути к истине, знает тот, кто в историю философии входил и вместе с великими умами выстраивал свое мышление, сомневающееся в самом себе, но и обосновывающее само себя. Иначе хаос случайностей, иначе «число эмпирических фактов будет расти каждую минуту, и мы не будем знать, что с этим количеством делать», как говорила говорливая ученая дама Татьяна Черниговская. Рефлексия тупиков науки всегда оборачивается философским анализом логики познания, в этом нам слышится явная интенция выйти за рамки той парадигмы, в которой сознательно или бессознательно сидит все научное сообщество, занимающееся нейронауками.

Попробую кратко обозначить контуры философско-логического обоснования самой проблемы, содержащейся во всех этих разворотах, и ее общетеоретическое решение.

* * *

Тема эта, на первый взгляд как будто бы отвлеченно-научная, относящаяся к физиологии и психологии, имеет, однако, непосредственно практическое значение. Наука все-таки чему-то находит людей: в первую очередь теоретически и практически обращаться со своим предметом. Но будучи требовательной к себе, к строго обоснованной форме выражения всеобщих и необходимых определений предмета, она одновременно должна быть строга и в отношении своих методологических принципов. Школа не учит непосредственно логическому мышлению, но в форме разворачивания ее предметно-

дисциплинарного содержания так или иначе заключена логика. Эта логика в какой-то мере и воспроизводит логику научного познания, и сознательно выстраивается дисциплинарной наукой и педагогическим мышлением. Эта же логика воспроизводится и в умах ученых, которые потом ставят и решают научные проблемы. Не освоившая методологической глубины ученая публика себя не видит и вещает то, что ей *кажется*. Даже истина, если она содержится в распространяемом знании, начинает зависеть от способа работы со знанием. Поэтому ничего удивительного нет, если начинают искать зависимости между клетками мозга и смысловыми структурами языка, мышления, личностного поведения и т. п.

Познающая мысль, очищая свой предмет от привходящих обстоятельств, обнаруживает как новые характеристики самого предмета исследования, так и устойчивые формы его связи с этими самыми привходящими обстоятельствами. Здесь расширяется и меняется сам предмет науки и возникают новые автономные области научных исследований — этот процесс давно называют возникновением наук на стыке наук. Так возникли психофизиология, нейропсихология, нейролингвистика и сонм других отраслей, перечислять которые не имеет смысла, поскольку нас интересует вполне определенная область исследований, связанная с работой мозга и тех психических функций, которые от его деятельности неотделимы, как неотделимо движение руки от деятельности мышц. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Рассмотренный непосредственно и сам по себе глаз мог бы воспринимать только границы между различными цветовыми пятнами, а не очертания различных предметов. К определению последних можно прийти либо с помощью осязающей, ощупывающей пространственное тело руки, либо через движение, при котором один предмет отделяется от другого» (цит. по: [2, с. 10]).

В начале 60-х годов XX века экспериментальной психологией было установлено, что

зрение заключается вовсе не в том, что глаз обводит контуры предметов, — зрачки глаз совершают странные, поначалу кажущиеся хаотичными, скачки. Максимумы внимания приходятся на смысловые центры изображения. Было установлено, что движения глаз отражают работу мысли. Но было бы лучше сказать, что в движении глаз осуществляется мысль, поскольку глаз работает по той же логике, которая присуща сознательному движению тела во внешнем пространстве. Здесь глаз (взгляд) движется по объективным контурам пространства, и любое его искривление создает этому движению препятствие и потому специфическую проблему: «Ты ведь знаешь, что зрение по своей собственной природе не различает, но сплошно (*in globo*) и слитно воспринимает некоторое препятствие, когда оно мешает ему в сфере его движения, то есть в глазу; это препятствие возникает оттого, что объект посыпает в глаз множество образов (*specierum*). И вот, если глаз обладает зрением без различения, как у детей, у которых еще нет навыка к различению, то, значит, различение, при помощи которого зрение разбирается в цветах, приводит в зрение; и вот таким же образом ум приводит в душу, способную к ощущению. И подобно тому как зрительное различие имеется у совершенных животных — например, у собак, различающих своего хозяина по виду, — и оно дано зренiuю богом как совершенство и форма этого зрения, точно так же человеческой природе сверх этой имеющейся у животных способности различения дана более высокая способность, относящаяся к силе различения у животных так же, как эта последняя относится к способности ощущений, так что ум оказывается для души формой различения и ее совершенством» [6, с. 401—402]. Сколь бы странной и малопонятной ни показалась эта мысль из средних веков, школа таких мыслителей корректирует безмозглость ума. В такую школу следовало бы сходить нашим профессорам, выстраивающим свое левое полуше-

рие распространенной примитивностью «современного» ума.

С логико-методологической точки зрения, работа глаза легко объясняется категорией *противоречия*: только тогда, когда глаз попадает в затруднительное положение в движении взгляда, он начинает осуществлять поиск объективных характеристик, позволяющих ему разрешить проблемность своего движения, попадающего в условия изменения своей траектории. Одновременно это движение направляется признаками, имеющими значение для субъективной потребности: движение глаза отражает, с одной стороны, объективные *чувственные* свойства предмета восприятия, а с другой, *смысловое* поле воспринимающего субъекта. Это противоречие восприятия не замкнуто только в контуры внешне-предметных особенностей, задающих проблему для воспринимающего глаза, — оно оказывается и способом восприятия смысловой стороны предмета: восприятие, с одной стороны, диктуется внешней чувственной характеристикой предмета восприятия, а с другой, смысловым пространством субъекта, сложившимся в результате его культурного опыта.

Следует заметить одно методологическое обстоятельство: любая наука, исследующая свою предметную область, рассматривает все явления этой области из некоторого единого основания, способного выразить и удержать единство этой сферы. Поэтому для физиолога, например, зрение и речь вполне естественно мыслятся продуктами деятельности мозга. Но только по осуществлению функции, а не по ее абстрактно-отвлеченной природе, — не зрение и речь как познавательные процессы. Как исследование мышечной системы руки показывает мне функциональные возможности самой руки, а что делает рука, — это не дело физиологии. Мозг здесь рассматривается не как орган в движении более сложной системы, нежели нейрофизиологическая, а как некая самодовлеющая субстанция, как основание этого движения.

Поэтому точка зрения нейрофизиолога может принципиально не совпадать с точкой зрения философа и психолога, и спорить здесь не имеет смысла. Гораздо важнее понять, что физиология по-другому на свой предмет и не может смотреть, иначе она потеряет специфический характер своего предмета, его определенность внутри себя и целостность, т. е. потеряет свой собственный предмет изучения. По большому счету, конечно, ясно, что это — *квазисамостоятельность*, некая абстрактная определенность биологической формы движения материи. Она, эта особая определенность, обособляется научной мыслью и конституируется как особый предмет вместе с научными средствами ее исследования. Поэтому-то понятия одной науки могут и должны применяться только в сфере данной науки, а за ее пределами их применимость ограничит с заблуждением.

Но, надо сказать, если исследуется отношение между двумя «элементами», то определение одного из них как исходного и определяющего не так легко установить. Отношение *органа и его функции* уже давно банально-избитая тема, и уже давно понятно, что орган — он и есть орган и принадлежит тому, чьим органом он является. Потому он никак не субстанция, самостоятельная в себе и собой определяющая свое бытие, свои действия-функции. Орган, если он не выполняет некоторую функцию в системе целого, не есть собственно орган — он мыслим только вместе со своей функцией. Если эту функцию мышлением обособить и рассматривать саму по себе, то нельзя не натолкнуться на вопрос ее, функции, смысла, точнее, на вопрос, что, какую задачу она *выполняет*, и кто (что) ее в этой задаче *определяет*. Вот тут и возникает достаточно скользкий вопрос: что является определяющим — орган или его функция. Орган осуществляет функцию, и определенность функции есть и определенность органа. Как и наоборот, определенность органа есть определенность функции. В этом

отвлеченном рассмотрении и орган и функция выглядят в своих определениях тождественными, определенность одного есть такая же определенность другого. Детальное изучение отношений между «элементами» этих двух сторон: органа и функции, — и начинают, натолкнувшись на это соответствие.

Поэтому заблуждением является утверждение, что все психические функции являются продуктами мозговой деятельности. Увидеть это заблуждение можно только тогда, когда будет понята действительная природа психической деятельности, когда откроется факт, что психическая функция не есть продукт мозга, когда будет понято и то, что в деятельности тела осуществляется нечто иное, чем само это тело: нечто идеальное, ближайшим образом — душа. Но здесь мы попадаем в тот же круг, что и в отношении органа и функции. Только, разумеется, отношение души и тела выражается в других понятиях. Душа — это (тут требуется напряжение диалектической мысли) отношение тела к самому себе, рефлексия активной формы самосохранения своей способности быть, атрибутивная способность живого вообще. Нет активной формы самосохранения — нет живого.

Эту форму вы не найдете через анализ сколь угодно сложной функции, осуществляющей неким одним телесным органом. Душа — это форма-функция синтетической целостности организма, иначе говоря, определенно организованного тела. Тело живет особым синтезом функциональной деятельности каждого необходимого органа в целостность. Если нет этого синтеза нормально-здоровой биолого-физиологической деятельности всех органов, жизнь прекращается, прекращается способность самосохранения. Пуля попадает в душу, попадая в необходимый для самосохранения тела орган. Живая душа, душа живого, не имеет в себе ничего, что выводило бы ее за рамки тела: иного содержания она в своей активной деятельности не имеет. Она «знает» и чувствует

только тело, иначе говоря, она и есть отношение тела к самому себе.

Самый сложный момент в понимании души заключается в обособлении рефлексивной функции от того, рефлексия чего происходит. Саморефлексия тела — это функция души, она обеспечивается функциями всех органов организма, которые остаются «слепыми» к целому, — к целому, не сводимому к совокупности своих частей, определяющему место каждой функции, — это душа, форма целостности. Активное отношение тела к самому себе. Что и дается внешнему наблюдению и получает имя души.

Активность целого, органической целостности, мобильна и вездесуща в пространстве целого, граница которого прочерчивается всеобщностью и необходимостью определений синтетической функции различаемых функций органов тела. Объективно противоположившая себя каждой отдельной функции органической жизни, душа, целое, форма синтетической силы, абсолютно бессознательна в абстрактной живой форме, но остается именно живой, подвижной, активной, и вы можете ее наблюдать в любом месте тела — там, где ей есть дело.

Физиология, психология и философия веками спорят, где размещается душа. Любопытнее всего тут то, что сама эта душа, некий объективный феномен, поражающий некоей обособленностью от тела, наполняется дикими представлениями первобытного разума, еще не знающими разумной формы. Увидев различие души и тела, но не обнаружив в их природе их единства и тождества, не увидев целого как такового в его натурально-эмпирическом облике, что ученый, что поп замирают от ужаса перед некоей «вселенской» силой. Как только просыпается способность рефлексии мышлением себя, своей общественной природы, эта описанная ситуация отношения души и тела, конечно же, сразу начинает толковаться как идеализм, ибо за составом телесного движения мыслится только некий дух, сознание. Ясно, что

эта позиция является и откровенно религиозной.

Если теоретическое мышление не может показать свое собственное происхождение и объективную форму своего бытия, то оно впадает либо в дуализм, который так или иначе завершается богом, либо в плоский позитивизм, который заканчивается тем же самым. Отрицая объективность мышления, позитивизм, однако, ищет его проявления в «онтологии», в бытии, — и находит, конечно же, в мозге. Или в генах. Или в языке. Потому и анализ мышления производится им внутри анализа этих чувственно данных форм. Здесь позитивизм исходит из тождества противоположностей (не допуская, разумеется, такого выражения), тождества мозговой деятельности и деятельности мышления. Жизнь психики — это проявление жизни мозга, деятельность мозга — это деятельность мышления. Поэтому исследовать ее — это описать мозговую деятельность. Это, конечно, странно, что мысль науки проходит мимо исторически выработанной мыслительной культуры, в которой категория тождества проработана до ее внутреннего противоречия, в которой противоречащие определения оборачиваются их тождеством. Конечно, понять это сложнее, чем, попав в тупик, обратиться к богу.

Человеческое тело — от пятки до мозга — действует согласно некоему единому смыслу. Если я не понимаю, откуда вырастает смысл, какова его природа, то я возвращаюсь к тем же самым вопросам обыденного сознания, выраженного в позитивизме, к поискам единого основания всей сознательно-психической жизни человека. Но если пойму природу смысла, то тем самым пойму и действия человеческого тела. Таким образом, становится ясно, что рассмотрение действия любого отдельного органа в его специализированной функции есть *абстракция*, логическая законность которой обосновывается способностью этой функции к относительно самостоятельному действию. Иначе говоря,

функция способна обособляться (абстрагироваться) *объективно*, и наука обязана показать вместе с анализом внутренней формы движения этой функции *природу* этого обособления, внешние и внутренние условия этого процесса. Еще иначе: функция возникает и становится самостоятельной, когда она начинает воспроизводиться при наличии ее *собственных необходимых условий*. Глаз видит и тогда, когда смыслом субъекта его деятельность не положена.

Функция органа в абстракции от ее смысла (положена ли она душой организма или душой человеческого бытия), — эта обессмысленная абстракцией функция гаснет. Медицина учится длить ее отвлеченное от тела бытие. Функция здесь полностью совпадает с деятельностью органа, обессмысленная она становится тождественной жизни органа, — это тот абстрактный момент, который позитивизм изучает как тождество мозговой физиологии и логического мышления. Мысления, которое обессмыслено, которое потеряло, утратило то, что оно мыслит. Деятельность мозга как биологического органа гаснет как орган мышления, но остается органом тела, особым органом жизни души, или, что то же самое, жизни тела. Будете там искать нечто, относящееся к внешней мыслимой действительности, — найдете только бред, сновидение, инерциально сохраняющие себя образы. Уберите (экспериментально-насильственным образом) внешний мир, исключите условие смысла функционирования глаза и уха (в тифлосурдо-камере — в полной тишине и полной темноте при температуре тела организма), — и жизнь соответствующих функций погаснет: телесность не нуждается в их бытии.

Надо заметить в этой связи, что самостоятельная работа органов чувств, организованная человеческой культурой, доставляет массу проблем психологии, пытающейся понять состав, содержание и смысл бессознательного. Психология тут необходимо наталкивается на обсуждаемые здесь

проблемы, проблемы взаимосвязи психической жизни и жизни мозговой деятельности. Без философско-логического анализа «возникновение» увлекательных фантазий становится неминуемым: откуда в составе субъективности то, что обнаруживается в формах культурного поведения под образом объективных необъяснимых явлений: от чуда «одаренности» до пронзительных вещаний Ванги, от безумства до гениальности.

Совершенно определенно можно сказать, что и деятельность мозга, и психическая деятельность в своей человеческой модальности имеют *единое* основание. Оно заключено в культурно-практической деятельности общественного человека: на этой основе развивается и речь, и культура зрительного восприятия, и вообще все психические функции. Как и органы этих функций. Сама нейропсихология понимает, что возможности (потенциальные способности) мозга прорастают на почве активного взаимодействия индивида с внешним миром. Американский физиолог М. Газзанига указывает на мозг как систему, способную легко обучаться после *единственной* попытки. Вот эта единственность попытки и делает трудноуловимой проблему отношения психики к мозгу: все, что вынужден осуществлять мозг, становится его воспроизводимой способностью. Поэтому все, что я с ним делаю в эксперименте, я нахожу как его существующую от природы способность. И истолковать «присвоенное мозгом» как исходное — обычное заблуждение, основанное на методологической предпосылке о способности мозга порождать жизнь психики. Отделить привнесенное от, как бы сказал философ, в-себе-бытия вещи, составляет нелегкий труд. По своим возможностям мозг настолько «тонкая» материя, что в ней, как в зеркале, вы всегда видите себя, свое действие, которое для вас даже как действие и не существует: зеркало не требует от вас действий, чтобы показать вам ваше лицо. В зеркале есть все, что попадает в сферу его оптики. Не потому ли диву дивятся своим не

очень развитым умом «диву прорастания» души ребенка?

Все, что объективно доступно органам чувств (вынесенным вовне органам мозга, ставшими органами человека), становится способностью мозга. Этим мозг и отличается от зеркала: сохраняя способность отражать, мозг любое «заглядывание» в него сохраняет. Он, иначе говоря, в отличие от зеркала, не является безразличным к действиям тела, органом которого является. Поэтому принять ли в качестве первичного внешнее воздействие (специфическое, через нейрофизиологию осуществляющееся) на мозг или его естественно-природную способность, которые *процессуально во времени* неразличимы, становится делом не простым, даже вообще неосуществимым без философского, повторю, анализа. Здесь требуется привлечь к анализу такие факты, которые обнажают для исследователя объективное различие мозговой деятельности и деятельности организма — факты отношения своей телесной деятельности внутри смыслового пространства культурно-исторической действительности — к формам ее, действительности, осуществления себя. Это обстоятельство выводит нас за рамки нейрофизиологии, нейропсихологии, нейролингвистики и т. д., требуя их понять как науки, исследующие абстрактно-отвлеченные формы, взаимосвязанные внутри определенной целостной организации бытия. Выявляя эти связи, указанные науки принципиально не способны в своих понятиях объяснить природу того целого, абстрактно-отвлеченными формами которого они занимаются, того целого, которое обладает устойчивым моментом абсолютности в содержании своего объективного бытия.

Если функцией глаза является создание и удержание зрительного образа предмета, то из этого, никем, кажется, не отрицаемого, факта вырастает проблема *определенности* этого образа. Если эта функция в самом деле обеспечивает образ предмета, то образ пред-

мета определяется самим предметом, вынуждает функцию глаза (восприятие) воспроизвести пространственно-содержательные свои характеристики. Ибо если зрительный образ предмета определяет не предмет, то это и не есть образ этого предмета, а, скажем, проявленная в форме этого образа схема деятельности глаза и лежащего за ним мозга либо любой бред и галлюцинация.

Такая позиция в науке, как известно, имеет место. Эта позиция, разумеется, выходит за пределы отношения функции и органа чувственного восприятия, а распространяется на все деятельные способности индивида, которые и начинают пониматься как функции, порожденные органами телесности. Потому проблемы (и науки) множатся: ведь, скажем, психолингвистика возникает из такой особенной формы отношения органа и функции, как отношение нейромозговой деятельности и языка. Разумеется, здесь есть поле исследования, поскольку есть необходимость определить локализацию в структурах органа (мозга) тех или иных определенных содержательных функций: зрительные зоны расположены не там, где слуховые, речевые и т. д. Подобно тому, как изучая механику руки, я определяю мышцы, ответственные за те или иные движения, чтобы потом, в практике бытия, понимать, *что* в органе надо формировать или восстанавливать, — чтобы восстановить и формировать требуемое нормами бытия действие, и, наоборот, что сегодняшней медицине давно известно, какую *функцию* надо восстановить, чтобы восстановить работу органа.

С рукой дело кажется элементарным, но с мозгом... и умные люди впадают в бред, поскольку ум умных не достигает разума, а мозг — орган, почти очевидно, многократно сложнее, чем рука. Подвижность мозговых процессов не позволяет при простом сопоставлении мозга и руки увидеть в работе того и другого единый принцип, единую основу организации их деятельности. Казалось бы, ясным должно быть одно: ни деятельность

мозга, ни деятельность руки нельзя вычертить из них самих: не рука задает определенность движения, не мозг определяет свою функцию. Хотя, как понятно, без мышечной деятельности не будет никакого движения, без мозговой деятельности — ни одной психической функции. Но движение руки, как процесс *временной*, воссоздает и заключает в себе внешний *пространственный* контур (форму) предмета, но несет в себе его объективный культурно-исторический образ.

Это обстоятельство должно быть выражено точнее: реальное движение руки определено предметом, движение руки есть развернутая форма предмета. Объективные определения реального предмета есть одновременно субъективные определения формы движения руки. Субъективное и объективное тождественны, а почему их единство распадается, для диалектического мышления объяснить это проблем нет. Но наука, не допускающая тождества бытия и мышления, не умеет поставить «правильный» вопрос о единстве субъективного и объективного. В этом — проблема эмпиризма вообще.

«Руки и ноги — вот первый орган *психической* деятельности. Способ — образ — их действий *и есть* первый *образ*, в составе коего форма пути и активно проделываемая траектория этого пути — суть *одно и то же*. Это геометрическая фигура, ставшая фигурой действий, их схемой. Форма вещи — вне вещи, в теле субъекта, как схема его активного перемещения. Она тем самым не “в мозгу”, — в мозгу лишь управляющий движением тела нервный механизм. Мозг — часть тела, а не “мыслившее тело”, каким он может показаться, когда психическая деятельность развита до ее рафинированных форм, — до способности заранее, до реального действия, строить *идельный* образ предстоящих действий, их *схему*, как бы проигрывая ее “субъективно” *до действия*» [3, с. 95—96].

Кажется, что движение руки само по себе не может нести в себе субъективно-психический образ, ибо рука — лишь орган. Од-

нако четырех с половиной лет малыш сказал, что сознание у него в руках, а психология вполне обосновано работает с понятием «ручного мышления». Мысление, сознание, внимание всегда сдвигается в рабочий орган, в орган, активно удерживающий образ того, с чем имеет дело. Рука не только практически преобразует реальный предмет, но создает тут, в преобразовании предмета, его образ; руки раньше «души» знают предмет. Что узнают руки — тут же «узнает» мозг. Руки ничего специально для «знания» души не делают. Это делает школа, вынуждая детей повторять и доводить до навыка то, что руки уже проделали; если движение рук было смыслом целевого движения тела индивида — повторять глупо; если руки действовали бессмысленно — повторять надо много раз, пока в сознание неким путем не войдет смысл; это обычная безумная педагогическая практика школы. Навык — отчужденная и отчужденная форма умертвленного ума, уму тут делать уже нечего.

Сознание, субъективность индивида в каждый момент осуществляет рефлексию всего своего деятельностного процесса — как в целом, так и каждой функции в отдельности. Это как раз и есть сознательная, созидающая, деятельность, в которой любая часть подчиняется целому. Цель как закон подчиняет себе весь процесс деятельности, — говорит Маркс, видоизменяя мысль Аристотеля о целевой причине. Дело определяется смыслом бытия человека. Субъективный образ действительности принадлежит человеку, и он, образ, формируется его, человека, деятельностью, исторической деятельностью преобразования материала объективной действительности, включая действительность самого человека.

В этой активной преобразующей деятельности надо искать и видеть единое основание функционирования всех органов человеческого тела, и потому же индивид лишь в родовых определениях находит свои действительные определения. Тождество

личностного и общественного бытия позитивистской науке неведомо: попав в бесконечное дурное различие, такая наука и громоздит «монблан» фактов.

От природы (в результате антропосоциогенеза) человеческому телу уже ничего не дано, кроме уникальной свободы от какого бы то ни было заранее «встроенного» в морфологию тела способа функционирования. Это и составляет морфологическое преимущество человеческого тела, благодаря которому все его органы внешнего действия и могут быть развиты в органы человеческой деятельности. Ручонки младенца превращаются в человеческие руки, осваивающие культурно-исторический ум человечества, опредмеченный в предметах культуры. Орган зрения как физиологический орган превращается в человеческий глаз, физиологический орган восприятия звуков — в человеческое ухо. То же самое можно сказать и об артикуляционном аппарате. От природы органы чувств и органы внешнего действия еще не являются органами человеческой личности, поскольку личности еще нет. Глаза животного и человеческие глаза совершенно разные вещи, и если ребенка не научить видеть, воспринимать мир по-человечески, то сам по себе, без помощи других людей, он этому не научится. Человеческими же их можно сделать только «в процессе их человеческого, социально-исторически запрограммированного способа употребления» [4, с. 397]. И лишь «по мере того как органы тела индивида превращаются в органы человеческой жизнедеятельности, возникает и сама личность, как индивидуальная совокупность человеческих функциональных органов» [3, с. 397].

За деятельностью глаза, конечно, лежит нечто, организующее его деятельность. Но это не мозг сам по себе. Глаз — орган зрительного оформления образа, исходно возникающего в предметно-преобразовательной деятельности. Именно эта деятельность с предметом организует работу глаза в той мере, в какой глазу присущи свои специфи-

ческие действия, не согласующиеся с особенностями предмета, в той же мере глаз «ошибается». Поэтому его оптика и физиология должны быть максимально пластичными, чтобы выразить предмет зрительного восприятия.

Но «за глазом» лежит не только предмет: за ним стоит *реальный субъект деятельности*, задачи которого глаз и разрешает. Это отчетливо показала современная психология. Субъект (человек, личность) подчиняет себе и организует деятельность всех своих телесных органов в рамках выполнения ими своих функций в контексте деятельности человека. Если деятельность какого-либо органа выходит за рамки «смысловой» работы организма, — это болезнь. Такой орган, если по природе организма это возможно, либо ампутируют, либо восстанавливают (лечат) его функцию. Мотивы, социально-культурные нормы бытия — вот та реальность, которая бессознательно (т. е. вне осознания индивидом) управляет деятельностью глаза и тем самым заставляет его видеть даже то, чего на самом деле нет. Но, с другой стороны, именно эта культурно-историческая реальность и позволяет глазу увидеть в действительности такое содержание, которого никакая физиология и оптика обнаружить не может.

Поэтому видеть то, какова действительность сама по себе, — процесс весьма сложный, и он никак не сводится к прямому отношению психической функции и нейромозговой деятельности. Мало сказать, что этот процесс сложен и исследование должно эту «сложность» разложить, изучить каждый элемент в его абстрактной определенности и показать их необходимые взаимосвязи, по линиям которых они синтезированы в нечто целостное. Этого, повторю, мало, ибо задача заключается в выявлении *природы* этой *целостности*, которая не вычитывается из сколь угодно строгого и полного описания элементов и их взаимосвязей. Той целостности, которая и несет в себе *абсолютный момент, субстанцию*, определяющую

свое бытие во всех своих проявлениях, и которая уже не нуждается в своем объяснении из внешних причин. Этот момент методологии существенен в понимании психических функций вообще, синтетическое единство которых и мыслится как душа. Потому становление души и должно быть описано в логике становления деятельности, т. е. необходимого последовательного синтеза всех культурно-предметных определений в активных формах индивида.

Было бы просто, если бы действительность сводилась к натуциальному содержанию вещей, как это представляется позитивизму. Но вещи имеют совершенно иной смысл в составе культурно-исторической действительности: они обладают, если можно так выразиться, социальной «текстурой», которая глазу невидима, но которая воспринимается всем составом человеческой субъективности. Движение этой субъективности не сводится к какой-либо отдельной функции какого-либо органа и не является простой их суммой. Здесь господствует Я, но эту загадочность я пока оставлю за рамками текста.

Человеческая предметная действительность есть выражение культурно-исторических общественно выработанных субъективных сил человека. Поэтому определение чувственного восприятия этой предметностью и есть определение его культурно-исторической действительностью, определение внутренними силами исторического человека, ставшими способностями каждого конкретного индивида. Человеческие чувства в культурно-историческом процессе становятся «человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле. Глаз стал *человеческим* глазом точно так же, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека. <...> Ясно, что *человеческий* глаз воспринимает и наслаждается иначе, чем грубый нечеловеческий глаз, человеческое ухо — иначе, чем грубо, неразвитое ухо, и т. д. <...> Чувства общественного человека суть *иные* чувства, чем

чувствия необщественного человека. <...> Не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. *Образование пяти внешних чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории* [5, с. 120—123].

«Проблема возникновения психики, — пишет Э. В. Ильенков, как бы завершая нашу тему, — совпадает с проблемой онтогенеза соответствующих зон мозга, а не противопоставляется ей. Но орган тут создается функцией, а не наоборот, не функция органом, его априорным по отношению к ней “устройством”. <...> В состав “органов психики” входят поэтому (становятся внутренним условием ее функционирования) только те нервные механизмы, которые представляют собою не только УСЛОВИЕ, но и СЛЕДСТВИЕ “психической” деятельности, — деятельности организма во внешнем пространстве, деятельности с внешними предметами, отличными от самого тела организма, и вне его (и независимо от него) находящимися» [3, с. 94—95].

Список литературы и источников

1. Агапов В. С., Секач М. Ф., Плаксий К. В.

Плюсы и минусы клипового мышления // IV Декартовские чтения «Рационализм и универсалии культуры»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (16–17 нояб. 2017, Москва, Зеленоград): ч. 2 / под общ. ред. А. И. Пирогова, Т. В. Растиемшиной. М.: МИЭТ, 2017. С. 123–140.

2. Демидов В. Как мы видим то, что видим.

М.: Знание, 1987. 207 с.

3. Ильенков Э. В. Психология // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 92–100.

4. Ильенков Э. В. Так что же такое личность? // Философия и культура: [сб.] / Э. В. Ильенков; [вступ. ст. А. Г. Новохатько]. М.: Политиздат, 1991. С. 397–404.

5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Собрание сочинений:

[в 50 т. Перевод] / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Прогресс. Т. 42. январь 1844 — февраль 1848. М.: Прогресс, 1974. 460 с.

6. **Николай Кузанский.** Сочинения: в 2 т. / ред. М. Б. Митин и др.; пер. З. А. Тажуриной и др. М.: Мысль, 1979—1980. Т. 1. 1979. 486, [2] с.

Aviation Institute (National Research University) (Russia, 125993, Moscow, Volokolamsk highway, 4).

Статья поступила в редакцию 22.08.2022.

The article was submitted 22.08.2022.

References

1. Agapov V. S., Sekach M. F., Plaksiy K. V. Benefits and considerations of mosaic thinking. *IV Dekartovskiye chteniya “Ratsionalizm i universalii kul’tury” = 4th Readings from Descartes “Rationalism and Culture Universals”, proceedings of international research and practice conference (16—17 Nov. 2017, Moscow, Zelenograd)*, gen. eds. A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina. Part 2, Moscow, MIET, 2017, pp. 123—140. (In Russian).
2. Demidov V. *How Do We See What We See*. Moscow, Znanie Publ., 1987. 207 p. (In Russian).
3. Il'enkov E. V. Psychology. *Voprosy filosofii*, 2009, no. 6, pp. 92—100. (In Russian).
4. Il'enkov E. V. So, what is personality? *Filosofiya i kul'tura*, [collection], by E. V. Il'enkov, A. G. Novokhat'ko (open. lett. auth). Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 397—404. (In Russian).
5. Marx K. *Economic and Philosophic Manuscripts of 1844*, transl. and ed. M. Milligan. Mineola, NY, Dover Publ., Courier Corp., 2012. 208 p.
6. Nicholas of Cusa, Mitin M. B. et al. (eds.), Tazhurizina Z. A. et al. [transl.]. *Works*, in 2 vols. Moscow, Mysl' Publ., 1979—1980. Vol. 1, 1979. 488 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных коммуникаций, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4).

Information about the author

Gennady V. Lobastov — Dr. Sci. (Philos.), Prof., Professor of the Department of Philosophy and Social Communications, Moscow

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 101–109.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 101–109.
Научная статья

УДК 008
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-101-109

Архаизация общественного сознания на фоне цифровой трансформации цивилизации

Ю. В. Лункина¹, Т. В. Расти meshina²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ tolkoya@yandex.ru

² rast-v2012@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются вызовы цифровизации, затрагивающей всё новые сферы жизни общества, и сопряженные с ней риски для цивилизации. Отмечена присущая цифровизации тенденция к перемещению горизонтальных социальных связей в виртуальное пространство социальных сетей. Социальные сети цифрового формата сравниваются с такими архаическими социальными структурами, как племя и община. Утверждается, что виртуальные сети способны воздействовать на общественное сознание, подталкивая его к архаизации.

Ключевые слова: цивилизация, цифровизация, цифровая трансформация, социальная сеть, общественное сознание, архаизация

Для цитирования: Лункина Ю. В., Расти meshina Т. В. Архаизация общественного сознания на фоне цифровой трансформации цивилизации // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 101–109.
<https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-101-109>

Original article

Public consciousness archaization amid a backdrop of digital transformation of civilization

Yu. V. Lunkina¹, T. V. Rastimeshina²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ tolkoya@yandex.ru

² rast-v2012@yandex.ru

Abstract. The authors consider the challenges of digitalization touching upon more new domains of public life and the risks for civilization related to it. A characteristic trend of digitalization was noted: horizontal social connections translocation into the virtual space of social networks.

Digitized social networks are compared to such archaic social structures as a tribe and a community. It has been argued that virtual networks are able to influence public consciousness, pushing it towards archaization.

Keywords: civilization, digitalization, digital transformation, social network, public consciousness, archaization

For citation: Lunkina Yu. V., Rastimeshina T. V. Public consciousness archaization amid a backdrop of digital transformation of civilization. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 101–109. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-101-109>

Введение. Предпосылки к возникновению сообществ людей, объединенных интересами вопреки разделяющему их расстоянию, мы находим в литературе задолго до изобретения цифровых средств связи. Так, в словах Р. Роллана, еще в начале XX в. вложенных в уста Коля Брюньона: «Дальше жизни моей, дальше нивы моей тянутся борозды; они обнимают землю, они охватывают пространство; подобно Млечному Пути, они покрывают сетью весь лазурный свод» [10, с. 153], курские искусствоведы М. Л. Космовская и А. В. Дячок [4, с. 265–266] увидели прообраз всемирной паутины — безграничного информационного поля, стократ умножающего возможности человека и расширяющего горизонт познания.

Сегодня термин «социальная сеть» относится как к связям человека с другими людьми *в реальном мире*, так и к платформам, поддерживающим социальные связи *в онлайн-режиме*. В настоящей статье понятие «социальная сеть» мы применяем в значении «общение на платформе онлайн-сети». Социальные сети, такие как «Инстаграм», «Твиттер», «Фейсбук»¹, предоставляют каждому из пользователей Интернета дополнительные возможности: в них можно общаться с друзьями, семьей и незнакомыми людьми,

приобретать знания, делиться идеями, информацией, творчеством, произведениями искусства — при этом пропадает необходимость физически презентовать всё физической же аудитории². Социологи и философы сегодня активно обсуждают процессы оформления онлайн-социумов, онлайн-связей и даже онлайн-идентичностей (виртуальная личность в социальной сети может не совпадать с физической личностью: человек презентует себя в онлайн-режиме через аватары, видные публично комментарии, фотографии, видео и др., при этом может наделить себя любыми качествами и свойствами, не соответствующими его личности в реальной жизни и даже противоположными им) и их влияние на трансформацию реального социума и онлайн-отношений между людьми, на состояние общественного сознания права и свободы, на мораль, этику, нормы, ценности, межличностные и институциональные связи.

Расширение индивидуальной социальной сети за пределы традиционного физического круга родственников, друзей, коллег, знакомых имеет ряд очевидных преимуществ, которые отмечают почти все исследователи. Действительно, поскольку общение человека с партнерами по социальным сетям предполагает увеличение количества социальных

¹ По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в сентябре 2021 г., в России наиболее популярны пять социальных сетей и мессенджеров: WhatsApp (83 %), YouTube (75 %), «ВКонтакте» (61 %), Instagram (53 %) и Telegram (42 %). У них же наибольшая ежедневная аудитория: WhatsApp — 63 %, YouTube — 39 %, Instagram — 33 %, «ВКонтакте» — 30 % и Telegram — 22 % [8].

² Согласно данным того же опроса, 29 % российской аудитории социальных сетей и мессенджеров (72 % пользователей старше 18 и моложе 24 лет) тратят на них более 3 ч в день, 16 % — 2...3 ч, 25 % — 1...2 ч в день, 19 % — полчаса, а 9 % — менее получаса [8].

связей, как следствие, возрастают экономические и социальные возможности пользователей, принося им свежие идеи: как найти и получить работу, квартиру, как расширить аудиторию (для людей творческих профессий и наклонностей), клиентуру (для фирм и бизнесменов) и даже как обрести партнера³. Социальные сети, помимо прочего, служат инструментом для саморазвития, для управления жизнью и бизнесом, позволяя включать в круг социальных связей таких людей, которых трудно или даже невозможно встретить лично.

Социальная сеть человека в Интернете обычно не повторяет, не дублирует «реальную» социальную сеть. Хотя на платформах социальных сетей можно сравнительно легко обзавестись большим списком друзей и знакомых, многие из связей между людьми, возникающих в виртуальном пространстве, относятся к слабым. Есть данные, подтверждающие, что при всей своей незначительности тот дополнительный по отношению к реальной жизни объем социальной поддержки и то количество социальных связей, которые человек обретает в сети, делают его более уверенным в себе и даже более счастливым. Однако верно и то, что в конечном чувстве удовлетворенности жизнью и психологическом благополучии *реальные социальные связи* имеют больший вес, чем *слабые виртуальные связи*.

Постановка проблемы. Исследователь проблем социальной эпистемологии Е. В. Масланов предостерегает от однозначно позитивного упрощенного восприятия цифровизации, справедливо замечая, что «...цифровизация техногенной цивилизации — это достаточно сложный процесс, который не может рассматриваться добросовестным исследователем лишь как поступательное движение к светлому

будущему цифровой культуры и общества. Это движение встречает сопротивление со стороны пользователей, которые поднимают вопрос о том, что для них является большей ценностью — *свобода самостоятельно выбирать свой образ жизни, тайна частной жизни, приватность или существование в удобном мире, в котором, однако, больше нельзя говорить о полной анонимности или свободе* (курсив наш. — Ю. Л., Т. Р.). Этот ценностный выбор и предопределяет оптимистичное или настороженное отношение к цифровизации» [7, с. 54]. Изучение проблем приватности и «расширения» — сужения пространства личностной свободы выходит за рамки настоящего исследования. Однако эти проблемы нередко становятся ключевыми в полемике цифровых скептиков и цифровых оптимистов.

Еще более радикальную позицию, чем сдержаные скептики, занимают в отношении процесса цифровизации социальной жизни исследователи О. Б. Иванов и С. В. Иванова: «...в условиях, когда высокоеффективные системы, технологический прорыв, научно-техническое лидерство, достижения в роботизации и создании искусственного интеллекта становятся самоцелью, а человек — ресурсом, капиталом или инструментом, личность тоже трансформируется, а точнее сказать, деформируется, создавая реальный риск (как бы это громко ни звучало) гуманитарного кризиса цивилизации» [3, с. 13—14]. В том же ключе высказывается белорусский социолог Л. Г. Титаренко [13].

Зрелые, состоявшиеся ученые акцентируют внимание на многих гуманитарных рисках, продуцируемых цифровой трансформацией общества. Они не уверены в «нравственной устойчивости» молодых людей, их беспокоит кажущаяся «бездуховность» молодежи, ее подверженность влиянию всевозможных

³ Как свидетельствуют данные упомянутого ранее опроса ВЦИОМ [8], граждане используют для реализации разных видов активности различные сети. Так, в WhatsApp пользователи чаще всего общаются с друзьями и знакомыми в переписке (81 %), обсуждают рабочие вопросы (46 %) и участвуют в групповых дискуссиях-чатах (18 %); во «ВКонтакте» несколько реже общаются с друзьями и знакомыми в личной переписке (59 %), чаще смотрят фотографии, видео и слушают музыку (42 %), читают развлекательный контент (30 %), а в YouTube чаще всего смотрят видео и слушают музыку (51 %), а также читают образовательный (37 %) или развлекательный контент (35 %).

манипуляторов. Так, последние десятилетия ознаменовались яркой и громкой полемикой между двумя исключительно авторитетными американскими социологами: Р. Инглхартом (R. Inglehart), основателем крупномасштабного социологического проекта «Всемирное исследование ценностей» (World Value Survey, WVS)⁴, и Дж. Твендж (J. Twenge).

Соотношение поколений и их восприятие «цифры» (отношение к цифровизации в поколенческом измерении) — одно из важнейших направлений этой полемики — дает нам крайне любопытную оптику, поскольку, на наш взгляд, одна из наиболее интересных и наименее исследованных областей дискурса цифровизации заключается в соотношении между стремлением к прошлому (архаизацией) и устремленностью в будущее (модернизацией) в рамках цифровых трансформаций. Дорога из прошлого в будущее представляет собой лейтмотив политического, экономического и социального движения цивилизации, для которого используются различные «транспортные средства» и их сочетания. Маршрут этого движения не линеен, и любой «транспорт», оседланный человечеством (или отдельными его агентами) для того, чтобы двигаться вперед, может привести всех людей или часть из них в отправную точку или даже переместить в более раннюю фазу развития. Два взаимодополняющих проекта — гуманитарный прогресс и цифровизация, которая должна оснастить прогресс цивилизации дополнительным «транспортом», — иногда оказываются под угрозой регресса из-за того, что энергия отката усиливается под влиянием цифровых технологий, а сила при этом умножается на скорость передачи информации в цифровом виде.

Цифровые технологии, модернизация и архаизация. Нельзя не согласиться с Д. А. Даудовым в том, что оптика, намеченная Р. Инглхартом, определила направление философского и социологического дискурса на несколько десятилетий: «С момента выхода

книги американского социолога и политолога Р. Инглхарта “Молчаливая революция: изменение системы ценностей и политического стиля в западном обществе” прошло уже довольно много времени, однако споры о постматериализме не утихают и сегодня. Основная идея Инглхарта сводится к тому, что экономическая модернизация имеет результатом состояние экзистенциальной безопасности, порождающее сдвиг от материалистических (в соответствии с пирамидой Маслоу) к постматериалистическим ценностям самореализации, самовыражения, заботы об окружающей среде и т. п.» [1, с. 87; 14].

Основываясь на анализе данных, полученных в ходе семи циклов социологических исследований в десятках стран мира, авторы проекта WVS указывают на постепенное, по мере наступления постиндустриальной эры постпотребления и посттруда, изменение ценностей, которые исповедуют и реализуют в повседневной жизни люди во всем мире: *ценности выживания* поступательно, от поколения к поколению, замещаются *ценностями самовыражения и самореализации*, тогда как *секулярные ценности* (тесно переплетенные с общинностью, религиозностью, традиционализмом, устремленностью в прошлое, консерватизмом) постепенно уступают место *индивидуалистическим и рационалистическим*.

Согласно концепции Р. Инглхарта, «Общества, которые высоко ценят ценности самовыражения, характеризуются высоким уровнем межличностного доверия и относительно высоким уровнем субъективного благополучия. Это создает атмосферу доверия и толерантности, люди придают относительно большую ценность индивидуальной свободе и самовыражению» [15, с. 140] (перевод цит. по: [1, с. 88]). Достоверность данных, на которых основывается идея эволюции ценностей, не подлежит сомнению, как и добросовестность конструирующих ее исследователей — Р. Инглхарта и его сподвижников. В этом

⁴ Официальный сайт проекта: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>

отношении другой исследователь, В. С. Мартынов, справедливо отмечает: «Постматериализм проявляется в росте значимости внеэкономических, культурных, ценностных факторов в целеполагании и принятии индивидуальных и коллективных решений в сравнении с экономическими. Поэтому в данном контексте у ряда исследователей возникает довольно утопическая гипотеза о целенаправленном движении человечества к постэкономическому обществу (курсив наш. — Ю. Л., Т. Р.)» [6, с. 85]. Соответственно, под влияние (и, в определенном отношении, под обаяние) концепции Р. Инглхарта подпало множество ученых во всем мире; в некотором смысле к адептам идеи эволюции ценностей относим себя и мы.

Однако другие ученые отмечают, в том числе основываясь на данных социологии, откат к ценностям и стратегиям поведения традиционного, доиндустриального мира. Так, Дж. Твендж замечает, что поколение «среднего пальца», не помнящее мира до появления гаджетов и соцсетей, не выражает приверженности постматериалистическим ценностям: напротив, у них ярко выражено стремление к материализму, коньюмеризму, эгоцентризму [16, с. 204], который усиливается зацикленностью на своем профиле в социальных сетях [11]. Так называемое поколение Z некоторые исследователи определяют как исключительно сверхрationalистское и приверженное потребительству, живущее по принципу: «Молодость дается однажды, будь эгоистичен, изучай мир, присваивай, наслаждайся». Автор рецензии на монографию Дж. Твендж А. А. Поплавская приводит содержащееся в книге суждение, основанное на данных социологии: «Подростки стали медленнее взросльеть, погружаться в виртуальность в ущерб реальности, злоупотреблять новыми медиа, меньше общаться и интересоваться новостями. Всё это породило деградацию знаний и навыков, приземленность, рост психических расстройств, неуверенность в себе и будущем, превратное отношение к дружбе,

учебе, работе, семье и деньгам. Основными причинами подобных коренных изменений стали безопасное детство айдженеров и новая информационно-техническая среда, в которую они погружены» [9, с. 84].

Один из аспектов парадоксального отката к материалистическим ценностям и пробуксовывания цивилизации, который мы наблюдаем во всем мире и в современной России, — *архаизация* не только *индивидуального*, но и *общественного сознания*. В значительной степени ее катализатором также выступают социальные сети.

Механизм этой архаизации, с нашей точки зрения, обусловлен тем, что социальная сеть в ее аналоговом, традиционном формате — явление-рөвесник социальности как способа существования человека. Она реализует и одновременно очерчивает, развивает и сдерживает область индивидуального в общественных отношениях, связанных с производством и разрушением благ и ценностей. Социальные сети нового — цифрового — образца при всей их глобальности соответствуют также требованию локальности, поскольку в социальной сети человеку обеспечено присутствие, собственное место в структуре и иерархии, возможность кооптироваться и приспособиться, существовать и оставлять след в объективной реальности своего «племени» и своей «общины», что, как цитирует Д. А. Давыдов, дает дополнительный импульс к сосредоточению на себе, на собственной персоне: «Профиль в социальных сетях сегодня стал своеобразным инструментом самореализации: каждый стремится показать себя в самом выгодном свете» [11]; (цит. по: [1, с. 93]). Далее он продолжает: «Отсюда гораздо более слабые *внутренние* приоритеты и более сильные *внешние*» [12, с. 160] (перевод цит. по: [1, с. 93]).

Наряду с этим новые — виртуальные — социальные сети предоставляют человеку уникальную возможность выбирать «племя» и присутствовать в нескольких «племенах» одновременно, параллельно и даже анонимно: в «племени» родителей, преподавателей или

студентов, поклонников футболиста или поп-звезды или члена профессиональной корпорации. В последние десятилетия расширяются сети поклонников не столько людей, сколько торговых марок, что может вызывать откат к консьюмеризму: «...пользователи соцсетей, — констатирует Дж. Твендж, — на 45 % более склонны считать важным приобретение дорогих машин и приобретение загородных домов, и они на 14 % реже говорят, что думают о социальных проблемах» [12, с. 160]; (перевод цит. по: [1, с. 94]).

Пытаясь соотнести эти выводы с утверждением Р. Инглхарта о том, что молодые поколения более альтруистичны и озабочены социальными и экологическими проблемами, мы оказываемся на зыбкой почве гипотез, с трудом (если в принципе) доказуемых. В частности, можно предположить, что ввиду роста публичности и нарциссизма молодого поколения, катализатором которого становится социальная сеть, молодые люди склонны *декларировать* свою приверженность альтруистическим ценностям, но *воздерживаться* от альтруистических практик *в реальной жизни*. Об этом пишет Дж. Твендж: «Люди будут размещать посты в социальных медиа о том, как хорошо немного помочь нуждающимся, но посты в социальных медиа никому не помогают, они бесполезны и лишенны» [12, с. 165]. В значительной степени такая тенденция соотносится и с отмеченной Р. Инглхартом тенденцией: молодые поколения отказываются от религиозных убеждений, а социальная роль религии и церкви теряет значимость. Следует признать, что когда молодежь сознательно отказывается регулировать и цензурировать свое поведение под влиянием высших сил, религиозных организаций и общин и сопротивляется давлению этих авторитетов, такое приводит к нивелированию смысла братской взаимопомощи в рамках сообщества. Поколение атеистов-эгоцентристов может рассуждать в следующем направлении: «В чем заключается смысл помочь ближнему, если помочь анонимна,

осозаемой общинности нет — она виртуальна, соответственно, нельзя ни присвоить себе авторитет уважаемого члена сообщества, ни ожидать взаимообразной ответной поддержки общины, ни рассчитывать на поощрение высшего существа в виде посмертного отпущения части грехов и уменьшения временного отрезка пребывания в чистилище?»

Есть и иные причины того, что собственно социальная сеть, хоть и облечена в инновационную форму, способствует не только и не столько модернизации индивидуального и общественного сознания, сколько его архаизации. Анализируя их, мы видим несколько взаимосвязанных факторов.

Во-первых, сеть (и племя) организованы преимущественно горизонтально, не предусматривают ни авторитетов, ни экспертной оценки распространяемых внутри сети взглядов и мнений, как и наиболее архаичные социальные практики, такие как религия. В противоположность им, образование, наука и прочие модернизационные и модерниzierющие социальные практики организованы вертикально. Так, образование подразумевает иерархию, в которой один обладает знанием, другой же находится на более низкой ступени, только претендую на приобретение знания, информации, умения, навыка, компетенции. Соответственно, вхождение в горизонтальные отношения тем сложнее (и тем уже круг присутствующих), чем выше удалось подняться по ступеням иерархии знаний.

Здесь следует отметить, что *церковь* (как институт) организована строго иерархически и вертикально, и в этом отношении церковь мы считаем необходимым причислить к модерным институтам и сущностям, поддерживающим европейскую цивилизацию. В то же время институт *религии* архаичен и организован горизонтально: его микромодель — религиозная община; в ней может быть глава (старейшина) — продолжая наши параллели, администратор (модератор) сети, — и он (или она) может способствовать поддержанию

порядка и соблюдению принятых норм, но не имеет полномочий и ресурсов, с помощью которых мог (или могла) бы повлиять на поведение отдельных членов общины.

Во-вторых, сеть подразумевает *коллективное присутствие множества анонимов*, тогда как многие модернизационные практики — напротив, подразумевают индивидуальность, личностную ориентированность, ономастику, прямую открытую конкуренцию. Сеть не предполагает не только образования в его классическом понимании, но и просвещения (в интерпретации И. Канта) как способности поставить под сомнение и подвергнуть конструктивной критике индоктринируемые идеи и концепции. В этом отношении сетевизация сознания входит в противоречие также с идеями классического рационализма и картезианства.

Рассмотренные факторы благоприятствуют архаизации сознания внутри сети: здесь проще, чем в вертикальном измерении, распространять ложь, экстремистские идеологии, традиционные antimoderнистские ценности, мракобесные домыслы или пропагандистские лозунги. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, является главной причиной существования интернет-сетей «антиваксеров», «свидетелей плоской земли», панславизма и всех видов оккультных практик. Коллективные действия, организованные сетью, также нередко носят архаичный характер и разрушают индивидуалистскую по своей сути культуру модерна: это коллективная травля [5], виртуальная охота и загон жертвы, «разоблачения», клеветнические кампании [2], виртуальные жертвоприношения, разжигание межрасовой, межэтнической и иной вражды и ненависти.

Выходы. В настоящей статье мы не пытаемся ни ставить под сомнение общие результаты исследований Р. Инглхарта и его коллег, представленные в рамках проекта WVS, ни отрицать очевидные гуманистические эффекты социальных сетей и укрепляемых ими горизонтальных связей: уменьшение числа

отверженных, изолированных, маргинализированных и выброшенных из социальности индивидов. Однако сегодня в России мы наблюдаем архаизацию общественного сознания пользователей сетей и ее отрицательные последствия: за сравнительно короткий отрезок времени часть сетевых сообществ трансформировалась из мирного собрания ценителей интеллектуальных бесед в агрессивное подобие первобытного племени каннибалов.

Список литературы и источников

1. **Давыдов Д. А.** Концепция постматериализма Роналда Инглхарта в критической перспективе // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2018. Т. 18. № 3. С. 86—102. <https://doi.org/10.17506/guipl.2016.18.3.86102>
2. **Евдокимов В. А.** Троллинг в медиасфере // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2019. № 4 (38). С. 41—47. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2019.38.41>
3. **Иванов О. Б., Иванова С. В.** Нравственно-гуманистический кризис в информационную эпоху // Ценности и смыслы. 2020. № 3 (67). С. 6—22. <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10020>
4. **Космовская М. Л., Дацок А. В.** Будущее рождается сегодня, или Цифровизация как знамение времени // Христианство, искусство, образование: диалог культур, традиций и современность / гл. ред. З. И. Гладких. Курск: Курский гос. ун-т, 2021. С. 264—268.
5. **Маренцова А. И.** Запугивание и травля в сети: феномен cyberbullying // Профилактика зависимостей. 2017. № 3 (11). С. 44—67.
6. **Мартынов В. С.** Глобальный Модерн, постматериальные ценности и периферийный капитализм в России // ПОЛИС: Полит. исслед. 2014. № 1. С. 83—98.
7. **Масланов Е. В.** О цифровизации: ответ оппонентам // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 1. С. 51—55. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-1-51-55>
8. Медиапотребление и активность в интернете // ВЦИОМ: сетевое издание. 23 сентября 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-re>

- views/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete (дата обращения: 20.07.2022).
9. **Поплавская А. А.** Что мы знаем о молодежи XXI века? Американские подростки глазами психо-лога: рец. на кн. Д. Твенге «Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни* *и что это значит для всех остальных» (пер. с англ. А. Толмачева) // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 3. С. 84—100. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-84-100>
10. **Роллан Р.** Кола Брюньон: Жив Курилка / пер. с фр. М. Лозинского. М.: Молодая гвардия, 1974. 254 с.: ил.
11. **Стилман Д., Стилман И.** Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ.: Ю. Кондуков. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
12. **Твенге (Твендж) Дж.-М.** Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым — и абсолютно не готовым ко взрослой жизни — и что это значит для всех остальных / пер. с англ.: А. Толмачев. М.: РИПОЛ классик; СПб.: Панглосс, 2019. 406 с.
13. **Титаренко Л. Г.** Цифровая трансформация и гуманитарные риски // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 23. С. 60—66.
14. **Inglehart R. F.** The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics. Princeton: Princeton Univ. Press, 1977. 496 p.
15. **Inglehart R. F.** Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. №. 1—2. P. 130—146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>
16. **Twenge J. M.** A review of the empirical evidence on generational differences in work attitudes // J. Bus. Psychol. 2010. Vol. 25. Iss. 2. P. 201—210. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9165-6>
- nauk = Research Yearbook. Institute of Philosophy and Law. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018, vol. 18, no. 3, pp. 86—102. (In Russian). <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.3.86102>
2. Evdokimov V. A. Trolling in media sphere. Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya = Russian Journal of Social Sciences and Humanities, 2019, no. 4 (38), pp. 41—47. (In Russian). <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2019.38.41>
3. Ivanov O. B., Ivanova S. V. The moral and humanistic crisis in the Information Age. Tsennosti i smysly = Values and Meanings, 2020, no. 3 (67), pp. 6—22. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2071-6427-2020-10020>
4. Kosmovskaya M. L., Dyachok A. V. The future is born today, or Digitalization as the sign of time. Khrustianstvo, iskusstvo, obrazovaniye: dialog kul'tur, traditsii i sovremennost' = Christianity, Art, and Education: Dialogue of Cultures, Traditions, and Modernity, ed.-in-chief Z. I. Gladikh. Kursk, Kursk State University, 2021, pp. 264—268. (In Russian).
5. Marentsova A. I. Stalking and bullying in the Net: a phenomenon of cyberbullying. Profilaktika zavisimostey = Addiction Prevention, 2017, no. 3 (11), pp. 44—67. (In Russian).
6. Mart'yanov V. S. Global Modern, post-material values and peripheral capitalism in Russia. POLIS. Politicheskiye issledovaniya = POLIS. Political Studies, 2014, no. 1, pp. 83—98. (In Russian).
7. Maslanov E. V. On digitalization: a reply to critics. Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa = The Digital Scholar: Philosopher's Lab, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 51—55. (In Russian). <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-1-51-55>
8. Media consumption and Internet activity. WCIOM: Russian Public Opinion Research Center. (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete> (accessed: 20.07.2022).
9. Poplavskaya A. A. What do we know about 21st century youth? American teens through the eyes of a psychologist: Book Review: Twenge J. (2019) iGen. Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — And Completely Unprepared for Adulthood — And What That Means For The Rest Of Us (Transl. A. Tolmat-

References

1. Davydov D. Ronald Inglehart's concept of post-Materialism in critical perspective. Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad.

chev). *Ekonomiceskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, 2020, vol. 21, no. 3, pp. 84—100. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-3-84-100>

10. Rolland R. *Colas Breugnon. Petit bonhomme vit encore!* Paris, A. Michel, 1948. 302 p.

11. Stillman D., Stillman J. *Gen Z @ Work: How the Next Generation is Transforming the Workplace*. New York, Harper Business, 2017. 320 p.

12. Twenge J. M. *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood — and What That Means for the Rest of Us*. New York, Atria Books, 2017. 352 p.

13. Titarenko L. G. Digital transformation and humanitarian risks. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 2021, no. 23, pp. 60—66. (In Russian).

14. Inglehart R. F. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton, Princeton Univ. Press, 1977. 496 p.

15. Inglehart R. F. Changing values among Western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, 2008, iss. 1-2, pp. 130—146. <https://doi.org/10.1080/01402380701834747>

16. Twenge J. M. A review of the empirical evidence on generational differences in work attitudes. *J. Bus. Psychol.*, 2010, vol. 25, iss. 2, pp. 201—210. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9165-6>

Information about the authors

Yulia V. Lunkina — MS in Publishing, editor at the academic journal “Proceeding of Universities. Electronics”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., editor-in-chief at the academic journal “Economic and Social Research”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 01.09.2022.

The article was submitted 01.09.2022.

Информация об авторах

Лункина Юлия Валентиновна — магистр издательского дела, редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Электроника», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Расти meshina Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 110–123.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 110–123.
Научная статья

УДК 116 + 141 + 172.4
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-110-123

Глобальный эволюционизм, антропный принцип и устойчивое развитие в современной картине мира: научный и аксиологический аспекты

C. A. Михайлина¹, Ю. В. Хен²

¹ Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия
² Институт философии РАН, Москва, Россия

¹ mikhaylina_s@mail.ru
² hen@iph.ras.ru

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь основообразующих принципов современной картины мира в контексте постнеклассической науки: развитие как глобальный эволюционизм, самоорганизация и нелинейность различных уровней материальных процессов, антропный принцип. Отмечается влияние идей философии русского космизма на современное коэволюционистское мышление, интерпретации антропного принципа и ценности устойчивого развития. Субъект-объектное взаимодействие рассматривается через призму принципа сложности, что позволяет определить специфику актуальных задач познания и утверждения глобальных ценностей культуры. Подчеркивается, что особенности современной картины мира, ответственность «субъекта-наблюдателя» приводят к необходимости усиления роли личностного начала в упорядочении, планировании социального развития, а также переосмыслиния гуманизма в духе идей «этики благоговения перед жизнью».

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, современное естествознание, антропный принцип, наблюдатель, коэволюция, синтетическая теория эволюции, космизм, нелинейность, сложность, устойчивое развитие, глобальные ценности

Для цитирования: Михайлина С. А., Хен Ю. В. Глобальный эволюционизм, антропный принцип и устойчивое развитие в современной картине мира: научный и аксиологический аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 110–123. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-110-123>

Original article

Global evolutionism, the anthropic principle and sustainable development in the modern picture of the world: scientific and axiological aspects

S. A. Mikhaylina¹, J. V. Khen²

¹ National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia
² Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹mikhaylina_s@mail.ru

²hen@iph.ras.ru

Abstract. The authors explore the relationship between the fundamental principles of the modern picture of the world in the context of post-non-classical science: development as a global evolutionism, self-organization and non-linearity of different levels of material processes, anthropic principle. The influence of the ideas of the philosophy of Russian cosmism on modern co-evolutionary thinking, on the interpretation of the anthropic principle and the value of sustainable development is noted. The subject-object interaction is viewed through the prism of the principle of complexity, which makes it possible to determine the specifics of the actual tasks of cognition and the establishment of global values of culture. It has been emphasized that the features of the modern picture of the world, the responsibility of the “subject-observer” lead to the need to strengthen the role of culture, the role of the personal principle in social development ordering, planning, as well as rethinking humanism in the spirit of the ideas of “ethics of reverence for life”.

Keywords: global evolutionism, modern natural science, anthropic principle, observer, co-evolution, synthetic theory of evolution, cosmism, nonlinearity, complexity, sustainable development, global values

For citation: Mikhaylina S. A., Khen J. V. Global evolutionism, the anthropic principle and sustainable development in the modern picture of the world: scientific and axiological aspects. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 110–123. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-110-123>

Важнейшая составляющая философской картины мира — идея развития: зачатки эволюционизма возникают еще в Античности, например, у Анаксимандра. Выявление внутренних логических оснований, общеметодологических принципов, закономерностей развития Вселенной как целого формируется в диалектическом наследии, прежде всего в гегелевской натурфилософии.

Г. В. Ф. Гегель в «Философии природы» утверждал необходимую и противоречивую связь естествознания и чувствующего субъекта: физические объекты соотносятся с определенным человеческим чувством. «Если естествознание может абстрагироваться от отношения тела к субъективному чувству и поставить своей целью исследовать природу так, как она существует сама по себе, то философия не может элиминировать отношение физических объектов к чувственности человека» [8, с. 47]. Философия, выявляя формы субъективности познаватель-

ной деятельности, на основе которых выстраиваются объективно-мыслительные структуры, выходит на специфическую форму практического отношения человека к действительности.

Важнейшим принципом гегелевской натурфилософии является необходимость осмыслиения природы как *органической целостности*; синтетический подход здесь противопоставляется аналитичности естественно-научного исследования: «Это всеобщее в вещах не есть нечто субъективное, принадлежащее исключительно нам, а в качестве ноумена, противопоставленного преходящему феномену, представляет собой истинное, объективное, действительное в самих вещах» [5, с. 19]. При такой философской установке становится возможным достижение разумного внутреннего единства органического целого, не сводимого к простой сумме частей, вычленяемых аналитическим рассуждением. Данный принцип

диалектически связан с принципом *качественной специфики* сфер или ступеней развития природы: «Природа должна быть рассмотрена как система ступеней, каждая из которых необходимо вытекает из другой» [5, с. 33]. Правда, с позиции Гегеля, здесь нет естественного порождения, основания данного процесса развития заключены во внутренней идее, которая позволяет «понимать различие форм как различие необходимое и определенное». Важно, что понятие «проводит различие по качественной определенности, но лишь постольку, поскольку делает скачки» [5, с. 37]. Хотя, по Гегелю, природа и создает промежуточные образования, «каждая последующая ступень содержит в себе низшие ступени» [5, с. 43], имея при этом самостоятельное существование. Принцип качественного различия противостоит редукционизму, например, живое не может быть сведено к химическим силам. «Мы можем <...> проследить химический процесс и даже химически выделить отдельные части живого. И тем не менее самые процессы здесь нельзя считать химическими, ибо химическое присуще только мертвому, животные же процессы всегда снимают природу химического» [5, с. 514].

Антиредукционизм, по мысли Гегеля, должен стать одним из важнейших критериев научного естествознания. На основе идеи последовательного движения ступеней развития философ определяет основную задачу естествознания как необходимость понимания качественного своеобразия формообразования природы, в соответствии с данной ступенью или этапом: «Чтобы внести сюда научную форму, необходимо определить каждый продукт согласно ступени того конкретного, целостно развитого процесса, из которого он существенно происходит и который сообщает ему его своеобразное значение; а для этого столь же важно различать ступени абстрактности или реальности процесса»; природа живого «не может быть понята из химического процесса» [5, с. 351].

Принцип восхождения от абстрактного к конкретному осмысляется по отношению к развитию в природе с точки зрения нарастания индивидуализации. При этом восхождение по ступеням природы есть процесс развития всеобщего или идеи, понятия. «Живое есть, правда, наивысший способ существования понятия в природе; но и в нем понятие бытийствует только в себе, потому что идея в природе существует только как единичное» [5, с. 577]. Природа в натурфилософии Гегеля — один из способов *самопроявления Идеи*, ее рефлексия о самой себе или ее *Инобытие*, а натурфилософия — возможность найти «зеркало нас самих». Сама природа не имеет истории, развивается во времени только дух, соответственно, эволюционный подход к природным формообразованиям Гегелем не принимается концептуально.

Стремление подчинить природу логическим схемам оборачивается спекулятивностью, натянутыми примерами, отрицанием исторических методов в естествознании, что идет вразрез с научными тенденциями того времени, выраженным, например, в космогонической гипотезе Канта и Лапласа, возникновении исторической геологии. Во второй половине XIX в. ведущие ученые-естествоиспытатели (А. Гумбольдт, Э. Геккель, Г. Гельмгольц и другие) подвергли резкой критике натурфилософию Гегеля, а вместе с ней и философский подход к науке в целом; возросло влияние позитивизма.

В рамках классической парадигмы *естествознания* идея развития природы появляется в конце XVIII в. в формах эпигенеза, кантовской космогонии. Но уже в следующем веке возникают эволюционистские концепции в геологии, биологии, а также идея развития в социогуманитарных науках. Ч. Дарвин не просто описывал эволюционные явления в живой природе, но открыл естественный механизм — отбор, обеспечивающий эту эволюцию. В физико-химическом естествознании до середины XX в.

преобладали теоретические модели закрытых равновесных систем, где фактор времени, а также неравновесные системы не рассматривались в качестве существенных объектов.

Под влиянием достижений теории Ч. Дарвина принцип эволюционизма получил новое осмысление в России конца XIX — начала XX в., прежде всего у Вл. С. Соловьева, а также в философских воззрениях русского космизма. Их отличительной особенностью является идея активной эволюции мира, необходимости нового, сознательного ее этапа, когда направленность развития определяется человеческим разумом и творчеством.

Вл. С. Соловьев создал всеобъемлющую философскую систему, которая, в частности, включает теорию эволюционного творения мира, синтезирующую библейский креационизм и дарвинизм. Вл. Соловьев считал: «Творение есть постепенный и упорный процесс; это — библейская и философская истина, так же как и факт естественной науки» [15]. Это процесс преображения хаоса в космос объединенными усилиями материальных факторов и духовных сил. Это тот процесс, который нацелен на «достойное или идеальное бытие» — положительное всеединство. Последнее определяется философом в том числе как некая идеальная целостность бытия при полной свободе и индивидуальности всех его составляющих. Активное преобразование в целях достижения истинного всеединства обозначена Вл. Соловьевым как «свободная теургия», «с сотворчеством». Сущность свободной теургии — в «осуществлении человеком божественных сил в самом реальном бытии природы». Цель божественного творения, не достигнутая пока средствами природы, должна быть реализована на путях человеческого творчества: религиозного, философского, художественного, научного, технического. У Н. Ф. Федорова (основоположника русского космизма) в философии «общего дела», где вера в науку, способную усовершенствовать и урегулировать

природу, переплетается с натуралистически интерпретируемыми тайнствами христианства, теургия отождествлялась с техническими силами и достижениями, которые, в свою очередь, представлялись как богоизвестные (теургические). К. Э. Циолковский, представитель естественно-научного крыла русского космизма, выдвинул концепцию «живой Вселенной», предполагая при этом существование множества миров во Вселенной, в которых естественные эволюционные процессы привели к появлению разума и цивилизаций. Циолковский прогнозирует космическое будущее человечества, которое связано с его преобразующей деятельностью, будучи уверенным в нерасторжимом единстве человека и Вселенной (в духе восточной традиции, в том числе).

В учении В. И. Вернадского о биосфере и возникающей на ее основе ноосфере (как основных звеньях в построении многоплановой, многопластовой картины мира) разворачивается идея *коэволюции*. В биогеохимии, несмотря на иерархическую упорядоченность качественно своеобразных процессов, ученым выделяется такая сторона их взаимодействия, как «совместное, сопряженное и взаимообусловленное развитие целостных систем» [9]. Биосфера понимается Вернадским как «естественное тело», совокупность живого вещества планеты; человек включен в биосферу как живое существо, а значит, антропогенные факторы эволюции биосферы становятся в один ряд с прочими природными факторами. Биосфера рассматривается как неразрывное единство трех форм веществ: живого, биокосного (сочетание живого и неживого, например, почва) и косного (неорганические процессы). Для развития жизни, поддержания ее существования, по Вернадскому, необходимо сложное неразрывное взаимодействие, синтез всех трех потоков веществ. Помимо механизмов саморазвития живого в общности с земной корой, эволюция биосферы определяется воздействием внешних, космических

факторов. Ноосфера возникает в результате деятельности человека разумного, которая становится решающим условием в развитии планетарной системы. Естественная хаотичная саморегуляция эволюционных процессов должна при этом заменяться разумной стратегией развития, ответственным самоуправлением человека и человечества на основе познания законов природы и общества. По мнению Н. Н. Моисеева, концепция ноосферы становится основой для синтеза естественных и общественных наук.

Идеи философии русского космизма формируют интегральные ценностные основания для утверждения в дальнейшем антропного принципа и принципа устойчивого развития.

Во второй половине XX в. возникает любопытная, хотя и спорная «гипотеза Геи» (англ. *Gaia hypothesis*), котораяозвучна идеям Вернадского. Климатолог Дж. Лавлок в сотрудничестве с микробиологом Л. Маргулис выдвинули предположение, что Земля — это динамичная физиологическая система, образованная единством биосфера и геосфера. Планета представляется ученым как суперорганизм, образованный всеми живыми существами Земли, который поддерживает основные параметры жизни и среды с помощью механизмов саморегуляции. Линн Маргулис указывала, что гипотеза Геи отражает, прежде всего, совместное развитие живого и неживого (благодаря их тесной взаимосвязи). Эволюция всех биологических организмов неразрывно связана с процессами физико-химических изменений в масштабе всей Земли: вместе они образуют единую саморазвивающуюся систему, обладающую саморегуляторными свойствами, подобными физиологическим свойствам живого организма [17]. Такая позиция вновь позволяет осознать хрупкость природного равновесия, особенно в связи с современной проблемой климата.

Под влиянием открытий XX в. (в генетике, в междисциплинарных исследованиях

процессов изменений живого) происходит прорыв в биологии — становление *синтетической теории эволюции (СТЭ)* или синтеза дарвиновской теории отбора и генетики. Г. Мендель, Г. де Фриз, С. С. Четвериков, Ф. Добржанский и многие другие, исследуя закономерности генетической изменчивости, формулируют ее основные положения. Установлено, что элементарным эволюционным актом является изменение частоты гена в популяции; открыта взаимосвязь между степенью генетической изменчивости популяции и скоростью ее эволюции, а динамика частот мутаций зависит от самых разных факторов, например, географических (например, изоляция), химических, физических. Исследования Четвериковым популяции дрозофил демонстрируют, что мутация вовсе не уникальное явление, меняющее направленность эволюции вида, популяция «впитывает мутации, как губка». Отбор же по-прежнему представляется главным направляющим фактором эволюции.

В 30-е гг. XX в. был открыт такой фактор изменчивости, как «дрейф генов» (Дубинин и Ромашов — СССР, Райт — США): под ним понимается чисто стохастический процесс блужданий частоты гена в малых популяциях, случайных колебаний частот, элиминации и фиксации генотипов. Доказано, что чем меньше популяция, тем выше роль случая в ее эволюции. Создаются математические модели, описывающие динамику мутаций в популяции, случайности в эволюционных процессах (в частности, С. Райтом, а также академиком А. Н. Колмогоровым, исследования которого внесли неоценимый вклад в методологию применения в биологии теории вероятностей и математической логики). Математическая статистика, к слову, совершенствовалась под влиянием задач в генетике. Выясняется, что эволюционные процессы в биологии обусловлены двумя группами факторов: причинного и случайного характера.

СТЭ не решает абсолютно все проблемы биологии, в частности, проблему соотношения микроэволюции (видаобразования) и макроэволюции (возникновения крупных таксонов); эпигенеза (например, эпигенеза поведенческих актов) и морфогенеза. Противники СТЭ (со временем их становится все больше) утверждают, что она вообще не является «теорией эволюции», поскольку, как и дарвиновская, не может продемонстрировать реально работающего механизма эволюции. «Отбор» на роль «движущей силы» эволюции не годится, поскольку не объясняет, как возникает то новое, что позже подвергается отбору.

В поисках такого механизма и на основе развития концепций симбиогенеза в XXI в. возникает новое направление эволюционной биологии, так называемый *третий синтез*. Исследования кооперативных адаптаций (они закрепляются под действием специфичных для симбиоза форм отбора) показали, что данные факторы способны формировать надвидовые системы наследственности: «В результате действия определенных факторов симбиогенеза (коопeração, мутуализм, альтруизм) и селектогенеза (конкуренция, антагонизм) симбиосистемы способны преобразоваться в новые организмы» [14, с. 658]. Иными словами, процессы симбиогенной (интегративной) эволюции приводят к формированию новых форм жизни и типов отношений между ними на основе объединения наследственного материала неродственных видов.

В целом биологическая эволюция представляется как неравномерный, сложный, многофакторный, цикличный, этапный процесс; как специфическое самодвижение живой материи.

В последние десятилетия XX в. концепция эволюции применяется не только в сфере органической природы, но и объяснения развития познания (К. Поппер, С. Тулмин), науки (Т. Кун), сфере физических процессов (М. Эйген, И. Пригожин).

Н. Н. Моисеев выдвинул гипотезу об универсальном характере отбора в развитии. На этапе постнеклассической науки (периодизация предложена В. С. Степиным) возникают теоретические и методологические основания для модели универсальной эволюции, связывающей в единое целое процессы космогенеза — происхождения Вселенной; геогенеза — возникновения Солнечной системы и планеты Земля; антропосоциогенеза — возникновения человека и общества. Модель получает название концепции *глобального эволюционизма*, в центре которой — Универсум как единый процесс развивающегося во времени природного целого. Различные типы эволюции рассматриваются здесь с позиций генетической связи и преемственности, общих закономерностей развития. К таким закономерностям, прежде всего, относят направленность развития мирового целого на *повышение структурной организации*. Эволюция Вселенной представляется как процесс *самоорганизации* множества систем различных уровней сложности. Выдвигается тезис, что механизм перехода систем в более упорядоченное состояние, по-видимому, сходен для всех уровней развития. Каждый качественно новый уровень организации утверждается в том случае, если способен включать в себя предшествующие наиболее эффективные формообразования. Так происходит *отбор*, при котором неэффективные изменения отсеиваются, что характерно не только для биологической эволюции, но и для иных уровней развития материальных систем, включая социальную.

Таким образом усиливаются интегративные процессы между дисциплинарными онтологиями, которые представляются аспектами или фрагментами единой картины мира, соответственно, становится возможным устранение резкого противоречия между естественно-научной и социальной картинами мира. Важно, что стремление постнеклассической науки к синтезу знаний не является унификацией, редукцией различных

областей знания к онтологическим принципам какой-либо одной науки. С позиций системного подхода, каждое дисциплинарное знание предстает частью более сложного целого, конкретизируя внутри себя принципы глобального эволюционизма. Благодаря иерархичному включению систем разных уровней друг в друга, каждый элемент любой системы (подсистемы) оказывается связан со всеми составляющими всех возможных систем. Например: человек — биосфера — планета Земля — Солнечная система — Галактика. Таким же образом взаимодействуют различные направления современного естествознания: трудно найти сейчас какую-либо «чистую» науку, всё пронизано и преобразовано прежде всего физикой и химией.

Современный эволюционизм связан с идеей *нелинейности*.

Мышление и познание, в рамках которых причинно-следственные отношения представляются однозначной, жесткой детерминацией, линейной направленностью причинных цепей, — определяются как линеаризация. Такой подход можно назвать итогом одного из закономерных этапов развития познания, на котором упрощение в структурировании познаваемой реальности было необходимостью; приблизительно верным отражением связей и зависимостей в природе. Линейный подход отрицает многовариантность, возможность различных направлений и темпов эволюции. Но дальнейшее развитие науки обнаруживает в объектах исследования процессы, которые проявляют себя не просто как поливариантные, неустойчивые, противоречивые, но именно как нелинейные. Множеству решений нелинейного уравнения соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями. Теории нелинейных колебаний Пуанкаре, Андронова и др.; открытия новых объектов во второй половине XX в.: хаотических систем; активных сред и волн (и автоколебаний) в химических систе-

мах; пространственной самоорганизации, — сформировали естественно-научную парадигму нелинейности, ее осмысление в синергетике (Г. Хакен, И. Пригожин).

Согласно нелинейном принципу, реальность предстает как «мир неустойчивых процессов»: в нем нарушение диссимметрического равновесия, содержащего точку бифуркации, случайным образом (флуктуация) устанавливает ту или иную ветвь дальнейшей эволюции системы, т. е. более или менее определенное состояние, выраженное посредством новых свойств, порожденных этим переходом. В точке бифуркации вероятные «незначительные по энергии импульсы приводят к выбору пути, который потом очень трудно переиграть (вдали от точки бифуркации это требует больших затрат энергии)» [16, с. 420]. Поведение нелинейных систем при общей эволюционной направленности может быть охарактеризовано как чередование стадий эволюции и инволюции, предполагающее взрывы активности, смены интенсивности процессов на стадию ослабления, интеграцию и дезинтеграцию (даже частичный распад) [6, с. 58], а также спонтанность, стохастичность возникновения нового. В свою очередь, признание спонтанности делает невозможным представлять всё происходящее в мире в виде единого линейного ряда необходимых причин и следствий.

В мировоззренческом отношении, нелинейность содержит в себе идею альтернативности развития системы, принцип не обратимости эволюции, возможность выбора ее определенных, в том числе «удобных» человеку, путей из данных вариантов, а также возможность инициирования нелинейного роста, ускорения темпов развития.

Становление понимания внутренней логики развития единого порядка мироустройства связано также с *антропным принципом* — чрезвычайно противоречивым конструктом, имеющим ряд модификаций и уровней сложности (в естествознании: физике,

астрономии, а также в философии). Его суть в том, что возникновение познающего субъекта стало возможным потому, что глубинные закономерности развития Вселенной именно таковы, каковыми они являются. В ином случае Универсум просто было бы некому познавать. Антропный принцип становится предметом дискуссии в науке и философии. Одна из ключевых идей квантовой механики — необходимость наблюдателя, задание контекста условий наблюдения. В квантовой космологии допускается, что человек способен влиять своими наблюдательными процедурами на фиксируемые им свойства объектов и процессов.

В современной космологии приняты две версии формулировки антропного принципа: сильная и слабая. Астрофизик Б. Картер, автор термина, предложил следующие описания.

Слабая версия: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием как наблюдателей» [4, с. 162].

Сильная версия: «...Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [4, с. 164]. Эта версия получила большое число разнообразных и противоречивых интерпретаций. Например, утверждение, что Вселенная «запрограммирована» на формирование условий для появления человека-наблюдателя, было отнесено к группе «экстремистских» (спекулятивно-мировоззренческих) прочтений антропного принципа. Многие исследователи выступили с предложением ограничить применимость термина только физическим, астрономическим контекстом, исключив метафизические или философско-мировоззренческие толкования. Ведь подобные «экстремистские» утверждения могут в равной степени обосновываться как теологически либо те-

леологически, так и с диалектико-материалистических позиций: жизнь и человек — естественные следствия эволюции Вселенной.

В неклассической науке преобладает позиция, согласно которой человек становится наблюдателем не в любой области Вселенной, а в той, где, по словам Г. М. Идлиса, ее особая структура пригодна «для возникновения и развития жизни», а также в определенную эпоху (период эволюции), что в какой-то степени соответствует флюктуационной гипотезе [4, с. 152]. В 1970-х гг. в рамках релятивистской космологии возникает проблема фундаментальных физических констант и параметров, выявляется обстоятельство, согласно которому Вселенная «взрывным образом неустойчива» к численным изменениям этих констант. Для решения проблемы выдвигается антропный принцип (Б. Картер), принцип самообороны (Б. Картер) и принцип целесообразности (И. Л. Розенталь) [4, с. 154].

К числу оригинальных «экстремистских» интерпретаций антропного принципа можно отнести так называемый *принцип соучастника* Дж. Уиллера. Он выдвинул предположение, что при порождении на некотором этапе своего существования наблюдателей-участников Вселенная, возможно, и обретает посредством их наблюдений тот контур, осозаемость, который принято считать реальностью. Радикальная версия антропного принципа сформулирована Дж. Уиллером следующим образом: наблюдатели необходимы для того, чтобы сделать Вселенную существующей.

Способ установления связи между универсальными физическими константами и возникновением роли наблюдателя встречает следующие возражения: М. И. Ненашев отмечает, что свойства физических структур определяются количественно, в том числе пространственным взаиморасположением их элементов. Собственно же человеческие свойства, как и социальные отношения, нередуцируемые к инстинктивным поведенческим

реакциям, невозможно вывести из структурных особенностей человеческого организма, хотя последние задают необходимые предпосылки для человеческого восприятия. Некоторые особенности свободной деятельности человека (и цивилизации) приводят к возникновению угроз для природного равновесия и даже самого существования человечества. Это, с точки зрения Ненашева, ставит под вопрос утверждение, что человек-наблюдатель «является необходимым звеном природной эволюции». В итоге автор предлагает свою версию: «В выражении “антропный космологический принцип” сам принцип следует переформулировать следующим образом: устройство Вселенной таково, что в ней на некотором этапе эволюции *все же* допускается существование наблюдателей» [13, с. 74].

Развитие физики, космологии, достижения в построении единой физической теории, возможно, разрешат существующие споры относительно понимания антропного принципа.

Эдгар Морен, внесший большой вклад в разработку проблем постнеклассической науки как междисциплинарного знания о сложности, указывает, что нельзя понять науку, отстраняясь от проблемы наблюдений. *Принцип сложности*, по Морену, основанный на нелинейном или циклическом мышлении, содержит возможность взаимодействия отсылающих друг к другу терминов, которые в процессе обменов производили бы сложное знание, включающее собственную рефлексию. «Устранивая самого познающего, никогда нельзя продвинуться в познании сложного. Познание с необходимостью становится, таким образом, коммуникацией, петлей между познанием (феноменом, объектом) и познанием этого познания» [2, с. 12].

Послания из внешней Вселенной фиксируются сознанием, которое замкнуто на себе, обществе и культуре, черпая в них идеи для толкования наблюдения. Здесь обнару-

живается проблема переплетения «объекта-космоса и познающего субъекта, где космос охватывает и порождает познающего субъекта, который появляется как крошечный и мимолетный элемент/событие в космическом становлении, но где в то же время познающий субъект охватывает и порождает космос в своем собственном видеении; переплетение космофизической вселенной и антропосоциальной вселенной, где каждая по-своему порождает другую, будучи всецело зависимой от другой» [11, с. 122]. Таким образом, сложность — эмерджентное свойство субъект-объектного взаимодействия во времени. Рост сложности — характерная черта направленности восходящего эволюционного процесса.

Осознание субъектом высокого уровня сложности окружающей среды вызывает потребность в рефлексивной эпистемологии, усиливает роль личностного начала в «попытках самоориентации, то есть упорядочения, прогнозирования, планирования» [1, с. 144] отношений со средой.

Э. Морен выявляет фундаментальную задачу постнеклассической науки: понимания антропосоциологической сферы, человеческих ценностей «не только в ее нередуцируемой специфиности, но и в ее физическом и космическом измерении». Эта задача может решаться на пути взаимопроникновения различных дискурсов, нахождения решающих точек пересечения («идентификации топоса встреч»), синергетического способа распознавания пунктов, узлов коммуникации между разъединенными сферами знания и формами культуры, включая мудрость древних культур [11, с. 42, 428]. На первый план выходит коммуникативный подход как срединный путь между линейностью частных процессов и нелинейностью, между порядком и хаосом, автономией и связанностью. Возникает запрос на диалогово-коммуникативное мышление в условиях трансдисциплинарного способа познания, взаимообусловленности постижения Вселенной

и человеческого бытия (конвергенция естественно-научного и социогуманитарного знания).

Современная научная картина мира выражает суть открытой рациональности, ее социокультурные следствия сопряжены с философско-мировоззренческими ценностями, возникающими на почве различных и во многом альтернативных культурных традиций. На данный момент трудно определить, которая из концепций естествознания (или ее модификаций) точнее описывает объективную реальность (соглашаясь с принципом дополнительности Н. Бора, утверждающим, что мир настолько сложен, что единственной теории для его описания недостаточно). Важно то, что в основании любой картины мира лежит философия. И также, как не существует научных фактов вне теории (Т. Кун), так и фундаментальная наука непредставима без «философских оснований».

Очевидна важнейшая тенденция современной философии науки в выстраивании картины мира: «Это картина наших взаимоотношений с природой» [9, с. 77], где фундаментальная связь субъекта и объекта познания, структурная общность космологических, биологических, социальных процессов эволюции ставят перед человечеством задачу поиска новых регулятивов собственной эволюции. Возникновение социальной экологии, изучающей влияние человечества на природные экосистемы, а также социальные катаклизмы и войны как проявление спонтанности, неустойчивости, иные глобальные угрозы XX в. привели международное сообщество к осознанию необходимости выработки общих идей, принципов движения к будущему планеты Земля. Таким конструктом и основанием для действий стала биосоциальная стратегия «устойчивого развития», которое способно обеспечить выживание и прогресс общества при условии сохранения природной среды, биосферы.

Современное эволюционистское мышление коррелирует с принципом соотносительности, или диалектики устойчивости и изменчивости в развитии.

Принцип *устойчивого развития* (англ. sustainable development) прежде всего декларирует необходимость осознанных усилий человечества, направленных на поддержание равновесия между инновационными задачами развития и сохранением «мирной и устойчивой жизни» (см.: [1, с 153]). Находясь «здесь и сейчас» в сложном мире, в точке пересечения (бифуркации) вероятных и неравноценных направлений движения, человечество стоит перед столь же сложным выбором пути, который диктуется ответственностью за будущие поколения, за сохранение самой жизни, и должен обеспечить безопасное существование и соразвитие «мира природы и мира цивилизации на Земле» [9, с. 108]. Субъект-наблюдатель, принимающий решения с осознанием всех рисков, должен обладать новым видением и инструментарием этой «оптики» на основе синтеза научного знания, диалога-коммуницирования, глобальных этических ценностей. Проект универсальной (глобальной) этики ответственности, предложенный Карлом-Отто Апелем, фокусируется на утверждении равенства всех в научной коммуникации («Каждый возможный участник становится тем самым полноценным участником дискурса, интересами которого невозможно пренебречь» [12, с. 204]), а также свободы и достоинства личности в идеальном коммуникативном обществе. Неравенство по отношению к информационным ресурсам, неразвитость структур коммуникации в современных условиях, с точки зрения Апеля, являются этически ущербными, а качество, доступность, глубина информации должны быть релевантными нормами общественной жизни.

Исходя из идеи «коэволюции человека и биосфера», развивающей концепцию ноосферы В. И. Вернадского, более точным

смыслом термина sustainable development можно считать «совместное развитие». Идеи *sustainability* применительно к развитию социума с сохранением окружающей среды детально проработаны в документах ООН (конференция ООН в Рио-де-Жанейро 1992 г., Саммит ООН по принятию повестки дня в области развития на период после 2015 г., Нью-Йорк, 2015 г.), которые закрепляют основные принципы устойчивого (*sustainability*) развития общества. Первоначально устойчивое развитие определялось как модель движения вперед, при котором достигается удовлетворение жизненных потребностей нынешнего поколения без лишения такой возможности будущих поколений. Декларируется, что в единое целое необходимо соединять экономическое развитие, справедливое развитие социальной сферы и экологическую безопасность, а ведущая роль в реализации целей устойчивого движения должна принадлежать как государству — гаранту данных трех составляющих, так и субъектам бизнеса. В документах форума «Рио-де-Жанейро+20» сформулирована концепция такого рода неразрывности: экономическое развитие в отрыве от экологии ведет к превращению планеты в пустыню; упор на экологию без экономического развития закрепляет нищету и несправедливость. Также отмечено, что при реализации идей *sustainability* важно активное участие гражданского общества и ответственного поведения каждого (включая самоограничение потребления личного и бизнес-структур) [10, с. 109]. Но призыв к ограничению потребностей не становится популярным: рассогласованность действий различных субъектов социально-экономического развития и природоохранной деятельности требуют признания более реалистичных насущных задач движения к будущему. Дальнейший рост и развитие человечества связывается с инновационностью, использованием новых технологий, которые способны минимизировать негативное воздействие на экосистемы планеты.

Инновации в условиях «роста сложности — а именно в этом состоит общая тенденция всякой эволюции (биологической, социальной или личностной)», — приобретают характер полифоничности в синтезе с взаимозависимостью: «Рост различий, их множественность, аутопоэзис вместе с их связанностью, <...> ставят перед каждым институтом общественного развития (включая и государственные институты) в качестве первоочередной задачи всячески оберегать и поддерживать эту тенденцию» [3, с. 146].

Концепция устойчивого развития включает идею перехода к «человеку устойчивого будущего» с новым подходом к жизни, основанным на вечных ценностях, преодолением стереотипов, с целостным (холистическим) поведением как в ежедневной трудовой деятельности, так и во время досуга, направленного на поддержание здоровья и на духовное совершенствование. Личная социальная ответственность должна стать частью каждого представителя глобального человеческого общества и интегрироваться в этику XXI в.

Государственная экологическая политика Российской Федерации основывается на ряде основных принципов, важнейшим из которых является следующий: устойчивое развитие, предусматривающее равное внимание к его экономической, социальной и экологической составляющим и признание невозможности развития человеческого общества при деградации природы.

Концепция устойчивого развития социально ориентирована. Она направлена на сохранение социальной и культурной стабильности, в том числе на сокращение числа разрушительных социальных конфликтов. В глобальных масштабах необходимо также сохранить культурный капитал и более полно использовать практику устойчивого развития, имеющуюся в недоминирующих культурах.

С позиции естественных наук, устойчивое развитие общества — целостный исторический

процесс *сохранения* развития. Сохранение понимается как «сохранение неубывающего темпа роста» эффективности использования полной мощности во все времена или неубывающий темп роста полезной мощности не только в настоящее время, но и в будущем. Устойчивое развитие общества возможно только при условии постоянного научно-технологического роста, совершенствования социального института образования. «Человеческий капитал» (в более узком смысле — научный потенциал) в условиях современных технологий приобретает особое стратегическое значение. В этом понятии, помимо прочего, выражается обобщенный коэффициент умственного развития данного социума любой глобальности при условии собственного специфического развития (в том числе через самоорганизацию)» [10, с. 111].

Современная научная картина мира, где человек выступает не только как наблюдатель, исследователь, но и как активный фактор эволюции, участник планетарных процессов, — имманентно подразумевает глобальные ценности. Прежде всего, это осознанность и ответственность не только за судьбу и само существование цивилизации, но и за жизнь в ее всеохватности, за восходящие пути развития; преодоление низкого уровня культуры, конформности массового сознания и поведения.

Отчетливые контуры современной научной картины мира взывают к необходимости переосмыслиния гуманизма в русле контрантропоцентризма, который включает в том числе идеи «этики благоговения перед жизнью» Альберта Швейцера: «Только признание святости жизни во всех ее проявлениях», служение живому на основе знания задает «нравственную соразмерность человеческой деятельности, гарантирует здоровое развитие культуры» и общества [7, с. 233].

Список литературы и источников

1. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И. Информационное общество и НБИКС-революция. М.: ИФ РАН, 2016. 196 с.
2. Аршинов В. И., Свирский Я. И. На пути к коммуникативно-рекурсивной модели Вселенной // Философия науки. Вып. 16: Философия науки и техники / отв. ред.: В. И. Аршинов, В. Г. Горохов. М.: ИФ РАН, 2011. С. 3—33.
3. Аршинов В. И., Свирский Я. И. Сложностный мир и его наблюдатель // Человек. 2019. Т. 30. № 2. С. 130—153. <https://doi.org/10.31857/S023620070003026-5>
4. Астрономия и современная картина мира: сб. ст. / отв. ред. В. В. Казютинский. М.: ИФРАН, 1996. 247 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / отв. ред. Е. П. Ситковский; ред. коллегия: Б. М. Кедров и др. Т. 2: Философия природы. М.: Мысль, 1975. 695 с. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).
6. Гезалов А. А. Целостность и нелинейность глобализации // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 57—62.
7. Гусейнов А. А. Великие моралисты. М.: Республика, 1995. 351 с.
8. Захаров В. М., Трофимов И. Е. Экология и устойчивое развитие. «Будущее, которого мы хотим». М., 2017. 250 с. // Центр устойчивого развития и здоровья среди ИБР РАН [Электронный ресурс] URL: http://sustainabledevelopment.ru/upload/File/Books/Ecology_2017_Final.pdf (дата обращения: 01.09.2022).
9. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М.: Интерпракс, 1995. 350 с.
10. Михайлова С. А. Корпоративная социальная ответственность: учеб. пособие. М.: МИЭТ, 2013. 120 с.
11. Морен Э. Метод. Природа природы: пер. с фр. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
12. Назарчук А. В. Этика глобализирующегося общества: Тенденции и проблемы глобализации в свете социально-этической концепции К.-О. Апеля. М.: Директмедиа паблишинг, 2002. 378 с.

13. **Ненашев М. И.** Антропный принцип и проблема наблюдателя // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 64—74.
14. **Пророров Н. А., Тихонович И. А., Воробьев Н. И.** Симбиогенез и синтетическая теория эволюции: третий синтез // Генетика. 2015. Т. 51. № 6. С. 658—667. <https://doi.org/10.7868/S0016675815050057>
15. **Соловьев Вл.** Россия и Вселенская церковь. Кн. 3, гл. 6 // Библиотека «Вехи» [Электронный ресурс.] URL: <http://www.vehi.net/soloviev/vselcerk/36.html> (дата обращения: 23.08.2022).
16. Философия науки: учеб. пособие / под ред. А. И. Липкина. М.: Эксмо, 2007. 603 с. (Образовательный стандарт XXI).
17. **Sobel S.** Гипотеза Лавлок: что, если Земля — живой организм? // Naked Science: электрон. журн. [Электронный ресурс]. 23.08.2020. URL: <https://naked-science.ru/article/naked-science/gipoteza-lavloka> (дата обращения: 01.09.2022).
7. Guseynov A. A. *Great moralists*. Moscow, Respublika Publ., 1995. 351 p. (In Russian).
8. Zakharov V. M., Trofimov I. E. Ecology and sustainable development. “The future we want”. Moscow, 2017. 250 p. (In Russian). *Center for Sustainable Development and the Health of the Environment, Kozlov Institute of Developmental Biology of RAS*. Available at: http://sustainabledevelopment.ru/upload/File/Books/Ecology_2017_Final.pdf (accessed: 01.09.2022).
9. Karpinskaya R. S., Liseyev I. K., Ogurtsov A. P. *Philosophy of Nature: Co-Evolution Strategy*. Moscow, Interpraks Publ., 1995. 352 p. (In Russian).
10. Mikhaylina S. A. *Corporate Social Responsibility*, study guide. Moscow, MIET, 2013. 120 p. (In Russian).
11. Morin E. *Method: The Nature of Nature*. New York, Oxford, P. Lang, 2009. 435 p.
12. Nazarchuk A. V. *Ethics of Globalizing Society: Globalization Trends and Problems in the Light of K.-O. Apel's Social-Ethical Conception*. Moscow, DirectMedia Publ., 2002. 378 p. (In Russian).
13. Nenashev M. I. Anthropic principle and the problem of the observer. *Voprosy filosofii*, 2012, no. 4, pp. 64—74. (In Russian).
14. Provorov N. A., Tikhonovich I. A., Vorobyov N. I. Symbiogenesis and synthetic evolutionary theory: The third synthesis. *Russ. J. Genet.*, 2015, vol. 51, iss. 6, pp. 558—565. <https://doi.org/10.1134/S1022795415050051>
15. Soloviev Vl. *Russia and the Universal Church*. Createspace Independent Publ. Platform, 2017. 204 p.
16. Lipkin A. I. (ed.) *Philosophy of Science*, study guide. Moscow, Eksmo Publ, 2007. 608 p. (In Russian).
17. Sobol S. Lovelock’s hypothesis: what if the Earth is a living organism? *Naked Science*. 23.08.2020. (In Russian). Available at: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/gipoteza-lavloka> (accessed: 01.09.2022).

References

1. Alekseyeva I. Yu., Arshinov V. I. *Information society and NBICS revolution*. Moscow, RAS Institute of Philosophy, 2016. 196 p. (In Russian).
2. Arshinov V. I., Svirskiy Ya. I. On the way towards communicative-recursive model of the Universe. *Filosofiya nauki. Vyp. 16: Filosofiya nauki i tekhniki*, publ. ed. V. I. Arshinov, V. G. Gorokhov. Moscow, RAS Institute of Philosophy, 2011, pp. 3—33. (In Russian).
3. Arshinov V. I., Svirskiy Ya. I. World of complexity and its observer. *Chelovek = Human Being*, 2019, vol. 30, no. 2, pp. 130—153. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S023620070003026-5>
4. Kazyutinskiy V. V. (publ. ed.) *Astronomy and modern picture of the world*, collected works. Moscow, RAS Institute of Philosophy, 1996. 247 p. (In Russian).
5. Hegel G. W. F., Miller A. V. (transl.) *Philosophy of Nature*, forew. by J. N. Findlay. Oxford, Oxford University Press, 2004. 488 p. Encyclopaedia of the Philosophical Sciences Series, no. 2.
6. Gezalov A. A. o. Integrity and nonlinearity of globalization. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye = Knowledge. Understanding. Skill*, 2011, no. 3, pp. 57—62. (In Russian).

Информация об авторах

Михайлова Светлана Анатольевна — кандидат философских наук, доцент, доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Хен Юлия Вонховна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1).

Information about the authors

Svetlana A. Mikhaylova — Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Julia W. Khen — DSc in Philosophy, senior researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia, 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12/1).

Статья поступила в редакцию 10.09.2022.

The article was submitted 10.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 124—135.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 124—135.
Научная статья

УДК 1:316.3 + 316.454.3:378
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-124-135

Философские основания корпоративной культуры современных организаций

H. N. Равочкин^{1, 2}, С. И. Григашкина³

^{1, 3} Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

² Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

^{1, 2} nickravochkin@mail.ru

³ ideologie@mail.ru

Аннотация. С позиции социальной философии авторы исследуют фундаментальные идеинные основания корпоративной культуры, прослеживают эволюцию научных взглядов, анализируют теоретические подходы и подходы к формированию организациями своей идентичности. В качестве практического примера авторы рассматривают корпоративную культуру высших учебных заведений, обосновывают ее принципиальную роль и графически изображают ценностное ядро университета. Оценивая университет как социальный институт, авторы выявляют его сущностные характеристики и возможные варианты его значения для социума.

Ключевые слова: корпоративная культура, организация, общество, образование, ценности, университет, социальный институт

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Григашкина С. И. Философские основания корпоративной культуры современных организаций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 124—135. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-124-135>

Original article

Philosophical foundations of the corporate culture of modern organizations

N. N. Ravochkin^{1, 2}, S. I. Grigashkina³

^{1, 3} Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

² Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

^{1,2} nickravochkin@mail.ru

³ ideologie@mail.ru

Abstract. From the position of social philosophy, the authors explore the fundamental ideological foundations of corporate culture, trace the evolution of scientific views, analyze theoretical approaches and approaches to the formation of organizations of their identity. As a practical example, the authors consider the corporate culture of institutions of higher education, justify its fundamental role and graphically depict the value core of the university. Evaluating the university as a social institution, the authors have identified its essential characteristics and possible variants of its meaning for society.

Keywords: corporate culture, organization, society, education, values, university, social institute

For citation: Ravochkin N. N., Grigashkina S. I. Philosophical foundations of the corporate culture of modern organizations. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 124–135. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-124-135>

Корпоративная культура как феномен общественного бытия позволяет выделить основные правила, нормы и образцы поведения, которые определяют принципы деятельности сотрудников компании. Будучи предметом научного исследования, корпоративная культура впервые была описана в XIX в. Х. К. Б. фон Мольтке, который изучал нормы и правила поведения, действовавшие в различные исторические периоды и в сообществах, в том числе средневековых гильдиях. Наличие норм и правил определенного поведения трактовалось как основание для оценки корректности поведения члена группы, нарушение норм могло стать причиной для исключения человека или группы лиц из конкретного сообщества.

В научной литературе ведутся споры о содержании понятия «корпоративная культура». Отмечается, что понятие близко по значению термину «организационная культура», однако некоторые ученые, например А. В. Окатов и Д. А. Соловьев, полагают, что данные понятия тождественны и не следует их разделять. В самом общем виде организационная культура может быть понята как «система коллективных базовых представлений, приобретаемых группой при разрешении проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые доказали свою эффективность и поэтому рассматриваются как ценность и передаются новым членам группы в качестве правильной

системы восприятия, мышления и чувствования в отношении названных проблем» [18, с. 37]. Мы видим, что представленные нормативные основания позволяют определить способность системы, любого коллектива адаптироваться к окружающим социальным условиям, сформировать систему связей и отношений внутри коллектива для максимально эффективного сотрудничества как с внешними агентами — участниками общественной интеракции, — так и внутри коллектива.

Корпоративную культуру можно трактовать как систему предложений, которая принимается членами организации. Такую систему ряд психологов понимают и принимают как бездоказательную, поскольку это — наиболее легкий путь усвоения ценностей, норм и правил поведения человека. Ученые пишут, что корпоративная культура «проявляется в философии и идеологии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения, регламентирует поведение человека и дает возможность прогнозировать его поведение в критических ситуациях» [15]. Нормы поведения, действительно, определяют модели поведения человека-сотрудника в критических ситуациях, что позволяет корпорации-системе выживать, используя системный подход к своему развитию. Нормы корпоративной культуры дают возможность, как показывают исследования, оперативно реагировать на кризисные периоды в жизни

общества. В период кризиса зачастую отчетливо проявляются ситуации утраты индивидами ориентиров деятельности, а их статус как субъектов социальной жизни остается неопределенным, вследствие чего они теряют собственную идентификацию [3].

Исходя из анализа сущности корпоративной культуры, можно полагать, что она основана на имеющихся социальных и культурных кодах, поскольку предполагает включенность организации и ее членов в систему социальной интеракции. Имеющиеся нормы корпоративной культуры ориентированы на актуальные экономические, политические, социальные и иные условия бытия организации как социальной структуры и активного участника социальной интеракции. Повышение качества общественной интеракции и, как следствие, увеличение социальной, экономической, политической, равно как и любой другой, прибыли воспринимается как ценность, поэтому значимо выявление тех оснований нормирования, которые будут способствовать такому результату.

Исходя из предложенной логики рассуждения, можно заключить, что важным философским основанием корпоративной культуры является *ценостный подход к процессу формирования организаций и компаний как социальных институтов*. Традиционное понимание функционирования компаний основано исключительно на экономических ценностях, среди которых особое место занимают выгода и прибыль. В XIX — начале XX в. именно они определяли функционирование и развитие компаний; вместе с тем методы получения прибыли не категорировались в качестве важного предмета изучения. Данная логика была основана на идеях классиков-экономистов. Кроме того, идеи прагматической и утилитарной школы, связанные, например, с идеями И. Бентама, Дж. Ст. Милля, содержали в себе положение о замене ценности добродетели на ценность возможностей как альтернативу критерия полезности [14].

Главным критерием эффективности полагалось достижение консенсуса между участниками экономического взаимодействия, при котором реализация индивидуального и коллективного блага определяет принципы взаимодействия между участниками экономической интеракции. Кроме того, критерием полезности признавалась возможность удовлетворения личных предпочтений, что определяет мотивацию отдельного человека как работника и как члена общества. Представленная логика была в полной мере ориентирована на достижение высоких экономических показателей и не предполагала возможности учитывать интересы других участников социального процесса. На этом идеологическом основании ценностные ориентации утилитаристов в довольно высокой степени подвергались критике, поскольку формирование организации стало как минимум затруднительным, в силу эгоистической направленности ее участников. Также проблемно стало в полной мере контролировать экономические, интеллектуальные, социальные и иные последствия деятельности таких компаний. Как следствие, корпоративная этика компаний должна была претерпевать изменения, за счет изменений ценностных предпочтений субъектов — участников трудового и общесоциального взаимодействия.

Современные ученые показывают, что «важнейшим социальным фактором, обуславившим изменения в ментальной и ценностной сфере людей, а также оказавшим влияние на переход организационной культуры к корпоративной, является повышение уровня жизни» [1, с. 80]. В контекстах индустриального общества превалирующая часть индивидов, участников корпоративной системы, предпочитали руководствоваться маркируемыми многими интеллектуалами в качестве универсальных утилитарными стимулами, что в свою очередь «алгоритмизировало» их социальную активность: последовательность действий нацеливалась на личную выгоду, без ориентации на другие приоритеты. Экономические

преобразования, которые позволили сформировать такие перемены в общественной структуре, дали возможность трансформировать ценностные приоритеты корпоративной культуры.

К середине прошлого столетия Западный мир сформировал и провел довольно широкую дистрибуцию высоких стандартов консюмеризма: «Развитие научноемких технологий потребовало от персонала не только первоклассного образования, но и творческих способностей для повышения инновационности производства, что явилось основой формирования процесса модификации системы мотивации и стимулирования производственной активности» [1, с. 81].

Мы считаем, что наиболее заслуживает исследовательского внимания закономерное ослабление эгоизма и экономической выгоды как ведущих детерминант общественного развития, что не могло не произойти на фоне перехода к учету этических компонентов. В сфере общечеловеческой морали сформировался тренд на достижение таких установок, как, например, «альtruизм» и «филантропия», фундированых когнитивными схемами, релевантными поведенческому паттерну «отсутствие страха перед нищетой». В свою очередь, направленность ментальных установок политico-правовой сферы общественной жизни стремится к реализации сценариев эгалитаризма и социальной ангажированности личности. Экспликация идей равенства и использование интересов актуальных, социально одобряемых приоритетов, формирование прочных оснований совместного бытия позволяет привнести новые аксиологические ориентации в различные организации [1]. В результате реализуются идеи гуманизма и уважения к человеку как личности, достигается возможность ее самореализации как активного участника не только производственной, но и общесоциальной единицы [11].

Полагается, что с начала 60-х гг. XX в. начинается вытеснение ценностей экономического характера и их замещение ценностями нeэкономическими. Некоторые ученые высказывают предположение, что тяжелый изматывающий

труд приносит рабочему удовлетворение от работы: «ощущение важности того, что он делает, чувство выполненного долга, самоуважения и гордости, чего он никогда ранее не испытывал» [1, с. 81]. Известная пирамида Маслоу в современном обществе претерпела, таким образом, существенные изменения, в результате которых материальные блага перестали определяться как основание, главная ценность человека.

В современных корпорациях центральной становится ценность социального и колективного признания достижений человека, а также ценность адекватного удовлетворения человеком его творческих способностей [10]. Развитие информационно-коммуникационных ресурсов современного общества, компьютерная революция, о которой так активно говорил Э. Тоффлер, дала очередной импульс избавлению человека от рутинных действий, расширила поле реализации творческого потенциала человека.

Все обозначенные метаморфозы современного мира влияют на конституирование принципов новой корпоративной культуры:

- усиление творческого потенциала сотрудников в сочетании с их социальной мобильностью при достижении рыночного успеха посредством «форматирования» наличных условий труда, с целью максимально учесть индивидуальные особенности человека, увеличить его шансы на самореализацию, а не на подчинение в одностороннем порядке интересам той или иной компании;
- лоббирование готовности к диалогу с сотрудниками «на равных», наглядно демонстрирующей одновременно преодоление отчуждения и практическое воплощение идеи взаимной зависимости для всего персонала и для менеджмента абсолютного большинства компаний;
- преобразование структуры трудовой деятельности, чтобы на первый план вышли адаптированные под команды предприятия высокие технологии — и это позволило бы обеспечить эволюционное развитие системы

гибких специальностей благодаря своевременным и опережающим реагированиям на перманентно изменяющиеся социальные координаты и запросы рынка;

- повышение степени свободы и творчества работников в целях обретения конкурентных преимуществ и умножения шансов компании на деловой успех [3, с. 191].

В итоге мы видим, что философским основанием корпоративной культуры становится **понимание ценностей как основания индивидуального и коллективного поведения и деятельности**. Такое основание формирует общие ориентиры в жизни и структуре организации, что дает возможность перестроить как структуру организации, так и принципы действий сотрудников. Последняя возможность формирует ресурсы для новых форм взаимодействия между сотрудниками и клиентами организации. Представленные трансформации современных организаций осуществимы благодаря преобразованию экономической системы, росту технических и технологических оснований развития общества, формированию постиндустриального общества, в котором рутинные действия возложены на механические приборы.

Иным философским основанием корпоративной культуры современных организаций можно считать принципиально **новое понимание социальных практик**. Под «практикой» понимается деятельность, направленная на преобразование окружающей действительности. Она имеет социальную природу, предполагающую способность человека использовать ресурсы рациональной природы человека, его способность к целеполаганию и стремление достигнуть желаемого результата. Будучи преобразующей деятельностью человека, практика содержит в себе объективные и субъективные элементы. Первые позволяют описать общественную природу практического действия, вторые указывают на персональный способ совершения человеком практических действий» [7, с. 149].

Практическая сторона формирования корпоративной культуры обусловлена взаимодействием множества сотрудников — субъектов практической деятельности, которые ставят перед собой цели, ищут наиболее оптимальные средства их достижения. По содержанию такие практики современных организаций делятся на субъективные и объективные элементы. Общественная природа практических действий определяется системой нормативных оснований, которые регламентируют поведение человека и определяют внешние условия его реализации. Это могут быть социально-экономические, политические, внутрикорпоративные условия деятельности человека. Субъективные элементы практик отдельных сотрудников определяются имеющимися у людей ресурсами, которые могут быть использованы в той или иной ситуации.

Формирование корпоративной культуры, таким образом, определяется в значительной степени способами мотивации сотрудников (в нашей трактовке это выражает использование субъективных факторов в реализации практик), а также методами использования социальных, интеллектуальных, творческих и прочих ресурсов сотрудников компаний. При этом выделим в социальных практиках современных организаций прагматический, телеологический и аксиологический аспекты [2, с. 29]. Именно эти три аспекта формируют саму возможность реализации таких социальных практик, которые могли бы в полной мере совместить интенции организации как коллектива и отдельного сотрудника.

Как итог, отметим, что в современном постиндустриальном обществе формируется множество так называемых креативных организаций, поскольку в них человеческие ресурсы, выраженные в реализации социальных практик, приобретают стратегическое значение, а достигнутый социальный статус выступает в качестве измерителя экономического успеха человека. Таким образом в полной мере реализуется **идея клиентоориентированности**, которая воспринимается

как условие эффективного менеджмента и социально-этического маркетинга. Кроме того, представленная идея содержит в себе новую корпоративную философию фирмы — необходимость заинтересованного вовлечения сотрудников в процессы жизни и деятельности фирмы как организации. Появляется возможность составить коллективный договор, в рамках корпоративной культуры реализующий такие принципы деятельности (социальные практики) сотрудников, которые отвечали бы морально-этическим, деловым, репутационным и иным принципам организации в целом.

Более того, трансформация социальных практик современных организаций предполагает формирование такой корпоративной культуры, которая смогла бы обеспечить комфорт именно для сотрудников. Анализируя известную модель организационной культуры Э. Шейна, современные исследователи показывают, что сочетание поверхностного, подповерхностного и глубинного уровней организационной культуры ориентировано на формирование у сотрудника благоприятного отношения к компании и к выполняемой им работе [13, с. 41—42]. Эмоциональная атмосфера, ритуалы, внешний вид, кодекс поведения, система отношений между сотрудниками — вот неполный перечень оснований, которые напрямую влияют на социальные практики человека и формы проявления корпоративной культуры в организации.

Результатом трансформаций социальных практик, рассмотренных выше, становится положение дел, при котором «корporации современного типа, выступающие как “свободные ассоциации отдельных людей”, стремятся заслужить лояльность по отношению к себе со стороны высококвалифицированных специалистов» [1, с. 81]. Социальные практики самовыражения, изменение образа жизни, максимизация благополучия и выживания — все это формирует в современных компаниях корпоративную культуру [8].

В свою очередь, принципы корпоративной культуры становятся результатом согласования интересов именно высококвалифицированных специалистов, которые самостоятельно формируют собственные социальные практики, создавая тем самым негласно реализуемую корпоративную культуру. Как следствие, мы видим важное философское основание корпоративной культуры современных компаний: это — *теории социальных практик*, дающих возможность истолковывать сотрудничество внутри компании через интересы, интенции и ресурсы сотрудников.

Не менее важным философским основанием для формирования корпоративной культуры можно считать *постмодернистское понимание культуры и общества*. Наряду с традиционной интерпретацией общества постмодерна, которое подвергается тенденциям глобализации и информатизации, — в центр внимания выдвигается идея реализации новых принципов организации сообществ. Можно говорить о том, что современные организации выступают в определенном смысле сообществами, которые делают ставку на высококвалифицированных специалистов и стремятся сформировать для них комфортные способы взаимодействия, сотрудничества и выполнения трудовых обязательств. Изменяется мотивационная сторона трудовой деятельности человека: «с максимизацией получаемого дохода и с обеспеченности работой акцент сдвигается в сторону более настоятельного запроса на интересную и осмысленную работу» [5, с. 215]. Неизбежны метаморфозы во взаимоотношениях между субъектом менеджмента и остальным персоналом. Конечно, с одной стороны, акцент смещается на проникновение демократических тенденций в управленческие процессы, но в то же время можно наблюдать тренды применения руководством компаний рыночных механизмов при реализации функций менеджмента. Нужно заметить, что обе тенденции предполагают использование

постмодернистского образа ризомы. С помощью ризомы мыслители стремились описать форму современного общества. По аналогии такой же образ может быть применен к форме современных организаций. Предполагается, что известную логику М. Фуко — и ряда других мыслителей, которые продвигали идею биовласти и не принимали идею иерархичной модели власти, — целесообразно переложить на организацию культуры конкретных компаний. Корпоративная культура, таким образом, воспринимается как система, связующая всю совокупность современных связей и отношений. Можно согласиться с идеями Л. А. Бургновой, которая придает значимость «дисфункциональности сильного менеджмента», в принципе угрожающей свободе и автономии личности [5].

Современные разработки в области менеджмента содержат критику иерархизированного подхода к менеджменту, в рамках которой предполагается, что идея «менеджеры генерируют идеи, планируют и определяют стратегию, а функции рабочих состоят в практическом осуществлении предписанного» отходит в сторону [12, с. 28]. Такая вертикальная система регламентации управления формирует «плоское поле» управления современными организациями. Более того, критике подвергается механистический взгляд на принципы менеджмента: управляющие имеют сильные рычаги управления, а управляемые находятся под полным контролем.

Важной представляется идея Э. Мейо [6], согласно которой администрация должна научиться *использовать стремление сотрудников к действию* в своих интересах. Принципиальным оказывается «мягкий контроль», с помощью которого становится возможным сотрудничество рабочих с администрацией и максимальное повышение производительности как отдельных мастеров, так и бригад. Также Мейо высказал идею о том, что мотивационным может быть положение, при котором под сокращение штатов попадают

только те сотрудники и группы, которые не справляются с выполнением высокоэффективного труда по своему функционалу. На этом основании корпоративная культура современных организаций представляется выражением постмодернистского дискурса, в том смысле, что классическая концепция технократизма и использования вертикали власти подменяется — заменяется другими властными ресурсами. На первом плане оказывается человеческий аспект менеджмента как искусства управления, в частности невластные факторы, среди которых: преодоление усталости работников, вызванной монотонным характером работы; авторитет и признание со стороны коллег и руководства; возможность профессионального и карьерного роста [6, с. 416]. Этот неполный список факторов заслуживает крайне высокого внимания, контроля и регулирования. Именно эти факторы, как полагает ряд учебных, могут оказать куда более действенное влияние на выполнение функций менеджмента и, как следствие, позволят сформировать, реализовать на практике корпоративную культуру в современной организации. Кроме того, отметим, что формируемую таким образом корпоративную культуру определяют непринудительные, неиерархические методы влияния, что организует максимально благоприятный микроклимат в современных корпорациях, поскольку дает возможность каждому из сотрудников почувствовать свою значимость, осознать личную ответственность за свое будущее и будущее корпорации.

Не менее важна для постмодернистской парадигмы менеджмента и формирования корпоративной культуры идея *работы не с отдельными людьми, а с коллективами*, в которых изначально уже сложились традиции, ценности и идеалы. Такой подход близок эмерджентной теории, поскольку предполагает примат более высокой эффективности труда со стороны коллектива, нежели со стороны отдельного работника. Более того, данная стратегия позволяет апеллировать

к категории сотрудничества, что дает больший кумулятивный эффект, нежели идея тактического или стратегического конфликта.

В современной социальной философии отчетливо оформилась прагматическая составляющая: она подразумевает не абстрактную выработку предельных оснований, которые цепны сами по себе, но создание таких моделей, референсы которых обнаруживались бы в эмпирических контекстах. В дополнение к анализу теоретических подходов необходимо осуществить исследование корпоративной культуры в плоскостях образования и управления, а именно изучить опыт ее формирования и развития в рамках организаций, ответственных, по нашему мнению, за интеллектуальное и инновационное развитие любого государства, т. е. в высших учебных заведениях.

Под корпоративной культурой высшего образовательного учреждения следует понимать систему ценностей, сложившихся в образовательной и научной деятельности университета в процессе его создания, функционирования, трансформации и развития под воздействием внешней среды.

Следует отметить, что в образовательных учреждениях вопросу развития корпоративной культуры необходимо уделять должное внимание, так как она подвергается постоянному воздействию со стороны различных субкультур, носителями которых являются обучающиеся и сотрудники [16, с. 183]. А значит, корпоративная культура университета должна, с одной стороны, отвечать меняющимся запросам извне, а именно соответствовать переходу от традиционного подхода к инновационному, проектно-предпринимательскому, с другой — противостоять угрозе видоизменения, сохранять свою идентичность, традиции [4, с. 214, 218].

Считаем, что главной ценностью университета является качество преподавания и обучения, а также сохранение сложившихся традиций и обычаев, которые поддерживаются университетскими сообществами. Анализ исследований вузовской корпоративной

культуры позволил выделить действующие ценности, которые можно сгруппировать по основным видам деятельности университета, чтобы создать форму ключевого ценностного ядра (см. рисунок).

Ценностное ядро университета оказывает влияние на формирование профессиональной культуры и ценностного отношения обучающихся к будущей профессии. Сегодня актуально развивать в университете инновационный и проектно-предпринимательский подходы к обучению, независимо от получаемой профессии и направления обучения. Внедрение новых подходов в образовательный и научный процессы способствуют расширению ценностного ядра университета. В корпоративную культуру включаются ценности предпринимательской, проектной и инновационной деятельности. Распределяя основные ценности в соответствии с образовательным и научным процессами вуза как социального института (см. рисунок), строим графическое изображение ценностного ядра университета.

1. *Ценности предпринимательской деятельности университета* отвечают вызовам внешней среды и требуют поиска дополнительных источников финансирования для долгосрочного развития. К ним можно отнести: экономическую эффективность вуза, качество и ответственность за результат деятельности, деловую этику, положительную репутацию и имидж, верность слову,уважительное отношение к партнерам и потребителям, развитие организации и получение прибыли, высокую вовлеченность обучающихся в предпринимательство.

2. *Ценности проектной деятельности университета* направлены на совершенствование образовательного процесса и повышение конкурентоспособности вуза, сотрудников и обучающихся. К ним можно отнести: профессиональное самоопределение, самостоятельность, системность, коммуникальность, работу в команде, творческую самореализацию.

3. Ценности инновационной деятельности университета направлены на создание и развитие в вузе инновационной среды для привлечения в образовательную организацию талантливых профессионалов. К ним можно отнести: новаторство, взаимное доверие, развитие инновационного сознания, снижение издержек, коммерциализацию результатов научных исследований и разработок, новые продукты и услуги.

При этом важно понимать, что корпоративная культура представляет собой фактор инновационных преобразований, которые способны вывести на первое место человеческий капитал [9]. Ресурсы всех уровней (социальные, поведенческие, интеллектуальные и другие) становятся своего рода корпоративным капиталом, который дает возможность компании развиваться в соответствии со стратегией и тактикой ее существования.

Безусловно, ранжирование и выбор ценностей, составляющих ценностное ядро университета, будет происходить на пересечении социокультурной реальности и субъективной оценочной деятельности каждого сотрудника и обучающегося [17, с. 51]. Необходимо подчеркнуть, что составляющие ценностного ядра университета определяют цель каждого вида деятельности образовательной организации, способствуют ценностному выбору и формированию ценностных приоритетов.

В целом можно говорить о том, что корпоративная культура современной организации обладает рядом философских оснований, среди которых важными представляются *ценностный подход, теория социальных практик и постмодернистский подход*. В качестве первого философского основания признается *система предпочтений*, как для организации,

так и для сотрудников, что позволяет соглашаться интересы обеих сторон. Теория социальных практик позволяет говорить о реализации телеологического, аксиологического и прагматического аспектов формирования деятельности человека и организации. Постмодернистское основание корпоративной культуры выражает возможность формирования горизонтальных способов регулирования, с применением психологических приемов убеждения и мотивирования сотрудников.

Все представленные основания корпоративной культуры современных организаций способствуют формированию таких принципов взаимодействия, которые дают коллективу максимальную эффективность трудовой и социальной интеракции.

Список литературы и источников

1. **Аверин А. В.** Ментальные и ценностные основания корпоративной культуры // Транспортное дело России. 2012. № 6-1. С. 80—82.
2. **Агафонова Т. П.** Право и рациональность // Философия права. 2010. № 5 (42). С. 28—31.
3. **Астахова Н. В.** Корпоративная философия как основа креативной организации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 3 (71). С. 190—193.
4. **Андомин О. В., Косинова С. Н.** Корпоративная культура вуза как педагогическая проблема // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5/2 (64). С. 201—209.
5. **Бурганова Л. А.** Ревизия ценностей науки управления // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 3. С. 212—219.
6. **Добриной О. А.** Представления о человеке труда в классической социологии управления организацией: Фредерик Тэйлор и Элтон Мэйо // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. № 3. С. 412—420. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-412-420>
7. **Ерохин В. С.** Социальные практики и персональная идентификация личности // Цифровой ученьи: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 4. С. 145—157. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-145-157>
8. **Иноземцев В. Л.** «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // Социологические исследования. 2000. № 6. С. 67—77.
9. **Капитонов Э. А., Зинченко Г. П., Капитонов А. Э.** Корпоративная культура: теория и практика. М.: Альфа-Пресс, 2005. 352 с.
10. **Капрова Ю. А.** Ценностно-ориентированный подход к формированию организационной культуры российских предприятий // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 140—144.
11. **Каячев Г. Ф., Локтионов Д. А.** Эволюция ценностного подхода в управлении компанией // Лидерство и менеджмент. 2019. Т. 6. № 4. С. 397—408. <https://doi.org/10.18334/lim.6.4.41377>
12. **Мальковская И. А.** Трансформация государства и эволюция публичного администрирования в условиях глобализации (актуализация европейского опыта для России) // Вестник Российской академии дружбы народов. Серия: Политология. 2006. № 8. С. 27—43.
13. **Окатов В. А., Соловьев Д. А.** Понятие и виды корпоративной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 35—47.
14. **Сущенцова М. С.** Утилитаризм И. Бентами и Дж. С. Милля: от добродетели к рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2017. Т. 33. № 1. С. 17—35. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.102>
15. Управление персоналом / под ред. Т. Ю. Базарова, Т. Л. Еремина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2002. 560 с.
16. **Фахретдинова А. Б., Замалетдинова Л. Р.** Корпоративная культура высшего учебного заведения: базовые составляющие // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 2. С. 182—185.
17. **Факторович А. А.** Ценностные приоритеты современных преподавателей вуза // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2011. № 4 (23). С. 46—52.
18. **Шейн Э. Г.** Организационная культура и лидерство: построение, эволюция, совершенствование. СПб.: Питер, 2002. 336 с. (Теория и практика менеджмента).

References

1. Averin A. Mental and valuable bases of the corporate culture. *Transportnoye delo Rossii = Transport Business of Russia*, 2012, no. 6-1, pp. 80—82. (In Russian).
2. Agafonova T. P. Law and rationality. *Filosofiya prava*, 2010, no. 5 (42), pp. 28—31. (In Russian).
3. Astahova N. V. Corporate philosophy as the basis of creative organization. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review: Series Humanities*, 2009, no. 3 (71), pp. 190—193. (In Russian).
4. Andomin O. V., Kosinova S. N. Corporate culture of a higher education establishment as pedagogical problem. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 5/2 (64), pp. 201—209. (In Russian).
5. Burganova L. A. Revision of management values. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 212—219. (In Russian).
6. Dobrina O. A. The ideas of the person of work in classical sociology of organization management: Frederik Taylor and Elton Mayo. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psichologiya. Sotsiologiya = Perm University Herald. Series Philosophy. Psychology. Sociology*, 2019, no. 3, pp. 412—420. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-3-412-420>
7. Erokhin V. S. Social practices and personal identification. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosofa = The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2021, vol. 4, no. 4, pp. 145—157. (In Russian). <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-145-157>
8. Inozemtsev V. L. “Class of intellectuals” in post-industrial society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2000, no. 6, pp. 67—77. (In Russian).
9. Kapitonov E. A., Zinchenko G. P., Kapitonov A. E. *Corporate Culture: Theory and Practice*. Moscow, Al'fa-Press Publ., 2005. 352 p. (In Russian).
10. Kaprova Yu. A. Value approach to Russian enterprises' organizational culture model forming. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, no. 80, pp. 140—144. (In Russian).
11. Kayachev G. F., Loktionov D. A. Evolution of the value approach in company management. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and Management*, 2019, vol. 6, no. 4, pp. 397—408. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/lim.6.4.41377>
12. Mal'kovskaya I. A. Transformation of the State and evolution of public administration under conditions of globalization: (actuality of the European experience for Russia). *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science*, 2006, no. 8, pp. 27—43. (In Russian).
13. Okatov V. A., Solovev D. A. Notion and types of corporate culture. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki = Tambov University Review: Series Social Sciences*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 35—47. (In Russian).
14. Sushentsova M. S. Utilitarianism of J. Bentham and J. S. Mill: from virtue to rationality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 33, no. 1, pp. 17—35. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.102>
15. *Personnel Management*, eds. T. Yu. Bazarov, T. L. Eremin. 2nd ed., rev. and enlarg. Moscow, YUNITI Publ., 2002. 560 p. (In Russian).
16. Fakhretdinova A. B., Zamaletdinova L. R. Corporate culture of higher education institutions: basic components. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii = The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2020, no. 2, pp. 182—185. (In Russian).
17. Faktorovich A. A. Value priorities of modern university lecturers. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psichologiya = St. Tikhons University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2011, no. 4 (23), pp. 46—52. (In Russian).
18. Schein E. H. *Organizational Culture and Leadership: A Dynamic View*. San Francisco, CA, Jossey-Bass, 1992. 358 p.

Информация об авторах

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Григашкина Светлана Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, начальник научно-инновационного управления Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28).

Information about the authors

Nikita N. Ravochkin — Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Associate Professor of History, Philosophy and Social Sciences Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya street, 28); Associate Professor at Department of Educational Technology, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva street, 5).

Svetlana I. Grigashkina — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Head of Scientific and Innovation Department, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya street, 28).

Статья поступила в редакцию 31.08.2022.

The article was submitted 31.08.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 136–149.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 136–149.
Научная статья

УДК 1:321.01 + 354
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-136-149

Законодательная и исполнительная ветви власти в системе разделения властей: социально-философские и административные аспекты

T. V. Расти meshina, D. S. Качуренко

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

rast-v2012@yandex.ru

Аннотация. Принцип разделения властей рассматривается в трех аспектах: как идеологический и мировоззренческий принцип, лежащий в основе теории общественного договора; как теория и элемент методологии общественных наук; как политическая и правовая конструкция, составляющая основу дизайна политических систем. Утверждается, что на прикладном уровне наиболее продуктивно понимать разделение властей как принцип оптимального устройства государственного аппарата, при котором функции и полномочия государства как носителя единой власти рационально распределены между государственными органами трех ветвей власти. Рассматриваются теоретические основания для определения законодательной ветви власти в качестве основополагающей, приоритетной. Отмечается, что теоретических оснований для выделения в качестве приоритетной одной из ветвей власти сегодня недостаточно.

Ключевые слова: разделение властей, государство, политическая система, конституционализм, теория общественного договора

Для цитирования: Расти meshina Т. В., Качуренко Д. С. Законодательная и исполнительная ветви власти в системе разделения властей: социально-философские и административные аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 136–149. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3>

Original article

Legislative and executive branches of government in the system of separation of powers: socio-philosophical and administrative aspects

T. V. Rastimeshina, D. S. Kachurenko

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

rast-v2012@yandex.ru

Abstract. In this work, the principle of separation of powers is considered in three aspects: as an ideological and worldview principle underlying the theory of the social contract; as a theory and an element of the methodology of social sciences; as a political and legal structure behind the design of political systems. It is argued that at the applied level, the most productive is the understanding of the separation of powers as the principle of the optimal structure of the state apparatus, in which the functions and powers of the state as the bearer of a single authority are rationally distributed among the state bodies of the three branches of government. The theoretical grounds for determining the legislative branch of government as a fundamental, as a priority have been considered. It is noted that there are currently not enough theoretical grounds for singling out one of the branches of government as a priority.

Keywords: separation of powers, state, political system, constitutionalism, theory of social contract

For citation: Rastimeshina T. V., Kachurenko D. S. Legislative and executive branches of government in the system of separation of powers: socio-philosophical and administrative aspects. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 136–149. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-136-149>

Введение. Научная рефлексия сущности власти вообще и сущности государственной власти в частности еще с Античности сопровождалась осмыслиением парадокса, заключающегося в диалектической взаимосвязи в пространстве феномена власти двух принципов: суверенитета и самоограничения. Оба они как в отдельности, так и в связи друг с другом развивались в ходе научной эволюции, сопрягаясь и разворачиваясь в пространстве философских, теологических, политических теорий и концепций. Социально-политические процессы и всё пространство социальной эмпирии лишь подчеркивало неослабевающую актуальность всех научных проблем, раскрывающихся в пределах осмыслиения этого парадокса.

Человек, будучи по меткому выражению Аристотеля «животным политическим», зависит от общества с первых минут жизни и долго после смерти: его биография, судьба, положительный вклад в общественные отношения или совершённые преступления остаются в памяти социального организма тем дольше, чем более глубокий след удалось оставить человеку на его теле. Вместе с тем глубина, содержание и векторная направленность взаимозависимости человека и общества во многом определяются соотношением

интересов личности и общества. Если интересы личности совпадают или бесконфликтно соотносятся с интересами общества, вектор социально значимого поведения человека, как правило, совпадает с вектором поступательного общественного развития. В случае их несовпадения могут иметь место конфликты, в том числе с применением разных видов принуждения и насилия. Социальные связи, в основе которых лежит подчинение воли одних людей воле других, т. е. связи «власть – подчинение – принуждение», императивны по своему содержанию. Отношения «личность – общество, личность – государство», имеющие в основе властные взаимоотношения, по своей сути дуалистичны и диалектичны, поскольку основываются на наличии потребностей, в том числе взаимных, и интересов, в том числе совпадающих, и ценностей, также совпадающих и противоположных. Соответственно, для человека и общества государство выступает основным механизмом самоорганизации и саморегуляции, в том числе через отношения властования, а общество – средой, условиями, основой и целью существования.

На этапе становления государственных отношений в обществе рождается и крепнет высшая форма власти – власть государства

над социумом и индивидом. Государство как самый весомый политический институт обладает не только монополией на законотворчество, управление всеми типами общественных отношений, легальное применение насилия, но и аппаратом, который приказывает членов общества жить по законам, установленным государством, и выполнять обязанности, возложенные на человека социумом и самим государством. Следует отметить, что задачи и интересы государства, сконцентрированные в функционировании механизма аппарата принуждения, не только не совпадают с интересами отдельной личности и гражданского общества, но часто контраправлены по отношению к ним. Отсюда государство регулирует поведение человека сверху вниз: каждый индивид должен согласовывать свои потребности с государством и при необходимости умерять их, в соответствии с интересами и задачами, воплощенными в аппарате принуждения.

Таким образом, чем более развиты механизмы государственного регулирования поведения человека, тем более противоречивыми становятся взаимоотношения между обществом и государством, человеком и государством: с одной стороны, человек вынужден обращаться к государству за защитой своих интересов, и его защищенность от произвола со стороны других членов общества тем больше, чем более мощным является аппарат принуждения; с другой стороны, человек ради этой защиты вынужден жертвовать значительной частью своей личной свободы и уступать возможность распоряжения частью своих ресурсов в пользу государства. Это противоречие усиливается закономерностью, выявленной еще античными авторами и признаваемой практическими всеми классиками общественной мысли: само государство, концентрируя власть, может применять ее и насилие произвольно, становясь «всесильным Левиафаном»,ственный произвол которого душит свободу личности. Соответственно, как отмечают уже

современные авторы, «по мере развития государственно-властных и публично-правовых отношений благополучие личности все более зависит от того, насколько государство адекватно своему назначению, и какую цену за это приходится платить» [18, с. 1212].

Возникающие в пространстве выделенных парадоксов проблемы на теоретическом и практическом уровне пытались решить лучшие умы человечества: «Теологи, философы, ученые искали ответ на один из самых сложных вопросов социального бытия: как примирить природу государственной власти с потребностями свободы личности» [18, с. 1212]. Основным направлением поиска стало определение диапазона свобод, прав, возможностей и интересов государства, с одной стороны, и личности, с другой, и нахождение наиболее сбалансированного и гармоничного сочетания между ними, при котором общество смогло бы свободно развиваться, а государство получило бы возможность эффективно управлять этим развитием.

Эти поиски породили несколько основных научных концепций, каждая из которых так или иначе касается проблем формы существования и осуществления государственной власти и управления и самое обобщенное теоретическое воплощение которых получило название «теория разделения властей».

Основы теории. Большая часть ученых [4; 6; 10; 11, с. 174–179; 12; 29] называет основоположниками теории разделения властей Дж. Локка [20; 21], Ш. Монтескье [24; 25; 26] и других мыслителей эпохи Просвещения [31; 32]. Вместе с тем нельзя не признать справедливость суждений и тех авторов [1], которые находят истоки теории разделения властей еще в трудах Платона, Аристотеля и Полибия [3; 27; 28].

В основе теории лежат идеологические, философские, правовые, политические аспекты принципа разделения властей. Сегодня он всесторонне проработан на теоретическом уровне и составляет основу правовых, политических

и философских концепций. Одноименная теория также лежит в основе практики законотворчества и политического управления во многих странах. В либерально-демократическом мире принцип разделения властей глубоко внедрен в индивидуальное и групповое сознание как один из базовых мировоззренческих принципов. В отечественной научной литературе осмыслинию этого принципа также посвящено немало статей и научных работ. Вместе с тем в современной науке нет полного единобразия мнений по вопросу, каким же образом следует интерпретировать и воплощать в практику государственного управления сам принцип разделения властей, сформулированный классиками политической и правовой мысли — Дж. Локком и Ш. Монтескье.

Очертить и облегчить задачу осмыслиения этого принципа поможет разделение его на три составляющие:

1) идеологический и мировоззренческий принцип, на котором основаны теория общественного договора, большинство современных теорий демократии, правового государства и открытого общества;

2) в философских и политических науках — важнейший элемент методологии, применение категориально-методологического инструментария которого служит ключом к пониманию и интерпретации политической и правовой реальности;

3) политическая и правовая конструкция, лежащая в основе конституционной организации многих современных политических систем и устройства государственных механизмов.

Все три аспекта принципа разделения властей тесно взаимосвязаны, поскольку развивались в пространстве одной теории в контексте трансформации политико-правовых реалий в западных государствах, начиная с эпохи Просвещения и до наших дней. Соответственно, в большинстве современных научных работ *принцип разделения властей* понимается как идеальный принцип

устройства государственного механизма, имеющий теоретическое и идеологическое обоснование в контексте теории разделения властей, воплощенный в правовой и политической организации современных правовых государств и обретающий, соответственно, специфическое «звучание» в законах и политической жизни каждого из этих государств.

Научные интерпретации принципа разделения властей также можно условно разделить на три группы. В рамках *первой* принцип понимается философски широко, в нем акцентируются ценностные, идеологические составляющие, его базисное значение для западной демократической политической культуры участия. Действительно, идеологическое, теоретическое, философское значение принципа разделения властей для формирования теоретических основ правового государства, демократии, концепции прав и свобод человека и гражданина и других важнейших теорий и концепций трудно переоценить. Особенno ярко идеологическая мощь теории разделения властей может быть проиллюстрирована на примере эпохи Нового и Новейшего времени, когда в большинстве западных стран монархические формы правления сменялись республиканскими и формировались демократические политические режимы и культуры, «второе рождение». Идеологический пафос теории разделения властей пережил в середине — конце XX в. в так называемых посткоммунистических странах и странах «молодых демократий», в том числе в России [23]. Теоретический потенциал теории разделения властей используется и в современной политической практике: как мощнейшее оружие идеологического, иногда даже пропагандистского нападения и как щит для обороны от идейного противника. Идейное наполнение принципа разделения властей носит и популистский, и даже обыденно-популярный характер.

Приверженцы *второго* подхода акцентируют преимущественно политические и правовые аспекты принципа разделения властей.

Действительно, если для первого подхода важны внешние очертания рассматриваемого принципа, то для второго — буквально и непосредственно — место прохождения черты, отделяющей одну ветвь власти от другой. Актуальность решения вопроса о том, каким образом необходимо разделить власть, подчеркивается, в частности, тем фактом, что отцы-основатели теории по-разному видели конфигурацию государства, образующегося при этом разделении. Так, по теории Дж. Локка, «всё подчиняется законодательной власти», поскольку «тот выше, кто может подписывать законы» [21, с. 51], однако для Дж. Локка судебная власть не существовала в качестве отдельной и независимой: философ рассматривал ее в качестве составного элемента исполнительной власти. Напротив, Ш. Монтескье выделял и рассматривал судебную власть, определял ее специфику, тем не менее подчеркивая, что при всей ее важности судебная ветвь власти почти ничто как власть, поскольку судьи — это не что иное, как «уста закона» [25, с. 266].

Именно в рамках второго подхода акцентируется необходимость такого внедрения принципа разделения властей в политическую практику, при котором дизайн политической системы представлял бы собой единство и одновременно неслияность трех ветвей власти, с четкими границами между их функциями и полномочиями, и при котором функционирование всей политической системы основывалось бы на механизме сдержек и противовесов [22; 37].

В рамках этого подхода актуализируется и разрешается различными теоретическими способами противоречие между содержанием принципа разделения властей и классической теорией власти, в которой необходимым атрибутом субъекта политической власти считается суверенитет. Именно он — необходимое и вместе с тем достаточное основание возникновения властных отношений, при которых субъект власти может свободно осуществлять свою волю в отношении

объекта власти. Соответственно, в классической теории власти, напоминает Р. В. Косов, «конкретная власть по своей природе неделима и не может являться частью чего-то, она не может быть зависимой в выборе средств воздействия на объект. При ограничении кем-то или чем-то его суверенитета субъект теряет свои качества, теряет свою власть как способ выражения собственной воли» [18, с. 1213—1214].

Из этого парадокса предполагается два возможных теоретических выхода. Первый: при реализации принципа разделения властей в политической практике политическая власть в форме государственной прекращает свое существование как феномен, поскольку государство утрачивает атрибуцию суверенитета, который, согласно теории власти, неделим и не может быть делегирован. Второй: в качестве субъекта государственной власти следует рассматривать государство — «одержателя» суверенитета; в результате реализации принципа разделения властей «делению» и распределению подвергается не государственная власть как таковая, а функции и полномочия государственного аппарата, делегируемые относительно самостоятельным и независимым его частям. Мы придерживаемся именно такого взгляда на разрешение отмеченного противоречия, тем более что он намного более распространен в политической науке, чем первый, и его разделяют большинство отечественных авторов.

Третий подход к сущности и содержанию принципа разделения властей заключается в разделении всех функций и полномочий государственной власти на три составляющие в управлении, прикладном аспекте и их распределении на три отдельные «ветви». В рамках этого подхода принцип разделения властей интерпретируется узко: как *оптимальное устройство государственного аппарата, при котором функции и полномочия государства как носителя единой власти рационально распределены между структурными элементами, каждый*

из которых представляют из органы государства, гибко,rationально и эффективно взаимодействующие через систему сдержек и противовесов, реализуя в своей деятельности определенную часть функций государства так, чтобы достигалась основная цель и смысл его существования — общественное благо.

Этот подход, по сути, можно считать дополнением и продолжением второго подхода к пониманию принципа разделения властей. Его методологический потенциал усиливается тем, что, согласно конституциям большинства современных демократических государств, народы являются источниками власти и носителями суверенитета. Отсюда принцип разделения властей можно рассматривать как принцип разделения функций, компетенций и полномочий между органами, осуществляющими государственную власть и управление [2; 23].

Соответственно, определенная грань смысла и задач существования государства воплощается в одной из ветвей власти, а в рамках этой ветви — в одном из государственных органов, его полномочиях и компетенции. Такой подход также заключает в себе необходимость разрешения многих проблем на теоретическом уровне, в частности, проблем определения функций, целей и задач государства, проблем соотношения естественного и позитивного права [9] и др. Вместе с тем подобная трактовка, актуализируя многие проблемы государства и права, способствует и их разрешению как на теоретическом, так и на прикладном уровнях.

Важно отметить, что в XXI в. принцип разделения властей может быть интерпретирован шире, чем в классической науке; более того, его весомость и значимость для развития и общественной теории, и политической и правовой практики продолжает возрастать. Действительно, подчеркивает Р. В. Косов, «упоминание о разделении власти в названии этой политико-правовой доктрины является в большей степени символичным, так как действительный смысл своим содержа-

нием охватывает практически все стороны властно-государственных отношений, составляющих основу социального бытия» [18, с. 1214].

Трудно согласиться с теми авторами, которые вслед за А. А. Грекаловым утверждают, что «некоторые, в том числе и основополагающие, постулаты классической, восходящей еще к Дж. Локку и Ш. Л. Монтескье теории разделения властей практически устарели, не вполне соответствуют сегодняшней действительности и поэтому нуждаются в корректировке и обновлении» [8, с. 25]. На наш взгляд, речь должна идти скорее о сохранении отношения к теории разделения властей как к основополагающей доктрине, которую следует адаптировать, среди прочего в теоретико-методологическом отношении, к изменению политических и правовых реалий. Не в полной мере согласны мы и с утверждением А. А. Грекалова о необходимости пересмотреть «укоренившиеся в отечественной и зарубежной юридической науке представления о соотношении, взаимосвязи и взаимодействии трех основных властей — законодательной, исполнительной и судебной, и, прежде всего об их значимости и роли в государственной системе общества» [8, с. 25].

На наш взгляд, чем дальше мы отходим от теоретических постулатов классических теорий, тем более пристально и критично следует относиться к анализу конфигурации современных политических систем. Более того, уместно задаться вопросом, лежит ли в их основе собственно принцип разделения властей или это уже что-то совершенно иное, не имеющее прямого отношения к постулатам классических теорий. Речь должна идти, как нам представляется, не об апологетическом отношении к теории ради самой теории, а о трезвом и критическом отношении к изменениям политических и правовых систем, в которых ведущими далеко не всегда являются тенденции изменений от худшего к лучшему, от несовершенного — к воплощению теоретических идеалов.

Действительно, классики Просвещения, как правило, исходили из постулата о доминировании законодательной власти над исполнительной. Как отмечалось, Дж. Локк утверждал, что законодательная власть — та власть, которая реализует функцию общественной скрепы конституционного порядка. Он, в частности, писал: «В конституционном государстве, опирающемся на свой собственный базис и действующем в соответствии со своей собственной природой, т. е. действующем ради сохранения общества, может быть всего одна верховная власть, а именно законодательная, которой все остальные подчиняются» [20, с. 314]. С природой именно законодательной власти связывал сущность единого, неделимого и неотчуждаемого народного суверенитета Ж.-Ж. Руссо. Он утверждал, что равновесие и гармония между государственными органами, осуществляющими различные государственные функции, могут быть достигнуты за счет совершенствования законодательной власти, которая является верховой, поскольку именно в ее осуществлении естественный образом реализуется народный суверенитет [32, с. 168—169, 378—379].

В эпоху Великой французской революции отношение к принципу разделения властей изменялось от полного неприятия при якобинском режиме (якобинская конституция 1793 г. содержит нормы, прямо отрицающие основы доктрины) до постулирования в качестве «первого условия свободного правления» в буржуазной конституции 1795 г. При этом основной властью считалась все же, как и у Дж. Локка, законодательная как обеспечивающая общественное равновесие и порядок за счет верховенства закона [21, с. 53].

Американские теоретики-конституционалисты также утверждали, что республиканская форма правления предполагает такое устройство государственного аппарата, при котором законодательная власть, делегированная избираемому органу, доминирует над исполнительной. В частности, в основу

американской конституции Т. Джефферсон положил принципы, постулированные Дж. Локком. Вместе с тем Т. Джефферсону принадлежит мысль, что законодательная власть доминирует над исполнительной не только и не столько в теории, сколько по сути и в политической практике, поскольку «все полномочия управления — законодательные, исполнительные и судебные, — оказались у законодательного корпуса» [38, с. 114]. И именно Т. Джефферсон выражал опасения по поводу того, что преобладание одной из ветвей власти — хотя бы и законодательной, воплощающей в себе народный суверенитет, — изменяет и даже дискредитирует сам принцип разделения властей, поскольку при доминировании одной из ветвей механизм сдержек и противовесов не работает. В частности, Т. Джефферсон отмечал, что «сто семьдесят три деспота, безусловно, являются такими же угнетателями, как и один» [38].

Недостатки локковской модели разделения властей на основе доминирования законодательной власти, замеченные американскими теоретиками уже на первых этапах становления американского конституционализма и парламентаризма, послужили побудительным мотивом для усовершенствования модели путем внедрения в нее схем, предложенных Ш. Монтескье: в частности, разделения власти не только по горизонтали (законодатель — исполнитель — арбитр), но и по вертикали (федерация — штаты).

Российская общественная мысль рефлексировала основы теории разделения властей в связи с необходимостью реформирования основ российского самодержавного абсолютизма задолго до появления объективных политических предпосылок к самому реформированию. Особая роль в формировании теоретического базиса российского понимания доктрины разделения властей принадлежит, безусловно, М. М. Сперанскому. Этот мыслитель еще в начале XVIII в. пытался найти возможность применения

теорий французских просветителей в проектах реформирования российского самодержавия, исходя из постулата, что «нельзя основать правление на законе, если одна государственная власть будет и составлять закон, и исполнять его» [33, с. 13]. Считая самодержавную власть незыблемой имманентной составляющей российской политической системы, М. М. Сперанский тем не менее предлагал два различных варианта ее реформирования. Первый состоял в сохранении всех основ самодержавия, но с облечением их во внешние формы закона: по сути, речь шла об ограниченной законом монархии. При этом законодательная власть, по мысли М. М. Сперанского, должна принадлежать особому сословию, но состоять «в совершенной зависимости от власти самодержавной» [33, с. 14], а исполнительная — быть учреждена так, чтобы она «по выражению закона состояла в ответственности, но по разуму его была бы совершенно независима» [23, с. 15].

Второй вариант, изложенный в плане М. М. Сперанского, — более радикальное преобразование, при котором законодательная власть подчинялась бы среди прочего воле народа. В частности, природа законодательного сословия должна была выражать следующий принцип: «Чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное», при этом исполнительная власть должна быть вверена правительству, которое несет «ответственность перед властью законодательной» [33, с. 15]. Сам М. М. Сперанский отдавал предпочтение второму варианту, который в большей степени соответствует философским традициям Просвещения и в котором сохранен классический принцип доминирования законодательной власти над исполнительной. Кроме того, М. М. Сперанский отмечал, что во втором варианте реформирования в механизм осуществления власти будет заложен мыслительный и духовный потенциал русского народа, «кото-

рый имеет более доброго смысла, нежели пытливости, более простого и твердого разума, нежели воображения, коего характер трудно обольстить, нелегко убедить простою истиною» [33, с. 15].

Несмотря на то что мощное начало осмыслинию принципа разделения властей в российской науке было положено еще на заре XIX в., традиции абсолютизма, в которых воспитывался не только закон, но и дух российской науки, мешали объективному восприятию сущности доктрины Дж. Локка и Ш. Монтескье, поскольку сама возможность делимости власти отрицалась всем ходом российской истории [17, с. 139]. Вместе с тем наука преодолевала препятствия, существовавшие на уровне правовой и политической эмпирии, и выстраивала очертания тех доктрин, на содержание которых следовало ориентироваться обществу при осуществлении общественных преобразований. Тем более что необходимость самих преобразований в начале XX в. осознавали как объективную и члены царствовавшей семьи. Наиболее полно теория разделения властей раскрыта в трудах выдающегося исследователя-правоведа Ф. Ф. Кокошкина. Он выделил два принципа, на которых может основываться правовое государство в России: участие народа в законотворчестве и разделение властей. По сути, Ф. Ф. Кокошkin также придерживался просветительского взгляда на иерархию ветвей власти, считая законодательную власть, воплощенную в представительском органе, доминирующей. Причем согласно его идеям представительскому органу следовало также поручить контроль за бюджетом и численностью армии [13].

Таким образом, в начале XX в., на заре российского конституционализма, в недрах абсолютизма продолжали интенсивно формироваться теоретические основы представительской власти. Одновременно шел быстрый и болезненный, однако подготовленный российской юридической мыслью XIX — XX вв. процесс признания конституционализма

и принципа разделения властей в качестве новой идеологической и правовой основы развития государственности.

Значительный вклад в теорию разделения властей внес В. М. Гессен, один из основоположников русского парламентаризма. Как и большинство его научных предшественников, В. М. Гессен считал высшей формой власти законодательную. Он, в частности, писал: «Обособление законодательной власти от властей подзаконных и господство ее над последними обусловлено прежде всего представительным характером ее организации. <...> Господство законодательной власти, как власти верховной, является отличительным свойством правового государства... <...> Только парламентский строй, всесторонне подчиняющий правительственныйную власть законодательной, соответствует сущности демократического принципа, природе народовластия» [7, с. 289]. Сформулировал В. М. Гессен и само определение закона, назвав его «высшей в государстве юридической нормой» [7, с. 289] и подчеркнув его верховенство «по сравнению с правительенным распоряжением» [7, с. 290]. Таким образом, в доминировании законодательной власти над исполнительной ученые начала XX в. видели воплощение не только принципа народовластия, но и принципа верховенства закона.

Результаты. Идея доминирования законодательной власти над исполнительной, как и сама идея разделения властей, находит воплощение в устройстве механизмов некоторых современных западных государств, в первую очередь — парламентских республик. Кроме того, по наблюдению А. А. Грекалова, «баланс властей в той или иной стране <...> никогда не представлял собой величину постоянную и неизменную; зачастую он менялся именно в пользу власти законодательной» [8, с. 27].

В современной, в том числе отечественной, науке идея доминирования законодательной власти над остальными составляю-

щими властно-государственного механизма также находит поддержку значительного числа ученых. В частности, В. А. Туманов, В. Е. Чиркин и Ю. А. Юдин полагают, что законодательной власти принадлежит преимущество по следующим причинам:

- легитимность осуществляющего ее законодательного органа подтверждается и подкрепляется через всеобщие выборы, благодаря чему в законодательном органе как никаком другом воплощается идея народовластия;
- законодательному органу принадлежит монопольное право законотворчества, т. е. издания норм, общеобязательных к исполнению, в том числе органами и представителями всех ветвей государственной власти [34].

Среди сторонников доминирующей позиции законодательной власти немало и тех, кто приводит в качестве одного из подтверждающих свою позицию аргументов тезис о невозможности достижения фактического равновесия между ветвями власти. На этом постулате можно построить следующие рассуждения: «В ходе взаимодействия властей какая-то власть все-таки должна выйти на первое место, занять главенствующее положение, иначе весь государственный механизм может оказаться в ситуации нездоровой борьбы за первенство. С нашей точки зрения, такой властью может и должна выступать власть законодательная в лице представительского органа или же самого народа (например, референдума)» [30, с. 62].

Вместе с тем более широко распространена точка зрения, согласно которой «на вопрос о равенстве представительных, исполнительных и судебных органов или верховенстве одних над другими трудно дать однозначный ответ», поскольку каждая «занимает в системе свою нишу» [16, с. 497]. Причем дело, на наш взгляд, не только и не столько в том, что «каждая власть самостоятельна, равна другим и независима от них, подчиняясь только закону» [36, с. 257].

Это скорее утопический, а не объективный взгляд на политическую и правовую реальность. Реальность же такова, что в большинстве современных демократических стран равенство различных ветвей власти является лишь идеалом, а принцип разделения властей проводится таким образом, что, как правило, при постоянном изменении баланса сил главенствующая роль в структуре политической системы принадлежит исполнительной власти. Это обстоятельство фиксируется в трудах многих классиков общественной мысли. По словам К. С. Бельского, «и последовательный сторонник прусской монархии философ Гегель, и либеральный французский государствовед Эсмен, и умеренно-консервативный государствовед Н. М. Коркунов одинаково подчеркивали, что исполнительная власть гораздо полнее, чем законодательная, представляет единство, сущность, функциональную направленность государства...» [5, с. 15].

Те авторы, которые таким образом оценивают политическую и правовую реальность в осуществлении принципа разделения властей, могут никак не оценивать сложившееся положение вещей, констатируя верховенство исполнительной власти как объективную данность. Так, Л. М. Энтин пишет: «Правительство в большинстве зарубежных стран осуществляет верховное политическое руководство и общее управление делами государства» [15, с. 266]. Что касается причин такого положения вещей, их немало, и мы выделили только те, которые действительно имеют объективную природу.

Во-первых, исполнительная власть концентрирует в своих руках большую часть властных ресурсов государства: государственный бюджет и все финансовые ресурсы, природные и демографические ресурсы, материально-технические ресурсы и технологии, информационные и интеллектуальные ресурсы и др. В эпоху информационного взрыва и информационной революции вся

информация о функционировании государства и общества сосредотачивается в органах исполнительной власти, а доступ к информационным ресурсам делает возможности власти и управления почти безграничными. Так, «почти повсеместно исполнительная власть, даже без особых конституционных полномочий, получает преобладание над законодательной просто в силу того, что первой получает необходимую для управления информацию и сама определяет, что из этой информации должно быть сообщено власти законодательной» [14, с. 309].

Во-вторых, исполнительная власть в лице правительств и президентов обладает огромными возможностями влияния на другие ветви власти, в том числе законодательную. Эти возможности весьма широки даже в правовом поле, и конституции большинства демократических стран предоставляют преимущественное право законодательной инициативы президентам и правительствам. Показательны в этом плане результаты исследований С. С. Сулакшина с соавторами: в России с 1996 г. по 2007 г. (если все принятые Государственной Думой за этот период законы составляют за 100 %) форму законов приобрели только 14 % законодательных инициатив депутатов Государственной Думы РФ, притом что инициативы Президента РФ приобрели законодательное воплощение на 87,57 % [35, с. 88–89].

Выходы. Итак, в большинстве демократических стран принцип разделения властей воплощен в политической системе таким образом, что исполнительная власть доминирует над законодательной и судебной. Сама исполнительная власть может быть устроена по-разному, однако орган или должностное лицо, стоящее во главе исполнительной власти, образует центр политической системы, концентрируя самый большой объем властных полномочий и оказываясь во главе государства.

Список литературы и источников

1. **Абашмадзе В. В.** Учение о разделении государственной власти и его критика. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1972. 51 с.
2. **Автономов А. С.** Избирательная власть. М.: Права человека, 2002. 81 с.
3. **Аристотель.** Политика / пер.: С. А. Жебелев // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 375—644.
4. **Баскин М. П.** Монтескье. 2-е изд., стер. М.: Мысль, 1975. 165 с. (Мыслители прошлого).
5. **Бельский К. С.** О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3. С. 14—21.
6. **Волгин В. П.** Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 415 с.
7. **Гессен В. М.** О правовом государстве // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 5. М.: Мысль, 1999. С. 289—291.
8. **Грекалов А. А.** Исполнительная власть в системе разделения властей // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 25—27.
9. **Гуляихин В. Н.** Диалектика естественного и позитивного права как источник общественно-правового прогресса // NB: Вопросы права и политики. 2013. № 3. С. 221—238.
10. **Деборин А. М.** Социально-политические учения нового и новейшего времени: в 3 т. Т. 1: Социально-политические учения нового времени. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 628 с.
11. История политических учений: учебник / под ред. С. Ф. Кечекьяна, Г. И. Федькина. 2-е изд. М.: Госюриздан, 1960. 894 с.
12. **Кечекьян С. Ф.** Политические и правовые взгляды Монтескье // Советское государство и право. 1955. № 4. С. 41—52.
13. **Кокошкин Ф. Ф.** Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права: Конспект лекций, сост. слушателем Н. Невзоровым, под ред. лектора. Вып. 1. М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. 88 с.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: [в 4 т.] / рук. авт. колл-ва и отв. ред. Б. А. Страшун. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1—2: Общая часть. М.: Бек, 1996. 757 с.
15. Конституционное право зарубежных стран / под общ. ред. М. В. Баглай и др. М.: Норма, 2004. 819 с.
16. Конституционное право: энциклопедический словарь / отв. ред. и рук. авт. колл-ва С. А. Авакян. М.: Норма, 2000. 675 с.
17. **Коркунов Н. М.** Русское государственное право / [сох.] Н. М. Коркунова. Изд. 4-е (без существ. перемен). Т. 2: Часть особенная. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. VI, 596 с.
18. **Косов Р. В.** Теория разделения властей как политico-правовой принцип и научная теория // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2004. Т. 10. № 4-2. С. 1211—1216.
19. **Краснов Ю. К.** Принцип разделение властей в России: теория и практика // Право и управление. XXI век: электрон. изд. 2005. № 1. URL: <https://mgimo.ru/files/33210/33210.pdf> (дата обращения: 22.09.2022).
20. **Локк Дж.** Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. и с примеч. А. А. Макаровского. М.: Соцэргиз, 1960. 532 с.
21. **Локк Дж.** О государстве. СПб.: П. П. Сойкин, ценз. 1902. 55 с. (Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса).
22. **Любашец В. Я., Мордовцев А. Ю., Тимошенко И. В.** Теория государства и права: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: МарТ, 2002. 507 с.
23. **Марченко М. Н.** Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 2001. 755 с.
24. **Монтескье Ш. Л. де.** Избранные произведения / [общ. ред. и вступ. ст. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлиной]. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
25. **Монтескье Ш. Л. де.** О духе законов / [сост., пер. и comment. примеч. авт. А. В. Матешук]. М.: Мысль, 1999. 672 с.: портр. (Из классического наследия).
26. **Монтескье Ш. Л. де.** О разуме законов / соч. г-на Монтескюя; пер. с фр. Вас. Крамаренковым. Тисн. 2-е. В Санктпетербурге: При Императорской Академии наук, 1801. XXXI, [1], 352 с.
27. **Платон.** Сочинения: в 3 т. Т. 1 / [ред. и авт. вступ. статьи А. Ф. Лосев]. М.: Мысль, 1968. 621, [2] с. (Философское наследие).

28. **Полибий.** Всеобщая история в сорока книгах / пер. с греч. Ф. Г. Мищенка, с его предисл., примеч., указателем, карт. М.: А. Г. Кузнецов, 1890—1899. Т. 1—3.

29. Политические учения: история и современность / отв. ред. В. Е. Гулиев. [Кн. 1]: Домаркисстская политическая мысль / В. Г. Графский, П. С. Грацианский, Н. Н. Деев и др. М.: Наука, 1976. 495 с.

30. Правовое государство: реальность, мечты, будущее / В. М. Боер, Ф. М. Городинец, Э. П. Григонис и др.; под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Алетейя: Изд-во С.-Петербург. ун-та МВД России, 1999. 245 с.

31. **Робеспьер М.** Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1965. 399 с. (Литературные памятники).

32. **Руссо Ж-Ж.** Трактаты / подгот. В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, Н. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. М.: Наука, 1969. 703 с. (Литературные памятники).

33. **Сперанский М. М.** План государственного преобразования графа М. М. Сперанского: (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.): С прил. «Записки об устройстве судебных и правительств. учреждений в России» (1803 г.), статей «О государственных установлениях», «О крепостных людях» и «Пермского письма к императору Александру». М.: Русская мысль, 1905. VI, 359 с.

34. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Манускрипт, 1996. 730 с.

35. **Сулакшин С. С.** Политическая и партийная система России и государственное управление // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2010. Т. 3. № 1. С. 85—103.

36. Теория права и государства: учеб. для юрид. вузов / [В. С. Афанасьев, А. Г. Братко, В. Н. Бутылин и др.]; под ред. В. В. Лазарева. М.: Новый юрист, 1997. 421 с.

37. **Халипов В. Ф.** Наука о власти. Кратология: учеб. пособие. М.: Ось-89, 2002. 442 с.

38. The Federalist papers: a contemporary selection. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1976. 143 p.

References

1. Abashmadze V. V. *Theory of Separation of State Power and its Criticism*. Tbilisi, Sabchota Sakartvelo Publ., 1972. 51 p. (In Russian).
2. Avtonomov A. S. *Elected Officials*. Moscow, Prava cheloveka Publ., 2002. 81 p. (In Russian).
3. Aristotle. *Politics: A New Translation*, transl., introd. and notes by C. D. C. Reeve. Indianapolis, Hackett Publ. Co., 2017. 536 p. The New Hackett Aristotle Series.
4. Baskin M. P. *Montesquieu*. 2nd ed., ster. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 165 p. (In Russian). Mysliteli proshlogo Series.
5. Bel'skiy K. S. On functions of executive power. *Gosudarstvo i pravo*, 1997, no. 3, pp. 14—21. (In Russian).
6. Volgin V. P. *Social Thought Development in 18th Century France*. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1958. 415 p. (In Russian).
7. Gessen V. M. About law-governed state. *Antologiya mirovoy pravovoy mysli*, in 5 vols. Vol. 5. Moscow, Mysl' Publ., 1999, pp. 289—291. (In Russian).
8. Grekalov A. A. Executive authority in the system of separation of powers. *Biznes v zakone*, 2008, no. 2, pp. 25—27. (In Russian).
9. Gulyaikhin V. N. Dialectics of natural and positive right as source of social and law advancement. *NB: Voprosy prava i politiki*, 2013, no. 3, pp. 221—238. (In Russian).
10. Deborin A. M. *Socio-Political Doctrines of Modern and Contemporary Times*, in 3 vols. Vol. 1: Socio-Political Doctrines of Modern Times. Moscow, Akad. nauk SSSR Publ., 1958. 628 p. (In Russian).
11. Kechek'yan S. F., Fed'kin G. I. (eds.) *History of Political Thought*, textbook. 2nd ed. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 894 p. (In Russian).
12. Kechek'yan S. F. Montesquieu's view of politics and law. *Sovetskoye gosudarstvo i pravo*, 1955, no. 4, pp. 41—52. (In Russian).
13. Kokoshkin F. F. (auth., ed.), Nevzorov N. (compil.) *Russian State Law in Connection with First Principles of General State Law*, compendium of lectures. Iss. 1. Moscow, O-vo vzaimopomoshchi studentov-yuristov Mosk. un-ta Publ., 1908. 88 p. (In Russian).

14. Strashun B. A. (lead. auth., publ. ed.) *Constitutional (State) Law of Foreign Countries*, [in 4 vols.]. 2nd ed., rev. and upd. Vol. 1—2: General Part. Moscow, Bek Publ., 1996. 757 p. (In Russian).
15. *Constitutional Law of Foreign Countries*, endorsed by M. V. Baglay et al. Moscow, Norma Publ., 2004. 819 p. (In Russian).
16. Avak'yan S. A. (lead. auth., publ. ed.) *Constitutional Law*, encyclopedic dictionary. Moscow, Norma Publ., 2000. 675 p. (In Russian).
17. Korkunov N. M. *Russian State Law*. 4th ed. (no signif. change). Vol. 2: Special Part. St. Petersburg, Tip. M. M. Stasyulevicha Publ., 1903. vi, 596 p. (In Russian).
18. Kosov R. V. The theory of power sharing as political legal principle and scientific theory. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Transactions of the TSTU*, 2004, vol. 10, no. 4-2, pp. 1211—1216. (In Russian).
19. Krasnov Yu. K. Principle of separation of powers in Russia: theory and practice. *Pravo i upravleniye. XXI vek = Journal of Law and Administration* [web], 2005, no. 1. Available at: <https://mgimo.ru/files/33210/33210.pdf> (accessed: 22.09.2022).
20. Locke J. *The Philosophical Works of John Locke*, vol. 2. London, Arkose Press, 2015. 572 p.
21. Locke J. *Two Treatises of Government*. London, Whitmore and Fenn, and C. Brown, 1821. 401 p.
22. Lyubashits V. Ya., Mordovtsev A. Yu., Timoshenko I. V. *Theory of Government and Law*, study guide. Rostov-on-Don, MarT Publ., 2002. 507 p. (In Russian).
23. Marchenko M. N. *Problems of Theory of Government and Law*. Moscow, Prospekt Publ., 2001. 755 p. (In Russian).
24. Montesquieu Ch. *Selected Political Writings*, transl. and ed. by M. Richter. Indianapolis, Cambridge, Hackett Publ. Co., 1990. 299 p.
25. Montesquieu Ch. *The Spirit of the Laws*, transl. and ed. by A. M. Cohler, B. C. Miller, H. S. Stone. Cambridge, Cambridge University Press, 1989. 757 p. Cambridge Texts in the History of Political Thought Series.
26. Montesquieu Ch. L. de. *On the Reason of the Laws*, transl. from French by Vas. Kramarenkov. 2nd print. St. Petersburg, Pri Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1801. xxxi, [1], 352 p. (In Russian).
27. Plato. *Complete Works*, ed. by J. M. Cooper, assoc. ed. D. S. Hutchinson. Indianapolis, Cambridge, Hackett Publ. Co., 1997. 1848 p.
28. Polybius. *The Histories of Polybius*, transl. from the text of F. Hultsch by E. S. Shuckburgh. In 2 vols. London, New York, Macmillan and Co., 1889.
29. Guliyev V. E. (publ. ed.) *Political Doctrines: the Past and the Present*. [Book 1]: Pre-Marxist Political Thought, by V. G. Grafkiy, P. S. Gratsianskiy, N. N. Deyev et al. Moscow, Nauka Publ., 1976. 495 p. (In Russian).
30. Boyer V. M., Gorodinets F. M., Grigoris E. P. et al. *Law-Governed State: Reality, Dreams, and Future*, endorsed by V. P. Sal'nikov. St. Petersburg, Aleteyya Publ., Saint-Petersburg University of MIA Russia, 1999. 245 p. (In Russian).
31. Robespierre M. *Selected Works*, in 3 vols. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1965. 399 p. (In Russian). Literaturnyye pamyatniki Series.
32. Rousseau J.-J. *The Essential Writings of Rousseau*, transl. by P. Constantine, ed. by L. Damrosch. New York, The Modern Library, 2013. 561 p. Modern Library Classics Series.
33. Speranskiy M. M. *Count M. M. Speranskiy's State Transformation Plan: (Introduction to Law Code of National Statutes of 1809): with suppl. of "Note on Judicial and Government Agencies Establishment in Russia" (1803), papers "On Government Institutions", "On Bonded Peasants" and "Perm Letter to Emperor Alexander"*. Moscow, Russkaya mysl' Publ., 1905. vi, 359 p. (In Russian).
34. Chirkov V. E. (publ. ed.) *Comparative Constitutional Law*. Moscow, Manuscript Publ., 1996. 730 p. (In Russian).
35. Sulakshin S. S. Political and party system in Russia and public administration. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye = Problem Analysis and Public Administration Projection*, 2010, vol. 3, no. 1, pp. 85—103. (In Russian).
36. Afanas'yev V. S., Bratko A. G., Butylin V. N. et al. *Theory of State and Law*, textbook for law schools, ed. by V. V. Lazarev. Moscow, Novyy yurist Publ., 1997. 421 p. (In Russian).

37. Khalipov V. F. *The Science of Power. Cratology*, study guide. Moscow, Os'-89 Publ., 2002. 442 p.
(In Russian).

38. *The Federalist papers*, a contemporary selection. Grand Rapids, MI, Eerdmans, 1976. 143 p.

Информация об авторах

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Качуренко Данила Сергеевич — ассистент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., editor-in-chief at the academic journal “Economic and Social Research”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Danila S. Kachurenko — Assistant of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 23.08.2022.

The article was submitted 23.08.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 150—161.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 150—161.
Научная статья

УДК 11:27-14(47)
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-150-161

Философия творчества С. Л. Франка: современные исследования и новые аспекты

Д. С. Семенова

Башкирский государственный медицинский университет «БГМУ», Уфа, Россия

dilyarrra@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена философии творчества С. Л. Франка. Рассматривается ряд подходов к ее осмыслиению, представленных в современных исследованиях, где были проанализированы различные аспекты того, как философские идеи воплощены в его произведениях. Отмечается обращения С. Л. Франка к теме творчества во всех разделах его философской системы. Особое внимание уделено роли проблематики творчества в социальной философии и в методологическом учении С. Л. Франка. Показывается своеобразие диалектического синтеза в его философии творчества.

Ключевые слова: творчество, социальная философия, методология, непостижимое, интуитивизм, диалектический синтез, художественно-эстетическое созерцание

Для цитирования: Семенова Д. С. Философия творчества С. Л. Франка: современные исследования и новые аспекты // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 150—161. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-150-161>

Original article

The philosophy of creativity by S. L. Frank: current research and new aspects

D. S. Semenova

Bashkir State Medical University “BSMU”, Ufa, Russia

dilyarrra@mail.ru

Abstract. The article is devoted to S. L. Frank's philosophy of creativity. The author considers the variety of approaches to its understanding present in modern researches where the various aspects of the philosophic ideas' realization in his works were analyzed. S. L. Frank's appeals to the theme of creativity in all sections of his philosophical system are noted. The author has especially examined the role of creativity problematic in social philosophy and in methodological teaching of S. L. Frank, and has shown the originality of dialectical synthesis in his philosophy of creativity.

Keywords: creativity, social philosophy, methodology, incomprehensible, intuitional, dialectical synthesis, artistic-aesthetic contemplation

For citation: Semenova D. S. The philosophy of creativity by S. L. Frank: current research and new aspects. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 150–161. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-150-161>

За последние годы философская концепция творчества С. Л. Франка привлекала и привлекает все большее внимание, причем со стороны не только исследователей истории русской философии, но и специалистов по изучению творчества. Правда, в первых публикациях на данную тему авторы обращали внимание, прежде всего, на интуитивизм в гносеологии С. Л. Франка или на идеи, гласящие, что в творчестве проявляется «нечто новое», исходящее из глубин духа.

Затем ряд авторов рассмотрели философию творчества С. Л. Франка более целостно. Прежде всего следует отметить работы О. В. Костиной. В них подчеркнуты такие важные аспекты идей С. Л. Франка, как онтологичность, которой он наделял творчество («Характеристики творчества здесь совпадают с определением онтологической сути бытия...» [3, с. 81]). Онтологичность у С. Л. Франка, по мнению исследовательницы, связана с философией всеединства; с трансцендированием бытия; с глубинами духовной жизни; с воплощением сложности мира; с созданием в бытии структур — не только новых, но и устойчивых, жизнеспособных; со сверхвременным единством реальности. Творчество дает «живое» и цельное знание, делает человеческую жизнь целостной, наделяет духовной энергией и активностью человека, который созидает себя на пути к Абсолютному. Исследовательница отмечает, что, согласно С. Л. Франку, «...основанием этой деятельности [творческого созидания. — Прим. ред.] не может быть разрушение и ненависть, но только любовь» [3, с. 79].

Наконец, автор обращает внимание на тесную связь позиций мыслителя и худож-

ника в понимании С. Л. Франка, на наличие элементов искусства, художественности в любом творчестве. При этом исследовательница подчеркивает, что роль красоты, по С. Л. Франку, диалектически противоречива: «Она указывает на некую глубокую тайну бытия, но часто прельщает нас обманчивой видимостью» [3, с. 80].

Тому, как С. Л. Франк понимает место и роль творчества в развитии личности, посвящены статьи Н. М. Хаустовой. Она исходит из положений С. Л. Франка о том, что «...человек <...> принадлежит к двум мирам»: природному и высшему — духовному; и если свое физическое бытие человек полагает как недостаточное раскрытие своей сущности, то в духовном плане он осознает, что в мистическом опыте не только подчинен Богу, не только его «тварь», но и «образ и подобие» Бога, причем именно в творчестве: «человек-творец является соучастником Божьего творчества» [19, с. 94] («Человек как творец есть соучастник Божьего творчества» [12].)

Кроме того, Н. М. Хаустова пишет: «Двое единство человека обнаруживается в творчестве» [19, с. 94]. В творчестве личность созидает сама себя, реализует жизненную активность, а также приобщается к вечной жизни. Причем автор также отмечает: наиболее типичный образец «собственного творчества» — именно художественное творчество, так как в искусстве, по мнению С. Л. Франка, наглядно видно «выражение», «становление незримого здимым», т. е. сама сущность творчества. Автор обращает внимание на то, что в творческом «вдохновении» соединяются как усилия творца, так и его непроизвольное слияние с «даром свыше», которое ведет к высшему и божественному. Как цитирует

Н. М. Хаустова, «...творчество предполагает двуединство человеческого существа — его самостоятельность, свободу <...> — и его укорененность в чем-то трансцендентном» [12]; цит. по: [19, с. 97].

Обращается к проблемам творчества в философии С. Л. Франка и известный исследователь его идей Г. Е. Аляев, связывающий его понимание творчества с осмыслением опыта мировой войны, когда у философа «...появляется новая тема — философия творчества, которую он даже начинает воспринимать как ключевую философскую проблему» [1, с. 119].

Далее автор рассматривает преимущественно проблематику сочинений С. Л. Франка, относящихся к 40-м годам, и справедливо отмечает «смычку» метафизики (прежде всего учения о «непостижимом» единстве действительного и потенциального, а также о неопределенности в бытии) и физики (неклассических естественно-научных концепций первой половины XX в.) в таком очень развернутом обращении С. Л. Франка к теме творчества. В этом плане Г. Е. Аляев выделяет ряд основных тезисов. Прежде всего творчество у С. Л. Франка выступает, по его мнению, как всеобщий процесс преодоления мировой энтропии. Для осмысления творчества в физическом мире он привлекает аристотелевские идеи «энтелехии и целевой причины» [1, с. 125].

Далее, отмечает Аляев, Франк выдвигает такие идеи: «...творимое соучастует в творчестве» [1, с. 127], в том числе человек соучастует в общественном творчестве; а также в творческом усилии созидание нового соединяется с сохранением сущего. И Аляев подчеркивает, что, согласно С. Л. Франку, при осмыслении творчества особое значение обретает проблема «воплощения, самовыражения» [1, с. 129].

Наконец, Аляев считает, что творчество, по С. Л. Франку, — категория и онтологическая, и этическая. Если развивать последнюю мысль, то особенно важным становится

представление Франка о том, что в творчестве недопустима ненависть.

Исследовательница И. В. Батурина рассматривает философию творчества С. Л. Франка как целостную концепцию, исходя из его гносеологии, считая, что «...проблема познания, центральная для его исследований, по сути является и проблемой творчества»; причем она добавляет, что «...Франк — один из немногих мыслителей, поднявших анализ творчества на такую небывалую — метафизическую — высоту» [2, с. 97].

Также И. В. Батурина обращает особое внимание на роль категории «непостижимое» в философии творчества С. Л. Франка; на черты трагизма и противоречивую роль красоты как бессильного намека на сверхчувственное бытие; на характер его понимания как целостного познания мира, восстанавливающего единство человека. «Истинное творчество, по Франку, это переход в сверхвременное бытие, в глубинах которого все возможно...», — считает И. В. Батурина [2, с. 98]. Таким образом, в данном случае за основу она берет именно философию познания.

В целом значимость философской концепции творчества в системе идей С. Л. Франка признают многие исследователи — и в последние годы ее плодотворно рассматривают с различных сторон. В связи с этим необходимо обратить внимание на три важных для дальнейшего осмыслиения данной проблематики аспекта.

Прежде всего, мы уже останавливались на том, что к категории «творчество» С. Л. Франк обращается не только в *отдельных сферах* своей философской системы (в онтологии, в теории познания, в представлениях о развитии личности и др.) или в *отдельные периоды* своей деятельности (в 40-е годы), но практически во всей своей философской мысли — и использует категорию «творчество» в ключевых звеньях своих рассуждений. В связи с этим целесообразно проанализировать роль категории «творчество» во всей

социальной философии С. Л. Франка, начиная с самой первой его философской публикации, что мы и сделаем.

Далее, мы также отмечали, что концепция С. Л. Франка о «постижении непостижимого» методологически значима как модель творческого акта вообще [4, с. 133]. В его социальной философии можно выделить подобные методологические подходы.

Наконец, важной самостоятельной проблемой оказывается сопоставление философии творчества С. Л. Франка со взглядами на творчество, характерными для русской философской мысли; такое сопоставление пока не носит системного характера: в связи с этим мы рассматривали идеи В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. И. Несмелова, Л. М. Лопатина. Мы сопоставили философию творчества С. Л. Франка с некоторыми учениями о творчестве российских мыслителей X — начала XIX вв. — и выявили следующие общие черты: *историзацию* (*социологизацию*), *этанизацию*, связь с идеей «цельного» человеческого духа, присущие как российской духовности в целом, так и философии С. Л. Франка (см.: [6, с. 95]). Но здесь нужны дальнейшие значительные исследования, особенно посвященные пониманию творчества в русской философской традиции со времен спора славянофилов и западников и до середины XX в.: советская философия творчества тоже связана с этой традицией, но требует особого анализа, так как развивалась она весьма специфически.

Если же говорить о том, как С. Л. Франк обращался к проблематике творчества в социальной философии, и начинать с самых ранних его публикаций, можно привести достаточно большой материал. Поскольку более поздние работы С. Л. Франка по философии творчества мы уже проанализировали — и отметили, что «...понятие „творчество“ оказывается ключевым в осмыслении истории и общественной жизни» [4, с. 126], — рассмотрим этот аспект идей С. Л. Франка подробнее.

Опираясь на идеи Ф. Ницше из книги «Так говорил Заратустра», С. Л. Франк противопоставляет «любовь к ближнему» (т. е. погруженность в мелкие и сиюминутные интересы современности) — высоким идеалам и перспективам будущего, т. е. «любви к дальнему». Она же, согласно С. Л. Франку, есть «любовь творческая» — и она стремится изменить вызывающее отвращение настоящее и приблизить «будущее и дальнее», «воплотить дальнее в жизнь» [16, с. 20].

Соответственно этому Франк понимает и само творчество. «Творческая борьба, творчество в форме борьбы — такова деятельность, такова жизнь человека, возлюбившего „далнее“» [16, с. 21]. Это — близко к позиции Гераклита Эфесского, которого, много позже, С. Л. Франк назовет «изумительным мудрецом».

Здесь мы видим, как С. Л. Франк преодолевает свои юношеские социал-демократические и революционно-народнические взгляды — ориентацию подлинного творчества не на утилитарное и коллективное «благо», а на достижение высоких духовных ценностей, прежде всего на уровне отдельных личностей. Полагаем, что здесь уже повлияла и «ветхозаветная основа» духовных позиций С. Л. Франка, согласно которой он понимает творчество как дело трудное, требующее усилий и борьбы. Характерно, что именно в этом сочинении С. Л. Франк вводит понятие «моральных прав личности» [16, с. 53], противопоставленных (по его мнению, искусственно и нецелесообразно) «благу народной массы» [16, с. 53] и относящихся к «общественно-моральной деятельности, которая основана не на отречении от своего „я“, а, наоборот, на утверждении и развитии глубочайших, святейших и человеческих сторон этого „я“» [16, с. 54].

В 1909 г. в известном сборнике «Вехи» С. Л. Франк обращает внимание на принципиально нетворческий подход революционно-социалистических российских кругов — он называет этот подход «этикой нигилизма».

Поскольку «революционный социализм» считает, что «...природные условия для человеческого счастья <...> всегда налицо» [17, с. 93], но «...все бедствия и несовершенства проис текают из ошибок или злобы отдельных людей или классов», поскольку для устранения несправедливости и глупости необходимо лишь «внешнее устроение» общества, т. е. справедливое распределение благ, прежде всего материальных. Это, по мнению С. Л. Франка, «...механико-рационалистическая теория счастья» (см.: [17, с. 93]).

Характерно, что здесь он несколько корректирует свою прежнюю позицию предпочтения «любви к дальнему», отмечая, что «...отвлеченный идеал абсолютного счастья в отдаленном будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку, живое чувство любви к близким, к современникам и их текущим нуждам» [17, с. 94].

Правда, в «любви к дальнему» Франк выделяет духовные, а не материально-утилитарные аспекты.

В данном же случае «...социальный оптимизм и опирающаяся на него механико-рационалистическая теория счастья» [17, с. 95] не требуют для «устройства» жизни «творческое или созидательное <...> дело» [17, с. 96], а то и другое лишь «...сводится к расчистке, устраниению помех, т. е. к разрушению» [17, с. 96]. Рассматривая подобную позицию, философ считает, что это «...естественно и логично с точки зрения механико-рационалистической теории счастья» [17, с. 96].

«Механика не знает творчества нового в собственном смысле» [17, с. 96], — пишет далее С. Л. Франк. А потом отмечает, что «механический» подход к культуре оставляет только две задачи: «...разрушение старых вредных форм и перераспределение элементов, установление новых, полезных комбинаций из них» [17, с. 97]. «И необходимо совершенно иное понимание человеческой жизни, чтобы сознать несостоятельность одних этих механических приемов в области культуры и обратиться к новому

началу — началу творческого создания» [17, с. 97].

Потом С. Л. Франк отмечает, что подмена творчества разрушением приводит и к морально обосновываемому преобладанию у «народника-революционера» чувства ненависти. А «...ненависть соответствует разрушению и есть двигатель разрушения, как любовь есть двигатель творчества и укрепления» [17, с. 97]. Далее он, в определенном смысле, уточняет свои прежние взгляды на соотношение творчества и борьбы.

По-прежнему считая «начало борьбы» одним из основных «имманентных» в человеческой и космической жизни, С. Л. Франк теперь подчеркивает, что «...тем не менее сохраняется коренное различие между трудом созидающим и трудом-борьбой, между работой производительной и военным делом; лишь первая ценна сама по себе и приносит действительные плоды, тогда как последнее нужно только для первой и оправдывается ею» [17, с. 98].

Таким образом, «творчество как борьба» оказывается, с точки зрения Франка, лишь подчиненной формой «творческого созидания нового», причем пренебрежение интересами «ближних» он уже не оценивает позитивно. Однако он продолжает отстаивать принципиальную идею: творчество направлено прежде всего не на утилитарные блага механического большинства, а на достижение истинных духовных ценностей.

Соответственно, С. Л. Франк отмечает ориентацию «революционной интеллигенции» на: разрушение, а не созидание; распределение, а не производство; бедность (в том числе и духа), а не богатство; определяет «...классического русского интеллигента как воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» [17, с. 104]. В заключении же данной статьи он обращает внимание на необходимый поворот в позиции русской интеллигенции: «От непроизводительного, противокультурного нигилистического морализма мы должны перейти

к творческому, созидающему культуру *религиозному гуманизму* [17, с. 110].

Позже, в 1918 г., анализируя духовные корни трагических революционных событий 1917 г. и намечая пути их преодоления, С. Л. Франк отмечает в русском «национальном жизнечувствии» «...коренной надлом, <...> раздвоение между верой и жизнью» [18, с. 496]. И, по его мнению, для возрождения России «...общественным идеалом может быть не выдуманная, оторванная от жизни отвлеченная идея, извне вторгающаяся в жизнь и коверкающая, а лишь живая сила устремления, органически вырастающая из самой жизни и движения всенародного сознания, — сила, которая только потому способна творить новое, что укреплена в старом и неразрывно связана с ним» [18, с. 497—498].

Возрождение России он видит на пути «...не разрушительной дерзости чисто отрицательной самочинности и отщепенства, а творческого мужества, основанного на смиренном сознании своей зависимости от высших сил и укорененности в них» [18, с. 497]. Он говорит о достижении «...идеала духовного единства и органического духовного творчества народа, идеала *религиозной осмыслинности* и национально-исторической обоснованности общественной и политической фигуры» [18, с. 498].

И заканчивается данная статья надеждой на то, что с пути разрушения «...мы сдвинемся на путь творчества, положительного развития и самоутверждения жизни» [18, с. 499].

Здесь появляется еще один новый момент в понимании творчества: философ начинает рассматривать его не только как путь к высшим духовным идеалам и ценностям, но и (что уже было сказано) как свидетельство и следствие укорененности человеческого духа в этих высших, божественных началах.

Напомним, что С. Л. Франк, когда уже был в эмиграции (Советскую Россию он покинул в 1922 г.: его выслали на «Философском пароходе»), в одной из первых

публикаций, посвященной духовному опыту русского общества в начале XX в., а именно в статье «Крушение кумиров» (1923), отрицает ложные «идеалы» российских революционеров, характеризуя их как «...призраки, тени и лживые подобия бытия, лишенные корней в Сущем, в истинной жизни», направленные на «...самочинно-человеческое созидание» будущего [9, с. 171].

В этом плане крушение подобных «идеалов» С. Л. Франк считает предпосылкой «Встречи с Богом», раскрытия души, которая «...через свою исконную связь с Богом» должна ощутить подлинное бытие при помощи «...силы вечной любви» «...ко всему и всем», в чем «...сила, к которой мы приобщились, должна обнаружить свою истинную творческую природу». [9, с. 173].

Если здесь творчество рассматривается прежде все как общественная ценность, то в работе «Смысл жизни», вышедшей в 1928 г. и уже в Париже, автор обращает внимание на то, что для человека необходима причастность к Богу и к божественной жизни, причем в качестве не только его «творения», но и «свободного участника» этой жизни; добавок, по мнению С. Л. Франка, «...наше „Я“ немыслимо вне свободы, ибо свобода, spontанность требуют возможности нашей собственной инициативы, а последняя предполагает, что не все идет гладко, „само собой“, что есть нужда в творчестве, в духовной моести, в преодолении преград» [13, с. 99].

Таком образом уже в своем первом периоде философского творчества, который С. Л. Франк сам считал посвященным «изучению обществоведения» и трагического исторического опыта российской революции, понятие творчества занимало важное место в его рассуждениях.

Специально к проблематике творчества С. Л. Франк обращается дважды — в записках 1942—1944 гг. («Мысли в страшные дни»), причем к вопросам творчества он переходит от рассуждений о вере и любви к Богу. Более того, в этих записях даже дважды

(17.04.1943 и 2.07.1943) появляются планы задуманной С. Л. Франком специальной работы по философии творчества.

Однако эти планы он реализует лишь частично — в книге, написанной до 1950 г., а вышедшей уже в 1956 г. в Париже. Это «Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия», раздел 6 «Творческая природа человека», глава IV «Человек и Бог».

В итоговой, по мнению самого С. Л. Франка, работе «по обществоведению», а именно в «Духовных основах общества» (1930), проблематика творчества также занимает очень важное место. Так, сопоставляя начала солидарности и свободы, он характеризует свободу как «творческое обнаружение спонтанной энергии человеческой воли» [8, с. 117].

Далее, в специальной главе «Консерватизм и творчество в общественной жизни», он рассматривает «...двуединство традиции и творчества», причем сначала связывает традицию (сохранение, консерватизм) с влиянием общества как целого, а творчество — с индивидуальной свободой личности (творчество — это «...фермент новизны, творческая устремленность к будущему заложены в глубине индивидуального духа»); затем отмечает их сверхвременное единство и то, что «...в эмпирии исторической жизни они, выступая раздельно, сотрудничают между собой именно в форме неустанной взаимной борьбы» [8, с. 126], причем вся жизнь «...по самому своему существу есть неустанный поток становления, творческий порыв», в котором «...охранение и свобода творческой инициативы суть, собственно, не две разные задачи общественной политики, а лишь две стороны одной органической целостной задачи» [8, с. 127]. Таким образом, свой известный тезис о творчестве как единстве сохранения и созидания С. Л. Франк начинает формулировать уже в своей социальной философии, до 40-х гг.

В той же главе с проблемами творчества автор несколько неожиданно связывает про-

явление «начала наследственности и личных заслуг», причем то и другое он соотносит не только с личностными достижениями и освоением прошлого (наследства): само наследование (в том числе акт оставления имущественного наследства) автор осмысливает как обеспечение непрерывности творческой деятельности в связи поколений, как творческое преодоление временности и телесности человека («...сама личность как бы расширяется за пределы своей телесной жизни»), как социальную функцию «расширения свободы и творческой значительности личности» (см.: [8, с. 135]). А затем, анализируя соотношение «планомерности и спонтанности», С. Л. Франк подчеркивает, что спонтанность (т. е., по сути, творческое самодействие) может быть «...и охранением старого, и творением нового». Также, рассматривая отношения государства (как более устойчивого образования) и гражданского общества (как более изменчивого) и само становление государства (т. е. ограничение, оформление стихийного общественного существования), автор трактует все эти явления как «особый творческий процесс» [8, с. 136].

Работы по социальной философии («обществоведческий» цикл) служат, по собственному мнению С. Л. Франка, как бы первым этапом развития его идей. И проблематика творчества, широко представленная в его итоговом, «онтологическом» цикле («Мысли в страшные дни», «Непостижимое», «Реальность и человек»), отчетливо проявляется уже в его социальной философии, причем в ней закладываются именно те темы, которые разовьются позже; кстати, в почти параллельно развертывавшемся «гносеолого-психологическом» цикле (куда входят «Предмет знания» и «Душа человека») Франк также часто обращается к вопросам творчества, в том числе и в «прикладном» плане, когда касается проблем бессознательного в психике, которые будут интересовать его и позже.

Творчество сразу выступает как трудное, даже практически невыполнимое действие —

т. е. как борьба за высокие духовные идеалы, причем за органические, укорененные в традиции, созидательно-гуманистические и противостоящие рационалистическому упрощенчеству и разрушительной ненависти. Творчество — путь к встрече с Богом, с высшим началом, через него реализуются базовые характеристики человека (свобода) и общества (государственность). При этом в постановке и решении проблем социальной философии ярко проявляется методология творческой мысли самого С. Л. Франка, связанная с выявлением, формулированием и очень специфическим синтетическим разрешением диалектических противоречий. Этот аспект творческого построения философии С. Л. Франка следует рассмотреть подробнее.

Теория познания С. Л. Франка — интуитивизм: он продолжает развивать идеи Н. О. Лосского, который основывается на том, что субъект во всеединстве изначально связан со всем миром.

Но интуитивное постижение бытия не исчерпывает его до конца: всегда остается тайна, знание лишь оттеняет массив («океан») непознанного.

Поэтому правильная позиция по отношению к познанию мира — «ученое незнание» (идею которого С. Л. Франк воспринял от Николая Кузанского), или познание через непостижимость.

Соответственно, и философия — это «...мысль, преодолевающая всякую мысль» [10, с. 314], всякую рациональность.

Но вопросы, которые встают перед «ведающим неведением» или «ученым незнанием», — это проблемы Бога и «непостижимого».

Для решения данной проблемы С. Л. Франк обращается к диалектической методологии Гераклита, Платона, Филона Александрийского, к неоплатонизму и христианской патристике, к учениям Николая Кузанского, Спинозы, Лейбница, Шеллинга, Гегеля — и выдвигает концепцию сверхлогической,

интуитивной основы логической мысли. «Усмотрение абсолютной, всеобъемлющей природы бытия, выходящей за пределы ограниченности и относительности всего логически фиксированного, есть именно логически адекватное ее усмотрение» [15, с. 327].

Соответственно, на VIII Международном философском конгрессе (Прага, 1934 г.) С. Л. Франк отмечает кризис рационализма и считает методологию «отрицательного богословия» путем к постижению «сверхпонятийной, сверхрациональной сущности» реальности [14, с. 124].

В христианстве отрицательное, или апотифическое, богословие наиболее полно проявилось в трудах Дионисия Ареопагита.

Соответственно, и С. Л. Франк предлагает понимание непостижимого бытия Бога как совмещающего все противоположности в их высшем единстве.

«Абсолютное — это не ночь, в которой все кошки серы, не монотонное единство, поглощающее все многообразие, но светлое, содержательно наполненное единство многообразия, в котором каждый отдельный момент находится на своем строго определенном месте, что категорически исключает любое необоснованное высокомерие» [14, с. 127].

Таким образом, учение С. Л. Франка о Боге принимает форму учения о Непостижимом бытии, а оно, в свою очередь, является ключевой темой его философии. При этом «непостижимое», будучи сверхрациональным и сверхлогическим, раскрывается во многих «мыслеобразах», символах и проявлениях в ином: ведь оно есть тот «Мрак», который становится «Светом».

Ключевой идеей С. Л. Франка в рассмотрении «непостижимого» как первоосновы бытия, объединяющей все его проявление и определяющей его структуру, оказывается диалектическое совпадение противоположностей.

«Оно есть несказанное единство единства и многообразия, и притом так, что единство

не приводит как новое, иное начало к многообразию и объемлет его, а так, что оно есть и действует в самом многообразии» [10, с. 297].

Потом С. Л. Франк отмечает, что люди, принимая «непостижимое», через отрицание ограниченных взглядов на мир переходят к утверждению реальности «в форме негативности»: «Мы возвышаемся до универсального “да”, до полного, всеобъемлющего *принятия бытия*, которое *объемлет и отрицательное отношение, и само отрицательное в качестве*, так сказать, *правомерной и неустранимой реальности*» [10, с. 300]. Далее С. Л. Франк определяет подобную позицию как ее «...единственно адекватное духовное состояние, одно лишь соответствующее существу реальности, как всеобъемлющей полноты» [10, с. 300], и это позволяет ему перейти к рассмотрению «непостижимого» как «само-открывающейся реальности» (здесь также просматривается очень любопытная аналогия с «непотаенностью» бытия у М. Хайдеггера), а затем — к проблемам положительного богословия.

Категорию «непостижимое» можно счесть важнейшей в онтологии С. Л. Франка, определяющей его понимание структуры бытия вообще. Оно лежит в основе предметного бытия, затем в «основоположной форме бытия» как бытия «внутреннего» — «душевного или психического», затем — в «жизни в общении» и в «духовной жизни» или в «идеальном бытии».

Эти идеи, несомненно, глубоки, но особенную ценность им придает нетипичное понимание метода постижения высших истин, реальности, «непостижимого», т. е. своеобразной «архитектуры» творческого акта (определение С. Л. Франка). А «архитектура» связана с главным методологическим принципом философии С. Л. Франка — с «антиномистическим монодуализмом».

Как считает С. Л. Франк, «...метафизическое постижение бытия возможно только через усмотрение антиномистического единства противоположностей» [12, с. 350].

Подобным образом определяют творческое мышление и многие авторы в настоящее время.

«Антиномистическое познание» непостижимого, по С. Л. Франку, выражается «...в непреодолимом, ничем более не превозможаемом витании между или над этими двумя логически не связанными и несвязуемыми суждениями. Трансрациональная истина <...> есть непостижимое, логически невыразимое единство познаний, которые в сфере отвлеченно-логического синтеза остаются безусловно несогласимыми» [10, с. 312]. «Реальность же необходимо мыслить как некое первичное единство; поэтому совмещающиеся в нем противоположности совпадают», — писал С. Л. Франк [12, с. 198].

Интересно и то, каким образом возможно помыслить это единство противоположностей. Ведь оно, по мнению С. Л. Франка, недоступно логическому мышлению. Здесь он предлагает очень интересный (и перспективный) подход: то, что нельзя постичь словесно — теоретически, — можно увидеть и почувствовать в художественно-эстетических образах.

Действительно, С. Л. Франк, говоря о «несказанности» и «неизъяснимости» реальности, отмечает, что существует «созерцательное» [т. е. образное. — Д. С.] металогическое знание о ней: «...мы улавливаем в интуитивном металогическом знании *непостижимое в себе* — непостижимое, как бы явную, светло озаренную, видимую *тайну*, которая не перестает быть тайной от того, что *открыто стоит перед нами и нами созерцается*» [10, с. 231]; что мы «...редко — именно лишь при эстетической или же подлинно философской установке — сознаем отчетливо» [10, с. 231]. В другом месте он пишет, что «...никакое вообще мышление не может непосредственно адекватно выразить созерцательно переживаемое непостижимое», сравнивая погружение «в „атмосферу“ трансрационального» с восприятием «сложной оркестровой симфонии» [10, с. 309]. Возможно, именно

поэтому для С. Л. Франка характерен живой интерес к осмыслинию искусства, причем не простой, а именно философский.

Кроме того, С. Л. Франк пишет об А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, Ф. И. Тютчеве, Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, Н. В. Гоголе, И. А. Бунине, Н. А. Некрасове, Д. С. Мережковском, Ф. Сологубе, Вяч. Иванове, А. А. Блоке, М. Горьком, И.-В. Гете, Ф. Шлейермахере, Р.-М. Рильке, Ф. Эртеле, вообще об искусстве, особенно — о литературе.

Так, размышления над образами Ф. М. Достоевского позволяют ему сформулировать такое положение: «Человек богоподобен не разумом и добротой, а тем, что загадочные, последние корни его существа, наподобие самого Бога, обладают таинственностью, неисследимостью, сверхрациональной творческой силой, бесконечностью и бездонностью» [7, с. 397].

Часто обращается С. Л. Франк и к близкой ему по духу философичной поэзии Ф. И. Тютчева, отмечая: поэт воспринимает мир так, что характер его восприятия оказывается космическим.

А в А. С. Пушкине он особо подчеркивает следующее: «...гениальная способность Пушкина к синтетическому, примеряющему противоположности восприятию, <...> не эклектическое применение непримириимого, не просто какая-то „средняя линия“, а подлинный синтез, основанный на совершенно оригинальной точке зрения, открывающей новые, более широкие духовные и философско-исторические перспективы» [11, с. 155].

Таким образом, именно в художественно-эстетическом осмыслинии кажущихся неразрешимыми противоречий С. Л. Франк видит возможность синтеза, диалектического акта творчества, причем «первичного» синтеза: более глубокий синтез он считал подходящим для религиозной веры.

В современных исследованиях творчества также отмечается, что эстетически-образное

мышление, искусство может иллюстрировать общую модель мышления в условиях реальных антиномий: подъем на более высокий уровень понимания и восприятия ситуации, вообще жизни [5].

Подводя итоги, подчеркнем, что проблематика творчества занимает одно из центральных мест в философском мышлении С. Л. Франка — во всех периодах и разделах его философствования. Изучение его глубоко содержательных подходов к творчеству имеет не только историческое, но и современное — теоретико-методологическое — значение.

Список литературы и источников

1. *Аляев Г. Е.* Творчество в контексте войны («Мысли в страшные дни» С. Франка) // Творчество как национальная стихия: опыт России и Украины: сборник статей / под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. С. 118—133.
2. *Батурина И. В.* Философия творчества С. Л. Франка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 91—99. <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2016-3-91-99>
3. *Костина О. В.* Духовные основания креативности в русской философии (С. Л. Франк) // Международный журнал исследований культуры. 2015. № 2 (19). С. 77—82.
4. *Семенов С. Н., Семенова Д. С.* Философия творчества С. Л. Франка // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 4 (48). С. 124—135.
5. *Семенов С. Н.* Творческий акт как диалектический процесс // Искусственные общества: электрон. журн. 2020. Т. 15. Вып. 3. <https://doi.org/10.18254/S207751800011040-3>
6. *Семенова Д. С.* Основные мотивы осмыслиния творчества в русской философской мысли (в свете идей С. Л. Франка) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 391—395.
7. *Франк С. Л.* Достоевский и кризис гуманизма (К 50-летию дня смерти Достоевского) // О Достоевском: творчество Достоевского в русской мысли 1881—1931 гг.: сборник статей. М.: Книга, 1990. С. 391—397.

8. **Франк С. Л.** Духовные основы общества: введение в социальную философию // Духовные основы общества / С. Л. Франк. М.: Республика, 1992. С. 13—146. (Мыслители XX века).
9. **Франк С. Л.** Крушение кумиров // Сочинения / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С. 111—180.
10. **Франк С. Л.** Непостижимое // Сочинения / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С. 181—559.
11. **Франк С. Л.** Пушкин об отношениях между Россией и Европой // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 146—155.
12. **Франк С. Л.** Реальность и человек // С нами Бог / С. Л. Франк. М.: ACT, 2003. С. 131—436.
13. **Франк С. Л.** Смысл жизни // С нами Бог / С. Л. Франк. М.: ACT, 2003. С. 19—130.
14. **Франк С. Л.** Современная духовная ситуация и идея отрицательного богословия / пер. с нем. О. А. Назаровой // Философские науки. 2008. № 4. С. 122—127.
15. **Франк С. Л.** Философия и религия // На переломе: философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение / сост. П. В. Алексеев. М.: Политиздат, 1990. С. 319—335.
16. **Франк С. Л.** Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Сочинения / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С. 9—64.
17. **Франк С. Л.** Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Сочинения / С. Л. Франк. М.: Правда, 1990. С. 77—110.
18. **Франк С. Л.** De profundis // Вехи: [сборник статей о русской интеллигенции]; Из глубины: [сборник статей о русской революции / журнал «Вопросы философии» и др.]; сост. и подгот. текста А. А. Яковлева; примеч. М. А. Колерова и др.]. М.: Правда, 1991. С. 478—499. (Из истории отечественной философской мысли).
19. **Хаустова Н. М.** Творчество как аспект духовного развития и воспитания личности в трудах С. Л. Франка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2013. Вып. 3 (30). С. 93—99.

References

1. Alyaew G. E. Creativity in the context of war (“Thoughts in the Terrible Days” by S. Frank). *Tvorchestvo kak natsional'naya stikhiya: opyt Rossii i Ukrayny: sbornik statey = Creativity as National element: the experience of Russia and Ukraine*, a collection of articles, eds. G. E. Alyayev, O. D. Masloboyeva. St. Petersburg Saint Petersburg State University of Economics Publ., 2015, pp. 118—133. (In Russian).
2. Baturina S. L. The philosophy of creativity by S. L. Frank. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2016, no. 3, pp. 91—99. (In Russian). <https://doi.org/10.18384/2310-7227-2016-3-91-99>
3. Kostina O. V. Spiritual grounds of creativity in S. L. Frank’s philosophy. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research*, 2015, no. 2 (19), pp. 77—82. (In Russian).
4. Semenov S. N., Semenova D. S. The philosophy of creativity by S. L. Frank. *Solov'evskiye issledovaniya = Solovyov Studies*, 2015, iss. 4 (48), pp. 124—135. (In Russian).
5. Semenov S. The creative act as a dialectical process. *Iskusstvennye obshchestva = Artificial Societies* [online periodical], 2020, vol. 15, iss. 3. (In Russian). <https://doi.org/10.18254/S207751800011040-3>
6. Semenova D. S. Main motives of comprehension of creativity in Russian philosophical thought (in the light of the ideas of S. L. Frank). *Evrazijskiy yuridicheskiy zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2016, no. 10 (101), pp. 391—395. (In Russian).
7. Frank S. L. Dostoevsky and the crisis of humanism (To the 50th anniversary of Dostoevsky’s death). *O Dostoyevskom: tvorchestvo Dostoyevskogo v russkoy mysli 1881—1931 gg. = About Dostoevsky: Dostoevsky’s Work in Russian Thought in 1881—1931*, a collection of articles. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 391—397. (In Russian).
8. Frank S. L. The spiritual foundations of society: an introduction to social philosophy. *Spiritual Foundations of Society*, by S. L. Frank. Moscow, Respublika Publ., 1992, pp. 13—146. (In Russian). Мыслители XX века Series.

9. Frank S. L. The collapse of the idols. *Works*, by S. L. Frank. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 111—180. (In Russian).
10. Frank S. L. The uncognizable. *Works*, by S. L. Frank. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 181—559. (In Russian).
11. Frank S. L. Pushkin on the relationship between Russia and Europe. *Voprosy Filosofii = Russian Studies in Philosophy*, 1988, no. 10, pp. 148—155. (In Russian).
12. Frank S. L. The reality and the human. *S namy Bog = God is with us*, by S. L. Frank. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 131—436. (In Russian).
13. Frank S. L. Meaning of life. *S namy Bog = God is with us*, by S. L. Frank. Moscow, AST Publ., 2003, pp. 19—130. (In Russian).
14. Frank S. L., Nazarova O. A. (transl.) The modern spiritual situation and the idea of negative theology. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*, 2008, no. 4, pp. 112—127. (In Russian).
15. Frank S. L. Philosophy and religion. *Na pere-lome: filosofskiye diskussii 20-kh godov: filosofiya i mirovozzreniye = At the Break. Philosophical Debates in the 1920s. Philosophy and Worldview*, comp. P. V. Alekseyev. Moscow, Politizdat Publ., 1990, pp. 319—335. (In Russian).
16. Frank S. L. Fr. Nietzsche and the ethic of “love to the farthest”. *Works*, by S. L. Frank. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 6—64. (In Russian).
17. Frank S. L. Ethics of nihilism (To the characteristics of the moral worldview of the Russian intellectuals). *Works*, by S. L. Frank. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 77—110. (In Russian).
18. Frank S. L. De profundis. *Vekhi: [Sbornik statey o russkoy intelligentsii]; Iz glubiny: [Sbornik statey o russkoy revolyutsii] = Landmarks: [A Collection of Articles on the Russian Intellectuals]; From Depth: [A Collection of articles on the Russian Revolution / Questions of Philosophy, etc.]*, comp. and ed. A. A. Yakovlev; footnotes by M. A. Kolerov et al.]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 478—499. (In Russian).
19. Khaustova N. M. Creativity as an aspect of the spiritual development and education of personality in the works of S. L. Frank. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta = St. Tikhon’s University Review, Series IV*, 2013, iss. 3 (30), pp. 93—99. (In Russian).

Информация об авторе

Семенова Диляра Сергеевна — магистр философии, преподаватель кафедры философии, Башкирский государственный медицинский университет (Россия, Республика Башкортостан, 450008, Уфа, ул. Заки Валиди, 47).

Information about the author

Dilyara S. Semenova — MSc (Philos.), lecturer at the Department of Philosophy, Bashkir State Medical University (Russia, Republic of Bashkortostan, 450008, Ufa, Zaki Validi st., 47).

Статья поступила в редакцию 18.05.2022.

The article was submitted 18.05.2022.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КООРДИНАТ: ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ, РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА

PEDAGOGICAL COORDINATE SYSTEM: EDUCATION, UPBRINGING, HUMAN DEVELOPMENT

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 162—173.

Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 162—173.

Научная статья

УДК 53.01

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-162-173

Метод Фурье как основа цифровой обработки микроэлектронных изображений¹

H. A. Богданова¹, O. V. Подорожний²

¹⁻² Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ *bogdanova_nadejda@inbox.ru*

² *podorozhniy_oleg@rambler.ru*

Аннотация. В 2022 г. исполняется 200 лет со дня выхода монографии «Аналитическая теория тепла» выдающегося французского математика Жана Батиста Жозефа Фурье. В работе рассмотрены исторические аспекты, математические основы и развитие метода Фурье от идеи до эффективной цифровой реализации. Идея Фурье, реализованная в XX в. на цифровых устройствах для обработки больших массивов данных, стала одним из драйверов технологической революции, начавшейся на рубеже третьего тысячелетия, стремительное развитие которой мы наблюдаем по сегодняшний день. В работе обсуждается практика применения методов цифровой обработки изображений новейших материалов и структур, полученных с помощью современной электронной микроскопии.

Ключевые слова: преобразование Фурье, спектральный анализ, растровая электронная микроскопия, РЭМ, просвечивающая растровая электронная микроскопия, ПРЭМ, цифровое изображение

Благодарности. В данной работе метод Фурье применен для обработки микроэлектронных изображений различных материалов микро- и наноэлектроники, полученных в лаборатории электронно-микроскопических изображений (ЛЭМИ НИУ МИЭТ) под руководством профессора Н. И. Боргардта [8]. Использованные в работе образцы германиевых нанонитей получены в НИЛ ТНМ, НИУ МИЭТ научным сотрудником И. К. Мартыновой.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада авторов на международной научно-практической конференции «VIII Декартовские чтения — Век XXI. Цифровизация: вызовы, риски, перспективы» (Москва, Зеленоград, 28.04.2022).

Авторы выражают глубокую признательность всем сотрудникам ЛЭМИ, принявшим участие в получении экспериментальных данных.

Авторы также благодарят организаторов и участников VIII Декартовских чтений за возможность доложить полученные научные результаты, плодотворные дискуссии и интересные точки зрения на проблему глобальной цифровизации.

Для цитирования: Богданова Н. А., Подорожний О. В. Метод Фурье как основа цифровой обработки микроэлектронных изображений // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 162–173. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-162-173>

Original article

Fourier method as the basis of digital processing of microelectronic images

N. A. Bogdanova¹, O. V. Podorozhny²

¹⁻² National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ bogdanova_nadejda@inbox.ru

² podorozhniy_oleg@rambler.ru

Abstract. The year 2022 marks the 200th anniversary of the publication of the monograph “Analytical Theory of Heat” by the outstanding French mathematician Jean-Baptiste-Joseph Fourier. In this work, historical aspects, mathematical foundations and the development of the Fourier method from an idea to an effective digital implementation are considered. Fourier’s idea, implemented in the 20th century in digital devices for processing large amounts of data, became one of the drivers of the technological revolution that began at the turn of the third millennium, the rapid development of which we are witnessing to this day. The authors have discussed the practice of applying methods of digital image processing of the latest materials and structures obtained using modern electron microscopy.

Keywords: Fourier transform, spectral analysis, scanning electron microscopy, SEM, transmission scanning electron microscopy, TSEM, digital image

Acknowledgements. In this work, Fourier method has been applied to process microelectronic images of various micro- and nanoelectronic materials obtained in Laboratory of electron microscope image at National Research University of Electronic Technology (LEMI MIET) under the authority of Prof. N. I. Borgardt [8]. The specimens of germanium nanowires used in this work have been obtained at MIET Research Laboratory TNM by research scientist I. K. Martynova.

The authors express sincere appreciation to all LEMI workers who took part in obtaining experimental data.

The authors also thank the hosts and participants of 8th Reading from Descartes for the possibility to report the obtained research results, for fruitful discussions and interesting outlook on the problem of global digitalization.

For citation: Bogdanova N. A., Podorozhny O. V. Fourier method as the basis of digital processing of microelectronic images. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), p. 162–173. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-162-173>

Введение. В XVII в. Р. Декарт [4] в своих работах задал эпохальное понятие — «система координат». В XX в. А. Эйнштейн [7] в своих работах 1905 г. сформулировал специальную теорию относительности. В рамках этой теории появилось новое понятие — «система отсчета». Каждое событие предлагалось идентифицировать четырьмя цифровыми индексами — тремя пространственными координатами плюс времени. Дальше благодаря фундаментальным работам в различных областях физики, математики и их инженерной реализации в конце второго тысячелетия закрутилось колесо глобальной цифровизации. В результате на рубеже тысячелетий зародилась цифровая индустрия, захватившая все сферы человеческой деятельности и радикально изменившая облик современного общества. Бурное ее развитие продолжается по сей день, меняя не только привычный уклад жизни человека, но и политическую структуру общества, возникла «цифровая экономика».

Но нельзя забывать, что фундаментом всех этих общественных трансформаций являются естественно-научные законы, понятые учеными и исследователями и далее доведенные до практической реализации руками инженеров, промышленников, финансистов, без преувеличения, всего человеческого сообщества.

Преобразование Фурье и спектральный анализ. Метод Фурье является одним из самых

весомых, фундаментальных кирпичиков в глобальном здании цифровизации [10].

Преобразование Фурье позволяет осуществить переход от временной области к частотной (так называемое обратное пространство), в которой многие вычислительные операции выполняются принципиально значительно легче, а затем вернуться обратно благодаря формулам обращения.

Математическая идея, выдвинутая Фурье, была принята мировым сообществом не сразу. Только в XX в., через 100 лет после выхода монографии Фурье эти идеи получили признание. Радио, связь, новая наука кибернетика, первые ЭВМ, а также необходимость обработки больших массивов данных сделали идеи Фурье сверхвостребованными. Появившийся в 1965 г. алгоритм быстрого преобразования Фурье и его техническая реализация заложили основу глобальной цифровой индустрии и последовавшей технологической революции рубежа III тысячелетия [1; 9].

В настоящей работе рассмотрено применение метода Фурье при обработке микрэлектронных изображений новейших материалов и структур, полученных с использованием электронной микроскопии последнего поколения с помощью специальных математических инструментов пакета IPT (Image Processing Toolbox) вычислительной среды МАТЛАБ [2].

Прямое Фурье-преобразование	Обратное Фурье-преобразование
Непрерывная функция	
$F(u) = \int_{-\infty}^{+\infty} f(x)e^{-i2\pi ux} dx$	$f(x) = \int_{-\infty}^{+\infty} F(u)e^{i2\pi ux} du$
Дискретное преобразование Фурье (ДПФ)	
$F(u) = \sum_{n=0}^{N-1} f(x)e^{-i2\pi ux/N}$	$f(x) = \frac{1}{N} \sum_{u=0}^{N-1} F(u)e^{i2\pi ux/N}$
Двумерное дискретное преобразование Фурье	
$F(u, v) = \sum_x^{M-1} \sum_{y=0}^{N-1} f(x, y)e^{-i2\pi(\frac{ux}{M} + \frac{vy}{N})}$	$f(x, y) = \frac{1}{MN} \sum_u^{M-1} \sum_{v=0}^{N-1} F(u, v)e^{i2\pi(\frac{ux}{M} + \frac{vy}{N})}$

Частотная область представляет собой пространство, в котором принимают значения переменные (u, v) Фурье-преобразования. Частоты в Фурье-преобразовании связаны с вариацией яркости на изображении. Наиболее медленно меняющаяся (постоянная) частотная составляющая ($u = v = 0$) совпадает со средней яркостью изображения. Низкие частоты, отвечающие точкам вблизи начала координат Фурье-преобразования, соответствуют медленно меняющимся компонентам изображения. По мере удаления от начала координат более высокие частоты начинают соответствовать все более и более быстрым изменениям яркости, которые суть границы объектов и другие детали изображения, характеризуемые резкими изменениями яркости, такие как шум.

Основы фильтрации в частотной области. Основой фильтрации в частотной области служит теорема о свертке:

$$f(x, y) \otimes h(x, y) \Leftrightarrow H(u, v)F(u, v).$$

Ее можно записать и в обратном порядке:

$$f(x, y)h(x, y) \Leftrightarrow H(u, v) \otimes F(u, v),$$

где $f(x, y)$ — функция изображения, $h(x, y)$ — маска, по которой производится свертка, $F(u, v)$ и $H(u, v)$ — их Фурье-преобразования соответственно.

Символ \otimes означает операцию свертки двух функций.

Таким образом, первое выражение означает, что свертка двух пространственных функций находится путем вычисления обратного преобразования Фурье от произведения их прямых Фурье-преобразований.

Множитель $H(u, v)$ называется фильтром, поскольку он подавляет определенные частоты преобразования, оставляя другие без изменения.

Рассмотрим способы применения методов частотной фильтрации цифровых изображений на практике.

Применение микроэлектронных изображений. В данной работе использовался образец с германиевыми нанонитями, толщиной 90–100 нм, полученный методом катодного осаждения из водного раствора, содержащего оксид германия.

Для получения образца использовали титановую фольгу толщиной 50 мкм, на поверхность которой наносили массивы наночастиц индия в виде тонкой пленки с навеской в 35 мг с помощью термического испарения. После нанесения металла образец отжигали в вакууме при температуре 400 °C в течение часа.

Электролит, используемый в процессе осаждения в объеме 100 мл, состоял из 0,1 М янтарной кислоты в качестве буферной добавки, 0,5 М K_2SO_4 в качестве проводящей соли, а также 0,05 М GeO_2 . Сам процесс проводился при температуре, равной 10 °C, в гальваностатическом режиме при плотности тока в 0,2 мА/см² в течение 3300 секунд.

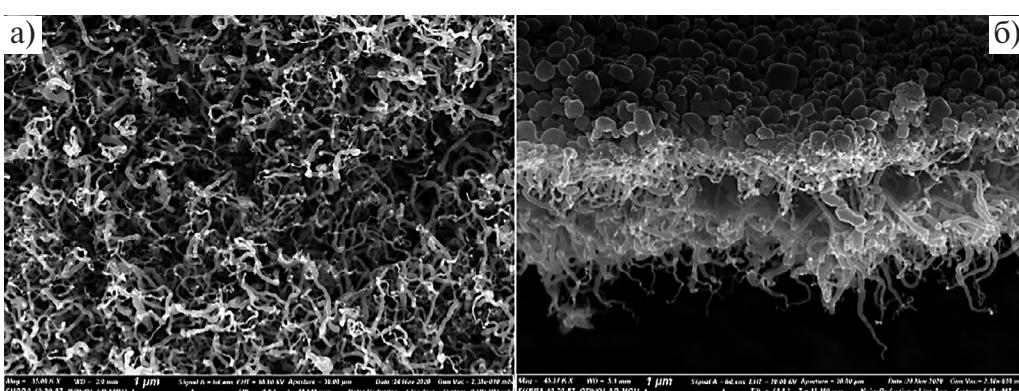

Рис. 1. РЭМ-изображения образцов, содержащих германиевые нанонити: а — с увеличением ×75000 под углом в 0°; б — с увеличением ×45000 под углом в 68,8°

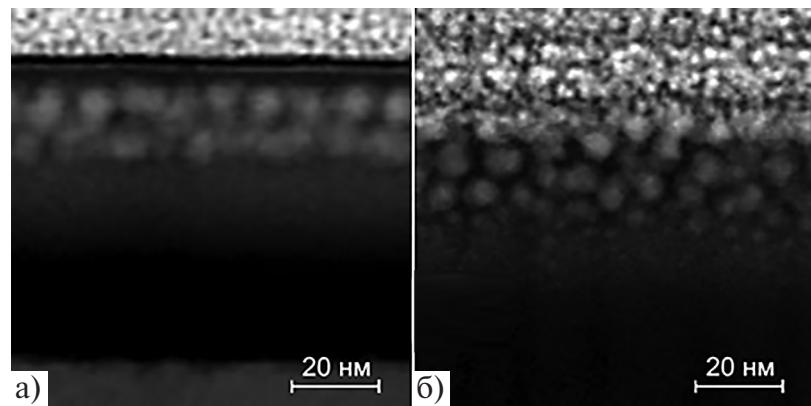

Рис. 2. ПРЭМ-изображения поперечных срезов образцов, подвергшихся облучению 30 кэВ Ga+ — ФИП: а — кремний Si; б — диоксид кремния SiO₂

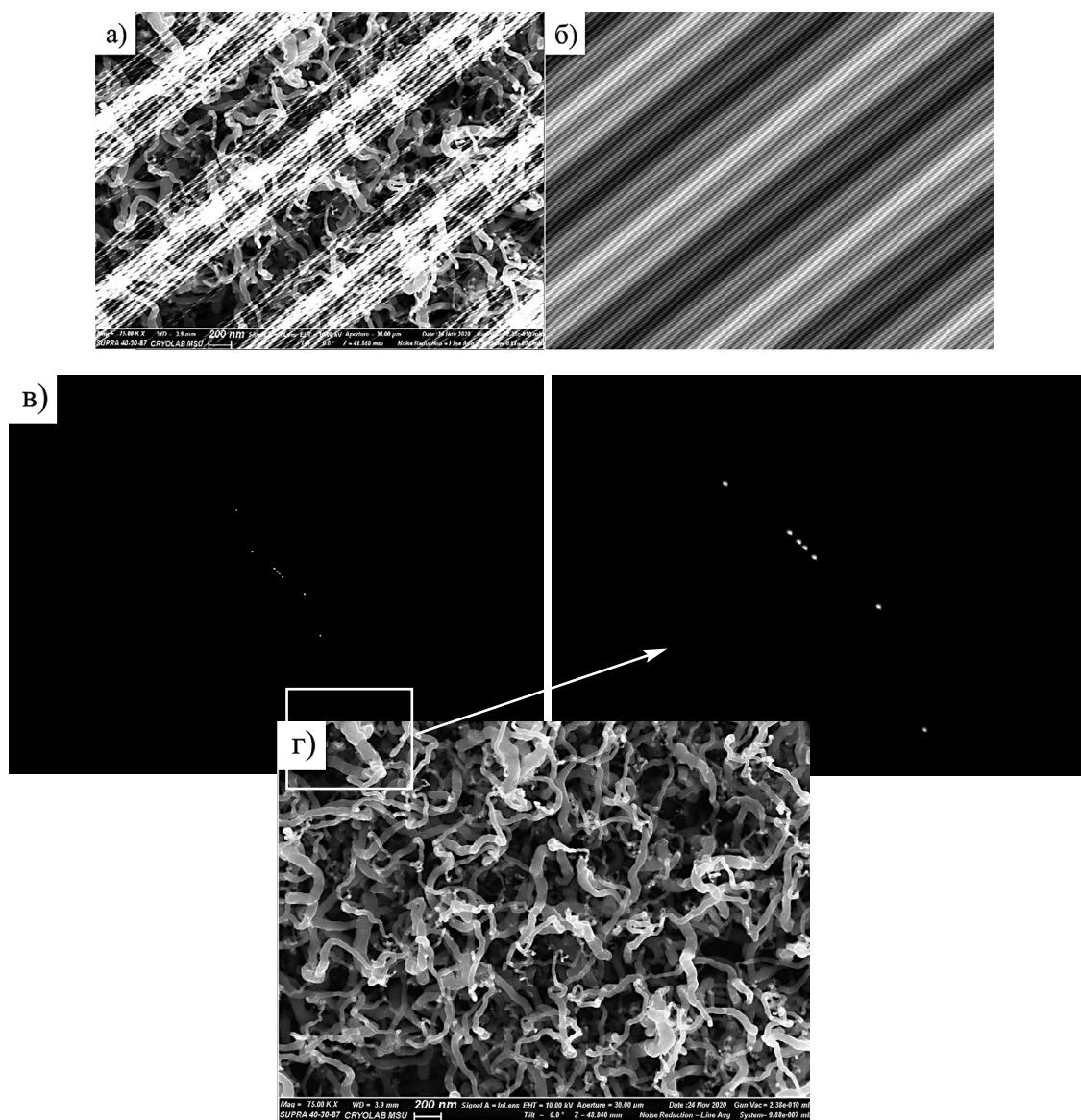

Рис. 3. Микроэлектронное изображение германиевых нанонитей: а — зашумленное изображение; б — изображение периодического шума; в — Фурье-спектр шума; г — отфильтрованное изображение

Изображения были получены двумя способами:

- при помощи растрового электронного микроскопа (РЭМ) [6], энергия электронов пучка 10 кэВ; (рис. 1 а, б, в);

- при помощи просвечивающей растровой электронной микроскопии (ПРЭМ) (облучение производится под нормальным углом к поверхности фокусированным пучком ионов галлия с энергией 30 кэВ. Доза ионов — 10^{17} ионов/см²).

Особенностью изображений на рис. 2 является то, что на них видны размытые очертания преципитатов галлия.

Подавление периодических шумов с помощью частотной фильтрации. На рис. 3 (в) видны ярко выраженные локальные очаги, которые соответствуют повышенным значениям амплитуд, а именно по таким очагам выявляются периодические составляющие шумов.

Из приведенного примера видно, что метод высокочастотной фильтрации позволяет получать свободные от периодического шума изображения, практически не отличающиеся от исходных даже в тех случаях, когда изображение становится совершенно неразличимым из-за наложенного шума.

Фильтрация в частотной области с использованием оператора Собеля. Оператор Собеля [3] аппроксимирует градиент яркости изображения и состоит из двух частей, вертикальной и горизонтальной, или же x и y компонент:

$$h_y = \begin{pmatrix} 1 & 0 & -1 \\ 2 & 0 & -2 \\ 1 & 0 & -1 \end{pmatrix}; \quad h_x = \begin{pmatrix} 1 & 2 & 1 \\ 0 & 0 & 0 \\ -1 & -2 & -1 \end{pmatrix}.$$

Если $g_x = h_x f$; $g_y = h_y f$ — изображения, содержащие значения приближенных градиентов по x и y соответственно, то полное значение градиента яркости можно вычислить следующим образом:

$$g = \sqrt{g_x^2 + g_y^2}.$$

В результате действия данного оператора получается двумерная карта градиента яркости изображения, на которой участки с большим значением яркости, например грани, будут выглядеть как белые линии. Таким образом, фильтрация с помощью оператора Собеля как в пространственной, так и в частотной области позволяет выделить границы объектов на изображении.

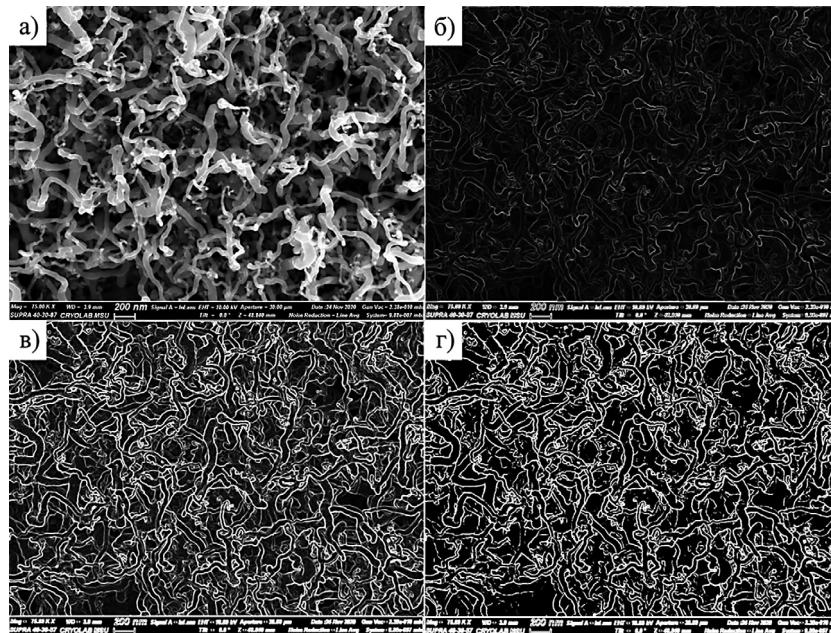

Рис. 4. Электронно-микроскопическое изображение германиевых нанонитей (а), обработанное оператором Собеля в частотной области: изображение с double-значениями пикселей (б); восьмибитное изображение (в); изображение после порогового преобразования (г)

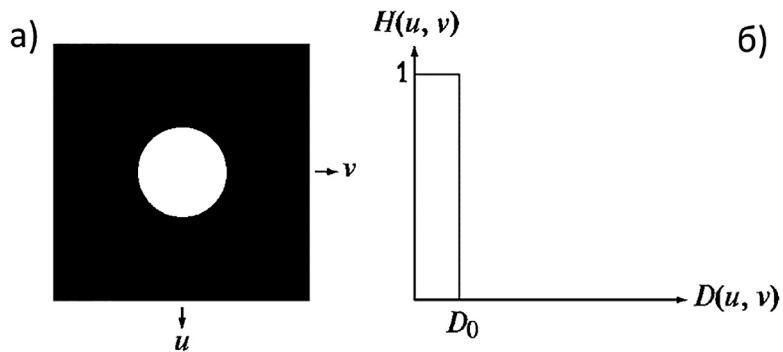

Рис. 5. Представление идеального низкочастотного фильтра в виде изображения (а), радиальный профиль фильтра (б)

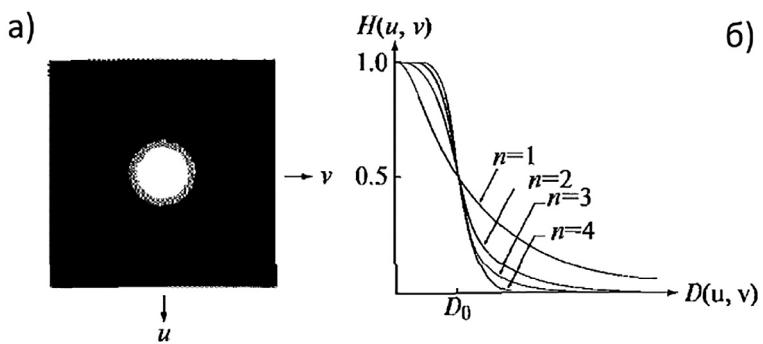

Рис. 6. Полутоновое изображение низкочастотного фильтра Баттервортса (а), радиальные профили фильтров порядка от 1 до 4 (б)

Низкочастотная фильтрация. Резкие перепады яркости (например, контуры, шумы) вносят значительный вклад в высокочастотную часть Фурье-преобразования изображения. Следовательно, при помощи ослабления высокочастотных компонент определенного диапазона Фурье-образа можно добиться сглаживания данного изображения.

Рассмотрим три типа низкочастотных фильтров.

Суть работы *идеального низкочастотного фильтра* заключается в том, что он «срезает» (т. е. умножает на ноль) все компоненты Фурье-преобразования исходного изображения F , лежащие вне данной окружности, и оставляет неизменными (т. е. умножает на единицу) все компоненты, которые находятся внутри или на границе окружности.

Фильтр Баттервортса характеризуется параметром, называемым порядком фильтра. При низких значениях порядка он является гладким фильтром, схожим с гауссовым, а при высоких — резким и приближается по форме к идеальному. Таким образом, фильтр Баттервортса представляет собой промежуточный вариант между идеальным и гауссовым — очень гладким фильтром.

Одним из примеров использования низкочастотной фильтрации может служить *подавление импульсного шума*, приведенного на изображении образца (рис. 8.). Видно, что низкочастотный фильтр позволяет избавиться от шума ценой четкости и резкости изображения, что может быть полезно, когда точные границы объектов не являются необходимыми.

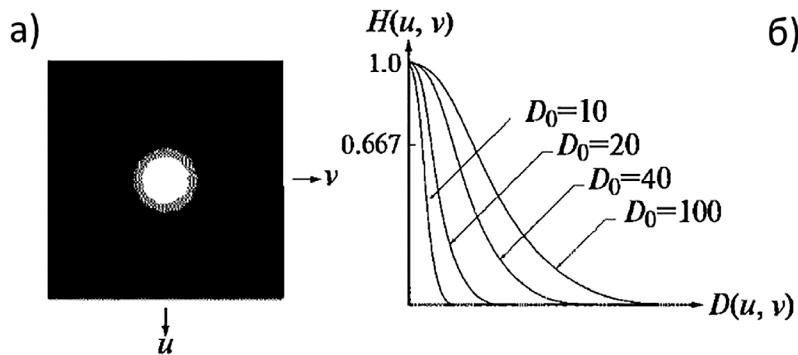

Рис. 7. Полутоновое изображение низкочастотного гауссова фильтра (а), радиальные профили фильтров для различных значений D_0 (б)

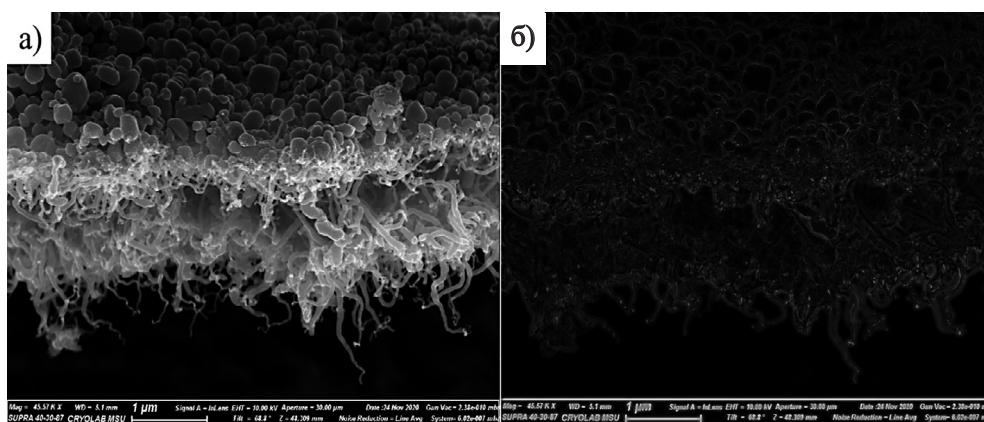

Рис. 8. Электронно-микроскопическое изображение образца с германиевыми нанонитями (а), зашумленное случайным импульсным шумом, обработанное идеальным низкочастотным фильтром (б)

Высокочастотная фильтрация. Высокочастотные фильтры предназначены для выполнения операции, в частности противоположной той, что осуществлялась при помощи низкочастотных фильтров. Частоты, ослабляемые низкочастотным фильтром, пропускаются высокочастотным, и наоборот.

Гомоморфная фильтрация. В основе данного метода лежит разложение изображения на составляющие, связанные с освещенностью и коэффициентом отражения. После этого гомоморфный фильтр $H(u, v)$ действует по отдельности на каждую из составляющих.

На рис. 11 представлен профиль такого фильтра. Если параметры γ_H и γ_L будут подобраны таким образом, чтобы $\gamma_H > 1$ и $\gamma_L < 1$, то такой фильтр будет ослаблять вклад, вно-

симый низкими частотами (освещенностью), и усиливать вклад высоких частот (коэффициента отражения), что в результате и приведет к одновременному сжатию динамического диапазона и увеличению контраста.

Рис. 12 и 13 иллюстрируют применение метода гомоморфной фильтрации. При обработке микроэлектронных фотографий сильно неоднородных образцов данный метод позволяет четко выделить различные слои, отличающиеся по своей структуре или составу.

Быстрое преобразование Фурье. При обработке больших массивов данных, например изображений, наличие мнимой части коэффициентов ДПФ настолько усложняет вычисления, что исключается возможность его применения [5].

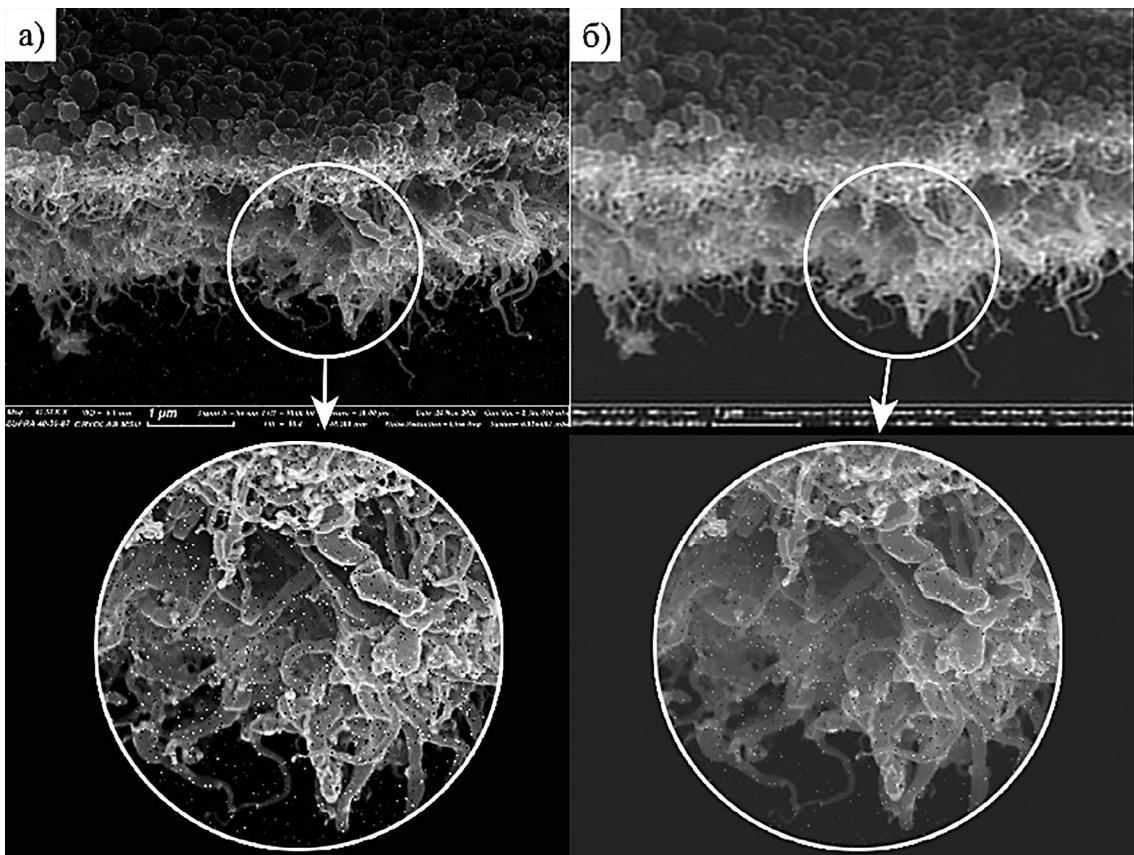

Рис. 9. Электронно-микроскопическое изображение образца с германиевыми нанонитями (а), обработанное гауссовым высокочастотным фильтром (б)

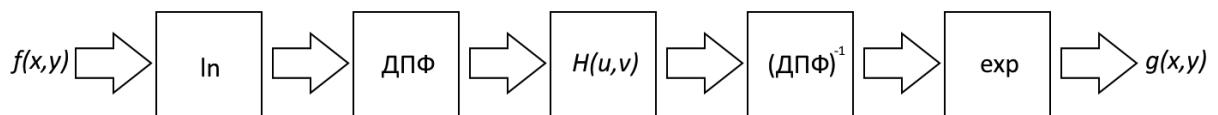

Рис. 10. Схема метода гомоморфной фильтрации для обработки изображений в частотной области

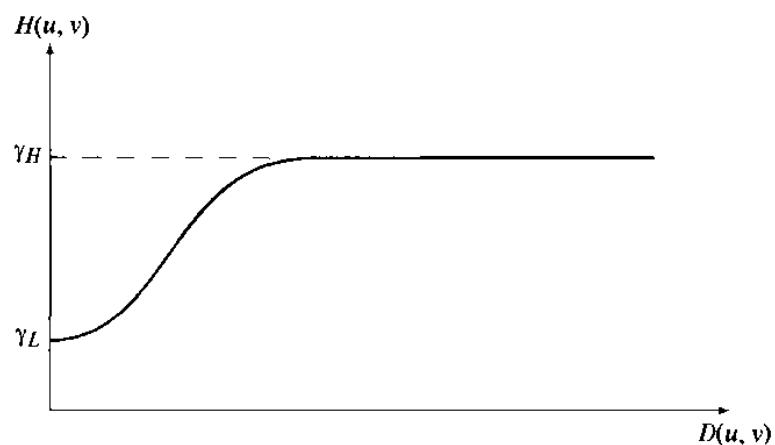

Рис. 11. Профиль центрально-симметричной передаточной функции гомоморфного фильтра

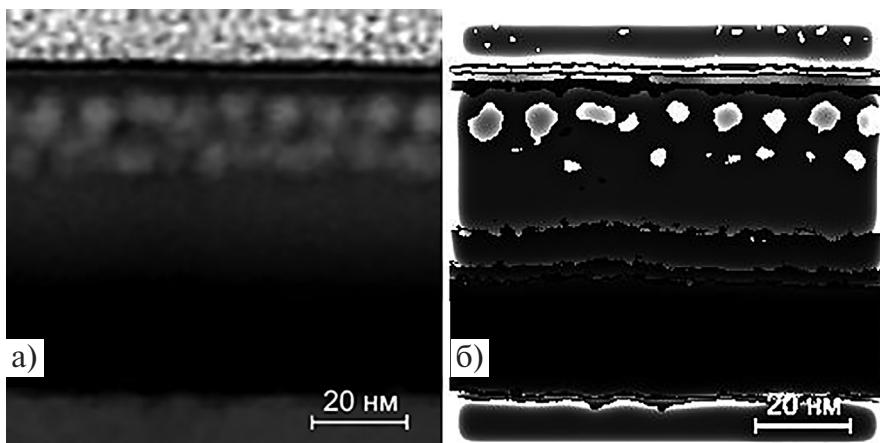

Рис. 12. ПЭМ-изображения образца Si: а — исходное; б — обработанное при помощи гомоморфной фильтрации

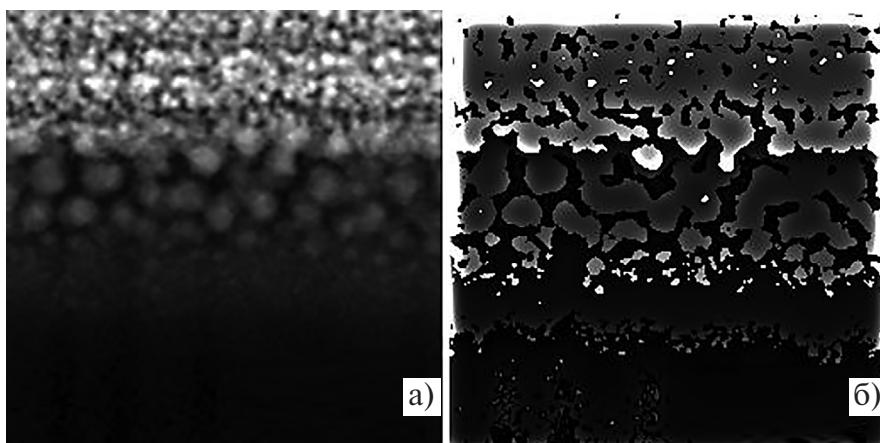

Рис. 13. ПЭМ-изображения образца SiO_2 : а — исходное; б — обработанное при помощи гомоморфной фильтрации

Возможность сокращения числа операций основывается на представлении одномерного ДПФ в виде многомерного. Такой метод называется быстрым преобразованием Фурье (БПФ) — Fast Fourier Transformation (англ. FFT). Можно считать, что при вычислении всех N коэффициентов БПФ требуется около $N \log_2 N$ вычислительных операций вместо N^2 при прямом вычислении.

Например, при $N=10^6 \approx 2^{10}$, $\log_2 N \approx 20$

Число операций при методе ДПФ: $N^2 \approx 10^{12}$;

Число операций при методе БПФ: $N \log_2 N^2 \approx 2 \cdot 10^7$;

Выигрыш составляет $5 \cdot 10^4$.

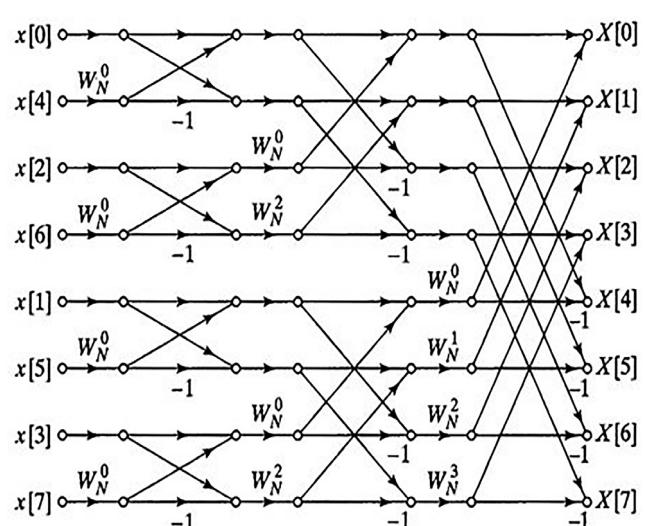

Рис. 14. Алгоритм Кули — Тьюки быстрого преобразования Фурье с прореживанием по времени

Выводы. Преобразование Фурье лежит в фундаменте великого множества важных практических приложений.

Благодаря разработке быстрого преобразования Фурье, эффективного алгоритма вычисления дискретного преобразования, стала возможной обработка и интерпретация огромной совокупности данных во всех сферах человеческой деятельности от медицинской диагностики до новейших электронных средств связи.

Список литературы и источников

1. **Богданова Н. А.** Преобразование Фурье. От классического к квантовому // Студия онлайн-контента МИЭТ [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://miet.study/w/eeFqnseG1WmzCFrkZqxL8V> (дата обращения: 20.08.2022).
2. **Богданова Н. А.** Математическая обработка микроэлектронных изображений с использованием вычислительной среды MATLAB // Студия онлайн-контента МИЭТ [Электронный ресурс]. 2021. Режим доступа: авторизация. URL: <https://bo.miet.ru/~EcJdx> (дата обращения: 20.08.2022).
3. **Гонсалес Р., Вудс Р. Эддинс С.** Цифровая обработка изображений в среде MATLAB. М.: Техносфера, 2006. 616 с. (Мир цифровой обработки).
4. **Декарт Р.** Сочинения: в 2 т. / сост., ред. В. В. Соколова; пер. с лат. и фр. С. Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1989—1994.
5. **Нуссбаумер Г.** Быстрое преобразование Фурье и алгоритмы вычисления сверток / пер. с англ. Ю. Ф. Касимова, И. П. Пчелинцева; под ред. В. М. Амербаева, Т. Э. Кренкеля. М.: Радио и связь, 1985. 248 с.
6. **Румянцев А. В., Приходько А. С., Боргардт Н. И.** Исследование аморфизации кремния ионами галлия на основе сопоставления расчетных и экспериментальных электронно-микроскопических изображений // Поверхность. Рентгеновские, синхротронные и нейтронные исследования. 2020. № 9. С. 103—108. <https://doi.org/10.31857/S1028096020090174>
7. **Эйнштейн А.** Собрание научных трудов: в 4 т. / под ред. И. Е. Тamma и др. Т. 1. М.: Наука, 1965. 700 с. (Классики науки).

8. **Borgardt N. I., Rumyantsev A. V.** Prediction of surface topography due to finite pixel spacing in FIB milling of rectangular boxes and trenches // Journal of Vacuum Science & Technology B. 2016. Vol. 34. Iss. 6. Art. No. 061803. <https://doi.org/10.1116/1.4967249>

9. **Cooley J. W., Tukey J. W.** An algorithm for the machine calculation of complex Fourier series // Math. Comp. 1965. Vol. 19. P. 297—301. <https://doi.org/10.1090/S0025-5718-1965-0178586-1>

10. **Fourier J.-B.-J.** Théorie analytique de la chaleur. Paris: Firmin Didot Père et Fils, 1822. 639 p.

References

1. Bogdanova N. A. Fourier transform. From classical to quantum. *Studiya onlayn-kontenta MIET* [Web]. 2021. Available at: <https://miet.study/w/eeFqnseG1WmzCFrkZqxL8V> (accessed: 20.08.2022).
2. Bogdanova N. A. Mathematical processing of microelectronic images using MATLAB computational environment. *Studiya onlayn-kontenta MIET* [Web]. 2021. Access mode: authorization. Available at: <https://bo.miet.ru/~EcJdx> (accessed: 20.08.2022).
3. Gonzalez R. C., Woods R. E., Eddins S. L. *Digital Image Processing Using MATLAB*. London, Pearson Education, 2004. 620 p.
4. Descartes R. *The Philosophical Works of Descartes*, in 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1911.
5. Rumyantsev A. V., Prikhodko A. S., Borgardt N. I. Study of gallium induced silicon amorphization by matching of experimental and simulated electron microscopy images. *Poverkhnost'. Rentgenovskie, sinkhrotronnye i neitronnye issledovaniya*, 2020, no. 9, pp. 103—108. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S1028096020090174>
6. Nussbaumer H. J. *Fast Fourier Transform and Convolution Algorithms*. Berlin, Heidelberg, Springer, 1981. 248 p.
7. Einstein A. *The Albert Einstein Collection*, vol. 1. S. I., Philosophical Library/Open Road, 2016. 386 p.
8. Borgardt N. I., Rumyantsev A. V. Prediction of surface topography due to finite pixel spacing in FIB milling of rectangular boxes and trenches. *Journal of Vacuum Science & Technology B*, 2016, vol. 34, iss. 6, art. no. 061803. <https://doi.org/10.1116/1.4967249>

9. Cooley J. W., Tukey J. W. An algorithm for the machine calculation of complex Fourier series. *Math. Comp.*, 1965, vol. 19, pp. 297—301.
<https://doi.org/10.1090/S0025-5718-1965-0178586-1>

10. Fourier J.-B.-J. *Théorie analytique de la chaleur*. Paris, Firmin Didot Père et Fils, 1822. 639 p.

Информация об авторах

Богданова Надежда Александровна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент Института физики и прикладной математики, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Подорожний Олег Викторович — магистрант, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Nadezhda A. Bogdanova — Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Associate Professor of the Institute of Physics and Applied Mathematics, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Oleg V. Podorozhny — Master's Student, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 16.09.2022.

The article was submitted 16.09.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 174–185.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 174–185.
Научная статья

УДК 316.023.5:378 + 37.015.3
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-174-185

**Психоэмоциональное состояние студентов университета
в условиях дистанционного обучения
(по материалам социологического исследования в НИУ МИЭТ)**

O. V. Шангина¹, И. М. Горбачева², С. А. Гершунин³, А. С. Белокопытов⁴

^{1–4} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

^{1, 2} shanginao@yandex.ru

³ finbaricus@yandex.ru

⁴ ponchk.antonchik@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются факторы, влияющие на качество образовательного процесса в период активного внедрения современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. Представлены результаты исследования психоэмоционального состояния студентов, проведенного весной — летом 2021 г. в Национальном исследовательском университете «МИЭТ». Анализируются изменения психоэмоционального статуса обучающихся, вызванные длительной самоизоляцией в условиях пандемии новой болезни, и обострение проблемы социальной депривации после повсеместного перехода к дистанционному обучению. Делается предположение о пересмотре отношения к педагогической психологии в постпандемийный период.

Ключевые слова: дистанционное обучение, педагогика, педагогическая психология, структура личности, психоэмоциональное состояние обучающегося, стенические эмоции, астенические эмоции, волевая регуляция личности, социальная дезадаптация, депривация, цифровизация

Для цитирования: Психоэмоциональное состояние студентов университета в условиях дистанционного обучения (по материалам социологического исследования в НИУ МИЭТ) / О. В. Шангина, И. М. Горбачева, С. А. Гершунин, А. С. Белокопытов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 174–185. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-174-185>

Original article

**Psychoemotional state of university students under the conditions
of distance learning
(Based upon an opinion survey conducted at MIET)**

O. V. Shangina¹, I. M. Gorbacheva², S. A. Gershunin³, A. S. Belokopytov⁴

^{1–4} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

^{1, 2} shanginao@yandex.ru

³ finbaricus@yandex.ru

⁴ ponchk.antonchik@gmail.com

Abstract. The authors consider the factors affecting the quality of teaching / learning process in the period of active digital enablement of various sectors of life and industry. This work presents the results of an opinion survey of students' psychoemotional state conducted at National Research University of Electronic Technology (MIET) in the spring and summer of 2021. The authors have analyzed the changes in students' psychoemotional state caused by their prolonged self-isolation amid the pandemic of new disease, and the aggravation of social deprivation problem after worldwide transition to distance learning. A suggestion is made about changing the attitude towards pedagogical psychology in the post-pandemic period.

Keywords: distance learning, pedagogy, pedagogical psychology, personality structure, student's psychoemotional state, sthenic emotions, asthenic emotions, volitional regulation of personality, social maladaptation, deprivation, digitalization

For citation: Shangina O. V., Gorbacheva I. M., Gershunin S. A., Belokopytov A. S. Psychoemotional state of university students under the conditions of distance learning (Based upon an opinion survey conducted at MIET). *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 174–185. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-174-185>

Введение. Образование представляет собой сложный, многокомпонентный процесс, состоящий из различного рода взаимодействий, прежде всего между обучающими и обучаемыми. На эти взаимодействия влияет ряд факторов, которые в идеальном случае должны способствовать качественному образованию. К ним относятся *организационные* (учебные планы и программы, образовательные ресурсы, формы проведения занятий), а также факторы, *связанные с личностными характеристиками* участников образовательного процесса (такими как заинтересованность, восприимчивость, доверие и т. п.), и, конечно, *мотивационный* фактор.

Задачу эффективной организации процесса обучения ставили и решали в своих трудах сторонники личностного подхода, авторы психолого-педагогических исследований середины и конца XX в.: Д. Н. Богоявленский, П. П. Блонский, Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, Л. В. Занков, А. Н. Леонтьев, Н. А. Менчинская, С. Л. Рубинштейн,

Д. Б. Эльконин, Ф. Е. Василюк и др. Сегодня их идеи развиваются среди прочих Т. В. Склярова, Н. В. Носкова, Д. А. Леонтьев, А. Н. Бурно и О. В. Шапиро.

Мотивация в значительной степени способствует улучшению образовательного процесса и достижению более высоких академических результатов, что делает ее одним из важнейших факторов образовательного процесса: ее наличие может значительно облегчить и улучшить процесс преподавания и усвоения знаний, а отсутствие приводит к отрицательным результатам всего обучения [14].

Еще один фактор, влияющий на качество образовательного процесса, — эмоциональное состояние: оно играет важную роль в принятии решений, преодолении жизненных трудностей, общении с людьми и в мотивации.

Во время учебного процесса возникают два основных вида эмоций. *Стенические* эмоции оказывают сильное положительное влияние на обучение. Во-первых, они побуждают к активной деятельности, мобилизуют силы

человека, в целом способствуя более творческому и гибкому мышлению, и усиливают мотивацию. Во-вторых, студенты сознательно хотят сохранить и, возможно, увеличить интенсивность положительного эмоционального состояния (в данном случае вызванного самим процессом обучения), сохранив таким образом концентрацию и мотивацию к обучению. Астенические эмоции, даже когда они напрямую не связаны с образовательным процессом, снижают мотивацию и сосредоточенность на обучении. Обилие астенических эмоций и их высокая интенсивность приводят к деконцентрации внимания и дезадаптации студентов.

Ослабление способности сконцентрироваться на усвоении новой информации происходит по нескольким причинам.

В последние 20 лет ученые обращают всё большее внимание на изучение изменений психофизиологических функций человека, происходящих под воздействием широкого распространения информационных технологий. Наиболее значимое из них, по справедливому замечанию Т. П. Зинченко, — преобразование психических процессов, отвечающих за рациональное познание [5]. Современные технологии, по мнению ряда исследователей, скорее неблагоприятно влияют на этот вид познания.

К основным факторам цифровизации общества, влияющим на когнитивные процессы, А. К. Бронских с соавторами относят [3]:

- гипертекстуальность современной культуры (гипертекст — нелинейная форма представления информации — сегодня преобладает над текстовой);
- возрастание количества информации, которой вынужден оперировать человек (постоянное дублирование информации приводит к тому, что людям становится все труднее ориентироваться в ней);
- распространение электронной коммуникации;
- языковые трансформации (люди все чаще отказываются от сложных языковых

конструкций, произвольно упрощают грамматические правила, предпочитая использовать сленговые выражения и сокращенные словесные формы, а также слова, заимствованные из иностранных языков).

Всё это приводит к распространению в современном обществе и образовании сравнительно новой модели восприятия — так называемого *клипового мышления* или *нет-мышления* [4]. Исследователь психологии школьников и студентов Т. В. Семеновских определяет клиповое мышление как «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [11]. Отмеченные изменения, прежде всего, затрагивают внимание, память и аналитическое мышление — психофизиологические функции, главным образом задействованные в обучении. Не только студенты, но и в целом современные горожане становятся более рассеянными и поверхностными из-за неспособности осмысливать информацию ввиду ее обильного притока.

Постановка проблемы. Прошедшая в 2019—2022 гг. пандемия COVID-19 повлияла на системы образования во всем мире: привела к временному закрытию школ и университетов или срочному, без предварительной подготовки, переводу их на дистанционное обучение. В результате через полгода после официального объявления пандемии, в августе 2020 г., примерно 1,6 миллиарда обучающихся были лишены возможности посещать занятия очно [1]. Для преодоления этой проблемы ЮНЕСКО рекомендовала использовать все доступные средства дистанционного обучения [15].

Переход от традиционного обучения — занятий в очной форме в классе или аудито-

рии — к дистанционному онлайн-образованию затрагивает различные аспекты образовательной практики [2; 12; 13]. В онлайн-среде преподаватели не наблюдают непосредственно за учебной деятельностью обучающихся, а те во время учебных занятий не взаимодействуют лицом к лицу с преподавателями и другими обучающимися. Следовательно, исчезновение возможности физического социального присутствия в образовательном учреждении влияет на вовлеченность обучающихся и приводит к развитию у них чувства изоляции. В крайних формах оно может доходить до переживания социальной депривации, в результате чего при онлайн-обучении повышается уровень отсева обучающихся из образовательного процесса.

Расхожее утверждение «люди — животные стайные» справедливо во многих отношениях, однако, как показал нобелевский лауреат К. Лоренц в фундаментальном труде «Агрессия, или Так называемое зло» (1963) [7], у этой стойности (инстинктивной социальности) есть и обратная сторона — внутривидовая агрессия, лежащая в основе полового отбора. Сила ее проявления (степень внутривидовой агрессивности) у животного обратно пропорциональна удалению от центра области его обитания. С позиций эволюционного отбора это объяснимо: чем дальше друг от друга расселяются особи, тем шире их ареал обитания и тем больше шанс, что вид выживет в течение продолжительного времени.

Человек как биопсихосоциальное существо испытывает потребность в общении, и в смене круга собеседников. Если вторую потребность по какой-либо причине нет возможности удовлетворить, человек ощущает дискомфорт. Можно провести некоторые параллели между влиянием самоизоляции на психическое состояние студентов и изоляции — на состояние участников полярных экспедиций, заключенных в тюремных камерах и т. п. В двух последних случаях возникает синдром, известный под названием «поляр-

ной болезни» или «кабинной лихорадки». Вот как его описывает К. Лоренц: «Так называемая “полярная болезнь”, иначе “экспедиционное бешенство”, поражает преимущественно небольшие группы людей, когда они в силу обстоятельств, определенных самим названием, обречены общаться только друг с другом и тем самым лишены возможности ссориться с кем-то посторонним, не входящим в их товарищество» [8].

Иными словами, у изолированной группы людей непроизвольно возникает клаустрофическая реакция, сопровождаемая депрессией, унынием, тревожностью, а у кого-то повышением агрессивности. Можно предположить, что похожая реакция возникает и у студентов в условиях самоизоляции. Агрессия накапливается и не находит разрядки: правила человеческого общежития не поощряют агрессивных действий по отношению к хорошо знакомым людям, с которыми предстоит общаться и дальше.

При этом и К. Лоренц, и другие психологи считают подавление агрессии нецелесообразным и бесполезным. Лоренц констатирует: «...Два “простейших” способа управляться с агрессией оказываются совершенно безнадежными. Во-первых, ее наверняка нельзя исключить, избавляя людей от раздражающих ситуаций; и, во-вторых, с ней нельзя совладать, навесив на нее морально-мотивированный запрет. Обе эти стратегии так же хороши, как затяжка предохранительного клапана на постоянно подогреваемом котле для борьбы с избыточным давлением пара» [7].

Сказанное выше позволяет выдвинуть гипотезу: онлайн-среда порождает социальную депривацию.

С апреля по июль 2021 г. по инициативе студентов бакалавриата Национального исследовательского университета «МИЭТ» (НИУ МИЭТ) нами было проведено исследование, направленное на выявление возможного роста уровня социально-психологической дезадаптации в связи с изменениями

формы обучения, продиктованными требованиями безопасности в новых условиях, связанных с пандемией. В исследовании приняли участие 339 студентов НИУ МИЭТ, что составляет примерно 10 % от количества обучающихся в бакалавриате. Анализировались следующие показатели психоэмоционального состояния личности: депрессивность (Д), тревожность (Т), устойчивая тенденция к фрустрации ($\Phi(Y)$), очень высокий уровень фрустрации ($\Phi(B)$)

Методический инструментарий. Исследование проводилось с использованием трех известных психологических тестов.

Опросник Басса — Дарки [10, с. 37—43] был разработан А. Бассом и Э. Дарки в 1957 г. Он состоит из 75 утверждений, на которые испытуемый отвечает «да» или «нет», и направлен на выявление уровня агрессивности и враждебности. Создавая опросник, дифференцирующий проявления агрессии и враждебности, А. Басс и Э. Дарки выделили следующие 8 видов реакций: физическая агрессия, косвенная агрессия, раздражение, негативизм, обида, подозрительность, вербальная агрессия и чувство вины.

Методика диагностики уровня социальной фruстрированности Л. И. Вассермана в модификации В. В. Бойко [9, с. 157—161] показывает степень выраженности социальной фruстрированности (формы психического напряжения, обусловленной неудовлетворенностью достижениями и положением личности в социально заданных иерархиях). Социальная фruстрированность передает эмоциональное отношение человека к позициям, которые ему удалось занять в обществе на данном этапе своей жизни.

Тест на диагностику состояния уровня тревожности (методика диагностики самооценки Ч. Д. Спилбергера, Ю. Л. Ханина в сочетании с методикой измерения уровня тревожности Тейлора) [9, с. 59—69] показывает внутреннее напряжение личности на момент прохождения тестирования. Все

использованные нами методики имеют высокую степень валидности.

Участникам исследования было предложено открыто или анонимно заполнить онлайн-анкеты (Google Forms), которые включали в себя три названных психоiagnosticsких опросника и дополнительные уточняющие вопросы, разработанные нами:

1. Вырос ли Ваш уровень агрессии за последний год (год карантина)? (Варианты ответов: да, нет.)

2. Стали ли Вы более раздражительны и обидчивы за прошедший год? (Варианты ответов: да, нет.)

3. Испытываете ли Вы чувство раздражения из-за введенных мер ограничения в связи с карантином? (Варианты ответов: да, нет.)

4. Доставляет ли Вам дискомфорт то, что Вы не всегда можете планировать Вашу следующую неделю из-за особенностей периода карантина? (Варианты ответов: да, нет.)

5. Вы стали быстрее утомляться за прошедший год? (Варианты ответов: да, нет.)

6. Открытый вопрос: как изменилось (если изменилось) Ваше эмоциональное состояние за прошедший год карантина? (Варианты ответов: осталось прежним, улучшилось, ухудшилось, другой вариант (опишите своими словами, какой).)

Результаты и обсуждение. После обработки заполненных анкет получены следующие результаты:

1) 14 % студентов остро нуждаются в срочной психологической поддержке и ожидают ее от вуза;

2) у 33, 6% студентов за год, проведенный в условиях самоизоляции, заметно ухудшилось эмоциональное состояние;

3) всего 12 % студентов отметили улучшение эмоционального состояния;

4) у 3 % студентов наблюдается состояние эмоциональной лабильности;

5) многие респонденты отметили за истекший год рост утомляемости, тревожности

и агрессивности, депрессивного настроя мыслей, потерю социализации.

По результатам опроса были также получены показатели уровней депрессивности (Д), тревожности (Т) и фрустрированности (Ф) респондентов, сведенные в табл. 1. При анализе данных мы также установили: чем хуже у студента результаты онлайн-анкетирования, тем больше вероятность, что он подтвердит потребность в психологической помощи на текущий момент. При этом все

равно довольно много студентов с признаками выраженной тревожности, депрессивности и фрустрации не готовы обратиться к услугам университетского психолога или заявляют, что не нуждаются в них. Можно предположить, что в российских университетах и колледжах, в отличие от западных, еще недостаточно развита культура психологического сопровождения обучения в высшей школе, и студенты предпочитают переживать свои проблемы молча, даже если это

**Таблица 1
Количество студентов с различными комбинациями результатов по разным опросникам**

Какие показатели явно выражены*	Нуждаетесь ли Вы в каком-либо виде психологической поддержки со стороны вуза сейчас?			Число опрошенных (ответивших) студентов	
	Нет	Да	Другое	Всего	% опрошенных от всего количества респондентов
Д+Т+Ф(В)	7	1	0	8	2,37 %**
Д+Т+Ф(У)	42	19	9	70	20,6 %
Д+Т	19	4	6	29	8,6 %
Д+Ф(В)	2	0	0	2	0,6 %
Д+Ф(У)	14	6	3	23	6,8 %
Д	16	4	5	25	7,4 %
Т+Ф(У)	18	3	1	22	6,5 %
Т	19	0	2	21	6,2 %
Ф(В)	0	1	0	1	0,3 %
Ф(У)	23	2	0	25	7,4 %
Показатели в пределах нормы	104	6	1	111	32,7 %
Всего ответов	264	46	27	339	100,00 %
% от общего числа ответов	77,9%	13,6%	8%	100%	—

Примечания:

* каждое обозначение в столбце 1 характеризует результат, выходящий за пределы принятой авторами опросников нормы;

** повышенный показатель «враждебности» (11–15) у всех студентов, входящих в этот процент. Норма: (6–7 ± 3).

значительно снижает уровень их академической успеваемости.

Приведенная на рис. 1 диаграмма иллюстрирует количество студентов, у которых по результатам обработки анкет выявились комбинации показателей, выходящих за пределы нормы, принятой составителями тестов.

Корреляционный анализ данных дал результаты, сведенные в табл. 2.

Критическое значение коэффициента корреляции Спирмена для выборки, состоящей из 339 элементов, составляет 0,175 ($p = 0,001$). Как видно из табл. 2, между всеми параметрами имеется статистически значимая корреляция. При расчете коэффициентов корреляции мы для удобства изменили знаки результатов уровней депрессивности и тревожности, т. е. под возрастанием баллов по этим параметрам нами понимается увеличение депрессивности и тревожности соответственно, а не уменьшение, как указывалось в инструкции к опроснику.

Наибольшая взаимосвязь прослеживается в ряду параметров фрустрация — тревожность — враждебность — депрессивность. Следовательно, чем больше фрустрирован студент (а это напрямую зависит от карантинных ограничений), тем он более тревожен, депрессивен и враждебен.

В работах А. Басса и Э. Дарки установлены пределы нормы агрессивности (колеблется в диапазоне 17—25 ед.) и враждебности (3—10 ед.). Анализируя результаты прохождения опросников, мы получили результаты, представленные в табл. 3.

Исследование показало, что у большинства студентов (63,4 %) показатели агрессивности не соответствуют норме, вероятно вследствие того, что из-за тормозящих стимулов в ситуации изоляции агрессивность не находила себе выхода.

При дистанционном обучении цели личностного интереса обучающегося выходят на первый план. Внутренние стимули-

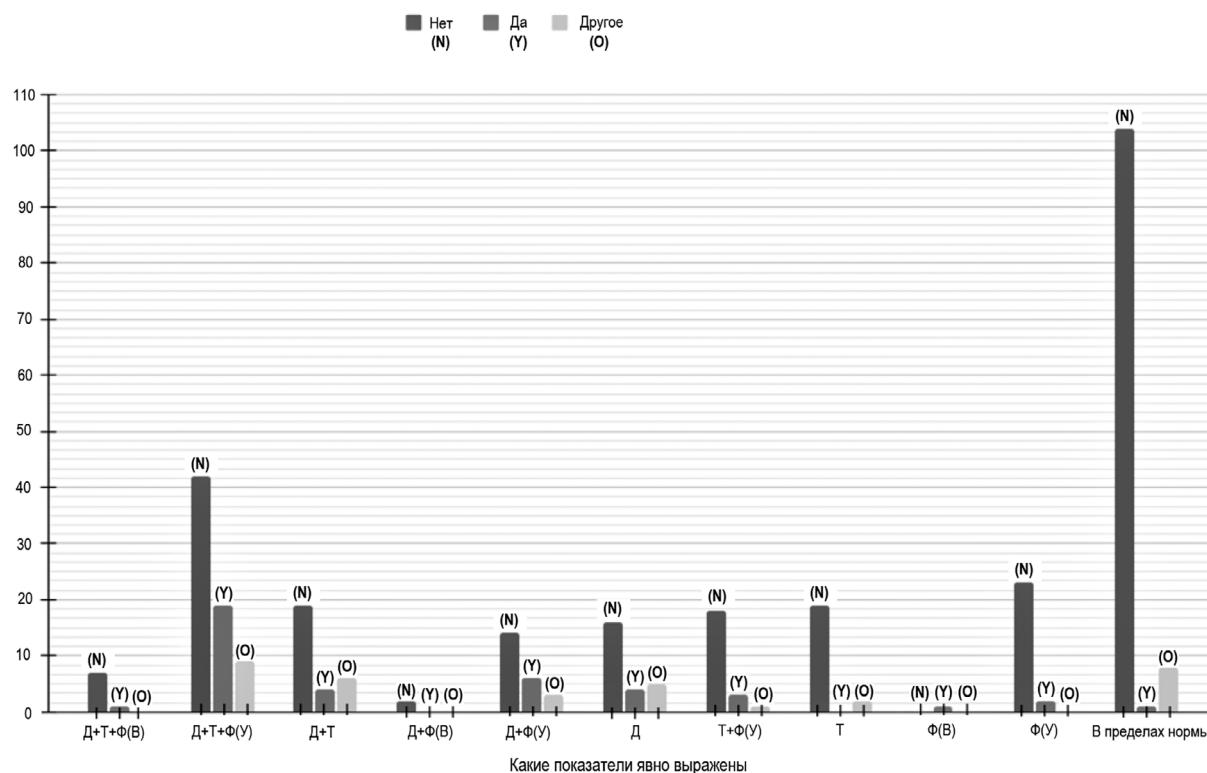

Рис. 1. Ответы студентов на вопрос: «Нуждаетесь ли Вы в каком-либо виде психологической поддержки со стороны вуза сейчас?»

Таблица 2
Степень корреляции между исследуемыми параметрами

Параметр	Параметр				
	Враждебность	Тревожность	Депрессивность	Уровень фрустрации	Агрессивность
Тревожность	0,46	—	—	—	—
Депрессивность	0,54	0,65	—	—	—
Уровень фрустрации	0,62	0,46	0,57	—	—
Агрессивность	0,37	0,24	0,23	0,40	—

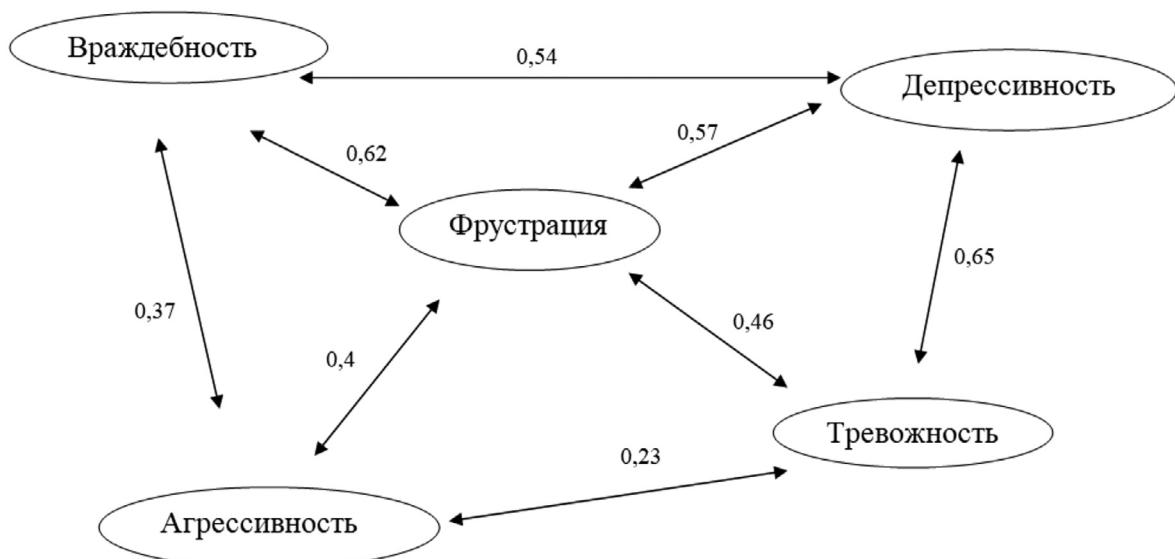

Рис. 2. Наглядное представление взаимосвязи уровня фрустрации и других показателей (цифрами обозначены уровни корреляции)

рующие факторы оказываются намного значимее внешних — межличностных отношений, — т. е. положительный эффект образования достигается благодаря получаемому удовлетворению от достигнутых результатов и самого процесса познания. Поэтому качество дистанционного обучения во многом определяется психологическими факторами, особенно эмоциональной составляющей. При выполнении учебных задач обучающийся руководствуется наиболее эмоционально комфортными путями и подходами.

Исключение негативных эмоциональных блоков из памяти является естественной

реакцией системы психологической защиты человека [6]. Однако следствием накопления большого числа подобных эмоциональных блоков становится ответная реакция — изменение психических и физиологических состояний личности. Механизм психологической защиты формирует своеобразный иммунитет к неприятным переживаниям. Пример его проявления — неосознанное варьирование порога чувствительности к внешним и внутренним раздражителям. При столкновении обучающегося с проблемой, которую он не может решить доступными ему способами, чувствительность к внешним

Таблица 3

Количество студентов с нормальным и выходящим за пределы нормы уровнем агрессивности

Показатель	Агрессивность	Враждебность
В пределах нормы, чел.	124	246
Ниже нормы, чел.	202	19
Выше нормы, чел.	11	72
Всего за пределами нормы, чел.	215	93
% человек с показателями за пределами нормы от общего числа опрошенных	63,42	27,43

раздражителям резко снижается: порог повышается, тем самым отсекая любые информационные и психологические потоки, связанные с этой проблемой [6].

Постоянное пребывание в избыточной информационной среде приводит к тому, что обучающиеся применяют так называемую тактику избегания информации: начинают игнорировать полезную информацию, как только ее становится слишком много, чтобы разобраться в ней и понять ее. А при необходимости быстро принять решение срабатывает «парадокс выбора»: происходит фиксация первого случайно пришедшего в голову варианта.

В результате избыточность отрицательного эмоционального фона и информационное давление приводят к формированию у студента апатичности и страха перед процессом обучения, в частности перед дистанционным обучением, уже ставшим частью повседневной жизни современного человека.

Выводы и рекомендации. В академической среде сложились две диаметрально противоположные оценки дистанционных форм обучения. Одни исследователи видят исключительно их риски, другие — акцентируют внимание на новых возможностях, несмотря на многочисленные свидетельства отрицательного влияния информационных технологий на психоэмоциональное состояние обучающихся и как следствие — на процесс обучения.

В связи с этим сегодня всем педагогам, работающим в формате дистанционного образования, следует обратить особое внимание на поддержание психоэмоционального баланса у обучающихся. Можно предположить, что в дальнейшем психологический аспект в образовании станет в один ряд с педагогическим, разделив с ним процентное соотношение пятьдесят на пятьдесят. Со времен исследований А. Бине (1857—1911), одного из основоположников экспериментальной психологии, и до сегодняшнего дня педагогическую психологию было принято считать «фундаментом» педагогики и ее методов. Сегодня картина стремительно меняется, выводя методы педагогической психологии и методики общей психологии в арсенал современного преподавателя наряду с педагогическими приемами и методами. Рекомендуется уделять особое внимание основной задаче обучения, а именно созданию условий, обеспечивающих обучающимся эмоциональный комфорт и эффективное усвоение не отдельных знаний, но целостной их системы и овладение необходимыми навыками и умениями.

Список литературы и источников

1. Аналитическая записка: вопросы образования во время и после COVID-19 // Группа ООН по устойчивому развитию [Электронный ресурс]. Август 2020. URL: <https://unsdg.un.org/ru/resources/analiticheskaya-zapiska-voprosy-obrazovaniya-vo-vremya-i-posle-covid-19> (дата обращения:

09.08.2022).

2. **Багдасарова Н. А., Чмыхова Е. В., Богданов И. В.** Психологические аспекты дистанционного образования // Инновации в образовании. 2003. № 5. С. 78—90.

3. **Бронских А. К., Магсумова Н. А., Седина Н. С.** Влияние информационных технологий на когнитивные функции студентов ПГМУ имени академика Е. А. Вагнера // Молодой ученый: электрон. науч. журн. 2021. № 3 (345). С. 40—42. URL: <https://moluch.ru/archive/345/77743/> (дата обращения: 09.08.2022).

4. **Загидуллина М. В.** Информационное общество в контексте net-мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). С. 48—51.

5. **Зинченко Т. П.** Когнитивная и прикладная психология. М.: Моск. психолого-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. 608 с. (Б-ка психолога).

6. **Исаев А. В.** Психология дистанционного обучения: эмоциональный фактор восприятия учебного материала // Среднее профессиональное образование. 2008. № 7. С. 51—54.

7. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г. Ф. Швейниха. Гл. 14. Надеюсь и верю // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt> (дата обращения: 09.08.2022).

8. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г. Ф. Швейниха. Гл. 4. Спонтанность агрессии // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt> (дата обращения: 09.08.2022).

9. Практическая психоdiagностика: методики и тесты / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара: БАХРАХ-М, 2001. 672 с.

10. Психология подростка: практикум. Тесты, методики для психологов, педагогов, родителей / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003. 124 с. (Мэтры психологии).

11. **Семеновских Т. В.** Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Интер-

нет-журнал Науковедение. 2014. № 5 (24). Ст. 134. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения: 09.08.2022).

12. **Уддин Мд. А.** Индивидуальные различия студентов, обучающихся по программе дистанционного образования (обзор зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 3. С. 104—122.

13. Attempts, successes, and failures of distance learning in the time of COVID-19 / N. Dietrich, K. Kentheswaran, A. Ahmadi et al. // Journal of Chemical Education. 2020. Vol. 97. Iss. 9. P. 2448—2457. <https://doi.org/10.1021/acs.jchemed.0c00717>

14. **Miljkovic B. D., Petojević A., Zizovic M.** Monitoring the effect of motivation on mastering knowledge and skills in distance learning systems // Military Technical Courier. 2016. Vol. 64. Iss. 4. P. 1009—1032. <https://doi.org/10.5937/vojtehg64-10687>

15. Shift from a traditional to a distance learning environment during the COVID-19 pandemic: University students' engagement and interactions / K. Salta, K. Paschalidou, M. Tsetseri, D. Koulougliotis // Science and Education. 2022. Vol. 31. Iss. 1. P. 93—122. <https://doi.org/10.1007/s11191-021-00234-x>

References

1. Policy Brief: Education during COVID-19 and beyond. *UN Sustainable Development Group* [Web]. Aug. 2020. Available at: <https://unsdg.un.org/resources/policy-brief-education-during-covid-19-and-beyond> (accessed: 09.08.2022).
2. Bagdasarova H. A., Chmykhova E. V., Bogdanov I. V. Psychological aspects of distance learning. *Innovatsii v obrazovanii*, 2003, no. 5, pp. 78—90. (In Russian).
3. Bronskikh A. K., Magsumova N. A., Sedina N. S. Information technologies' influence on cognitive functions of students of PSMU named after Academician E. A. Wagner. *Molodoy uchenyy = Young Scientist* [Web], 2021, no. 3 (345), pp. 40—42. (In Russian). Available at: <https://moluch.ru/archive/345/77743/> (accessed: 09.08.2022).
4. Zagidullina M. V. Information society in the context of net thinking. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk*

- State University*, 2012, no. 5 (259), pp. 48—51. (In Russian).
5. Zinchenko T. P. *Cognitive and Applied Psychology*. Moscow, Moscow Psychological and Social University, Voronezh, NPO “MODEK” Publ., 2000. 608 p. (In Russian). B-ka psikhologa Series.
6. Isaev A. V. Psychology of remote education: emotional factor of studying material perception. *Sredneye professional'noye obrazovaniye*, 2008, no. 7, pp. 51—54. (In Russian).
7. Lorenz K., Shveynik G. F. (transl.). Aggression, or So-called Evil. Ch. 14. I hope and I believe. *Biblioteka Maksima Moshkova* [Web]. (In Russian). Available at: <http://lib.ru/PSIHO/LORENC/agresiya.txt> (accessed: 09.08.2022).
8. Lorenz K., Shveynik G. F. (transl.). Aggression, or So-called Evil. Ch. 4. Spontaneity of aggression. *Biblioteka Maksima Moshkova* [Web]. (In Russian). Available at: <http://lib.ru/PSIHO/LORENC/agressiya.txt> (accessed: 09.08.2022).
9. Raygorodskiy D. Ya. (ed., comp.) *Practical Psychological Assessment: Techniques and Tests*. Samara, BAKHRAKH-M Publ., 2001. 672 p. (In Russian).
10. Rean A. A. (ed.) *Psychology of an Adolescent: Practical Course, Tests, Techniques for Psychologists, Teachers, and Parents*. St. Petersburg, Praym-YEVROZNAK Publ., Moscow, OLMA-Press Publ., 2003. 124 p. (In Russian). Metry psikhologii Series.
11. Semenovskikh T. V. “Mosaic thinking” phenomenon in a university educational environment. *Internet Journal Naukovedeniye* [Web], 2014, no. 5 (24). art. no. 134. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (accessed: 09.08.2022).
12. Uddin Md. A. Individual differences of students studying in distance (a foreign literature review). *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2013, vol. 2, no. 3, pp. 104—122. (In Russian).
13. Dietrich N., Kentheswaran K., Ahmadi A., Teychené J., Bessière Y., Alfenore S., Laborie S., Bastoul D. et al. Attempts, successes, and failures of distance learning in the time of COVID-19. *J. Chem. Educ.*, 2020, vol. 97, iss. 9, pp. 2448—2457. <https://doi.org/10.1021/acs.jchemed.0c00717>
14. Miljkovic B. D., Petojević A., Zizovic M. Monitoring the effect of motivation on mastering knowledge and skills in distance learning systems. *Military Technical Courier*, 2016, vol. 64, iss. 4, pp. 1009—1032. <https://doi.org/10.5937/vojtehg64-10687>
15. Salta K., Paschalidou K., Tsetseri M., Koulogliotis D. Shift from a traditional to a distance learning environment during the COVID-19 pandemic: University students’ engagement and interactions. *Science and Education*, 2022, vol. 31, iss. 1, pp. 93—122. <https://doi.org/10.1007/s11191-021-00234-x>

Информация об авторах

Шангина Ольга Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Гершунин Сергей Аркадьевич — студент группы КТ-21М (магистратура), Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1).

Белокопытов Антон Сергеевич — студент группы БТС-41 (бакалавриат) Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Olga V. Shangina — Cand. Sci. (Ped.), Assoc. Prof., Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Irina M. Gorbacheva — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Sergey A. Gershunin — Master's student (group KT-21M), National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Anton S. Belokopytov — Bachelor's student (group BTS-41), National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 14.04.2022.

The article was submitted 14.04.2022.

ЛИЧНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ГОСУДАРСТВО PERSONALITY. SOCIETY. STATE

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 186—190.

Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 186—190.

Научная статья

УДК 340.132.6: 351.86

doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-186-190

Обеспечение национальной и военной безопасности России: систематизация понятий

C. Э. Мерзляков

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

semel54@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает вопросы сущности и содержания понятий национальной и военной безопасности России с позиций системного и ценностного подходов. Методом дифференциации систем зафиксировано структурное соотношение военной и национальной безопасности, применительно к обеспечению безопасности страны. Доказана необходимость восстановления терминологической определенности в понятийном аппарате системы нормативно-правового регулирования отношений национальной безопасности, обобщено понятие системы обеспечения военной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, сущность военной безопасности, концепция мягкой силы, обеспечение военной безопасности, нормативно-правовое регулирование

Для цитирования: Мерзляков С. Э. Обеспечение национальной и военной безопасности России: систематизация понятий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 186—190. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-186-190>

Ensuring Russia's national and military security: systematization of concepts

S. En. Merzlyakov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

semel54@mail.ru

Abstract. The author considers the essence and content of the concepts of national and military security of Russia from the perspective of systemic and value-based approaches. The structural relationship of military and national security in relation to the security of the country is fixed by the

method of differentiation of systems. The necessity of restoration of terminological certainty in the conceptual apparatus of the system of normative-legal regulation of national security relations is proved, and the concept of the system of ensuring military security is generalized.

Keywords: national security, military security essence, soft power concept, military security provision, legal regulation

For citation: Merzlyakov S. En. Ensuring Russia's national and military security: systematization of concepts. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 186–190. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-186-190>

Важнейшей задачей системы органов государственной власти является обеспечение безопасности социума, формирующего данную систему в первую очередь для создания гарантий своей защищенности от внутренних и внешних угроз.

Современный мир, несмотря на сформированную международным сообществом после Второй мировой войны систему правовых и организационных гарантий сохранения мира на планете, характеризуется практически не прекращающимся военным противостоянием стран и блоков и возникновением локальных конфликтов разной степени интенсивности. Это связано в первую очередь с тем, что в международных отношениях выражено проявляется реализация принципа «сила выше права». Данный феномен определяется следующими фактами: 1) сохраняются антагонизмы социально-экономического, идеологического, политического и иного свойства; 2) противоборство сторон все чаще приобретает открытый военный характер; 3) возникают новые центры силы, стремительно наращивающие свою экономическую и военную мощь; 4) происходит переориентирование на силовые, а не договорные варианты разрешения противоречий.

Сегодня, в условиях военных конфликтов, объективно возникает вопрос о сущности военной безопасности и соотношении ее с безопасностью национальной. Это связано и с тем, что продолжает действовать принцип существования социума, рожден-

ный еще в эпоху Античности: «Кто хочет жить в мире, тот готовится к войне». И это вопреки тому, что в современном политическом международном пространстве все большую популярность приобретает концепция так называемой мягкой силы (soft power) [9]. Хотелось бы отметить, что, несмотря на внешнюю привлекательность названия, решение вопросов с помощью soft power предполагает также использование и силы жесткой, а именно вооруженных сил, в случае нереализации ранее поставленных целей. Это характерно, в частности, для военной доктрины США, в которой Россия фиксируется в качестве одного из основных потенциальных соперников и конкурентов [13].

Формирование и функционирование системы военной безопасности страны предполагает необходимость выяснения и определения ее сущностных характеристик и места в структуре общей безопасности страны. Чаще всего исследователи используют при этом термин «национальная безопасность», заимствованный из американской социально-правовой лексики [15, с. 150]. Однако, по справедливому заключению И. Б. Кардашовой, такой термин является «нечетким символом без определенного значения» [7, с. 27].

Чтобы сформулировать содержание феномена «национальная безопасность», т. е. определить реальное, сущностное его значение, требуется изучить его с позиций системного и ценностного подходов. Как представляется, методологически верно для этой цели

использовать дифференциацию систем — в зависимости от сложности и степени определенности [2, с. 22—33]. Данный метод позволяет понимать национальную безопасность как сверхсложную социально-политическую вероятностную систему, в структуру которой входит военная безопасность — в качестве относительно самостоятельной и саморазвивающейся подсистемы, ее обеспечивающей.

Национальная безопасность страны фиксируется в официальных документах как «совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов» [10]. Ценностный подход к трактовке понятия национальной безопасности определяет ее как многогранный феномен, составляющий неотъемлемое условие существования личности, общества и государства и позволяющий сохранять национальные ценности многонационального российского государства, — накопленные ценности его наций и национальных групп.

Стратегия национальной безопасности, являясь базовым документом в системе нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в структуре национальной безопасности, фиксирует также набор понятий и категорий, используемых в других документах, регулирующих отношения в этой структуре. Именно Стратегия национальной безопасности РФ определяет концептуальную основу и понятийный аппарат других стратегических документов в ее подсистемах, в частности в системе военной безопасности. Однако сложившуюся систему нормативно-правового регулирования отношений национальной безопасности сегодня вполне можно охарактеризовать как «правовой хаос». Ряд исследователей это явление связывают с увеличением числа документов, которое не корреспондирует с повышением уровня требований к их форме, содержанию и функциональному назначению [1].

Сложившаяся терминологическая неопределенность может быть преодолена с помощью предложенного А. И. Пономаревым подхода, в соответствии с которым термины «стратегия», «доктрина» и «концепция» используются для определения уровней национальной безопасности: 1) концептуального; 2) методологического (стратегического); 3) отраслевого [11].

Большинство исследователей утверждают, что военная безопасность является видом безопасности национальной, поскольку обеспечивает состояние защищенности как наиболее значимый национальный интерес, как объективную потребность личности, общества и государства — в режиме их устойчивого позитивного развития (например, см.: [3; 4; 5; 8]). В этом контексте позиция исследователей, отождествляющих понятия военной и национальной безопасности, представляется, как минимум, спорной (например, см.: [12]).

Легальное определение военной безопасности страны можно найти в Военной доктрине. Военная безопасность фиксируется в данном документе как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять. Имеется в виду защищенность от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы, или от угрозы применения военной силы.

При рассмотрении системы обеспечения военной безопасности страны в рамках системы национальной безопасности важно отметить несколько существенных фактов. Известно, что законодательно определено отнесение органов государственной власти и органов местного самоуправления к субъектам данного вида отношений. Однако, как справедливо отмечает И. Б. Кардашова, в структуру обеспечения военной безопасности страны по каким-то причинам законодатель не включил в качестве ее субъектов ряд

органов государственной власти, формально в нее не входящих, но способных обеспечивать решение задач, стоящих перед рассматриваемой системой. Это Прокуратура РФ, Следственный Комитет России, Центральный банк РФ, Центральная избирательная комиссия РФ, Счетная Палата РФ. Кроме того, законодательно не определены роль и место соответствующих институтов гражданского общества в решении задач указанного свойства [6].

Хотелось бы отметить вполне корректное разделение системы управления военной безопасностью на ряд подсистем более низкого уровня, предложенное К. В. Фатеевым. Выделены следующие подсистемы: система государственного управления обеспечением военной безопасности; система территориального обеспечения военной безопасности; система функционального обеспечения военной безопасности; собственно военная организация государства как система обеспечения военной безопасности и др. [14, с. 43].

В целом систему обеспечения военной безопасности страны можно охарактеризовать как модель целенаправленной деятельности уполномоченных субъектов, направленную на выявление, пресечение и предупреждение военных угроз, — угроз интересам личности, общества и государства. Как представляется, основной задачей данной системы является преобразование программ обеспечения военной безопасности, принятых государством, в научно обоснованную модель скоординированных действий органов государственной власти и гражданского общества в рамках действующего в стране законодательства.

Список литературы и источников

1. Аврутин Ю. Е. К вопросу о понятиях и дефинициях в административно-правовой теории и практике // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 4–8.
2. Бир С. Кибернетика и менеджмент: пер. с англ. 2-е изд. М.: URSS, 2006. 280 с.
3. Боеv B. I., Kochubey M. A., Novikov A. P. Война и уголовный закон: монография. М.: Норма, 2009. 206 с.
4. Возжеников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: Модуль, 2000. 234 с.: ил.
5. Грибин Н. П., Диденко А. В. Концептуальные основы национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: Пограничная Академия ФСБ России, 2010. 274 с.
6. Кардашова И. Б. Современная система обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Военное право. 2018. № 6 (52). С. 35–44.
7. Кардашова И. Б. Военная безопасность в системе национальной безопасности // Военное право. 2018. № 1 (47). С. 26–31.
8. Михайленок О. М. Национальная безопасность России: военно-политические аспекты. М.: ИСПИ РАН, 2003. 327 с.
9. Най-младший Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль — XXI. 2004. № 10. С. 33–55.
10. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 30.08.2022).
11. Пономарев А. И. Соотношение понятий «стратегия», «доктрина», «концепция» в контексте теории обеспечения национальной безопасности // Военное право. 2017. № 6 (46). С. 30–38.
12. Рогов А. С. О соотношении понятий «пограничная безопасность» и «военная безопасность»: теоретико-правовые вопросы // Военное право. 2015. № 1 (33). С. 17–41.
13. Сухова Е. В. Военная безопасность государства — элемент национальной безопасности // Российский военно-правовой сборник № 9. М.: За права военнослужащих, 2007. С. 235–237.
14. Фатеев К. В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Военный университет, 2004. 356 с.

15. *Wolfers A.* Discord and collaboration: Essays on international politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1962. 283 p.

References

1. Avrutin J. E. To the question about concepts and definitions in administrative-legal theory and practice. *Administrativnoye pravo i protsess*, 2013, no. 9, pp. 4—8. (In Russian).
2. Beer S. *Cybernetics and Management*. Hoboken, NJ, Wiley, 1959. 214 p.
3. Boyev V. I., Kochubey M. A., Novikov A. P. *War and criminal statute*, monograph. Moscow, Norma Publ., 2009. 206 p. (In Russian).
4. Vozzhenikov A. V. *National security: theory, policy, strategy*. Moscow, Modul' Publ., 2000. 234 p., ill. (In Russian).
5. Gribin N. P., Didenko A. V. *Conceptual framework of national security of the Russian Federation*, monograph. Moscow, Frontier Academy of Russian Federal Security Service, 2010. 274 p. (In Russian).
6. Kardashova I. B. Modern Defense System of the Russian Federation. *Voyennoye pravo*, 2018, no. 6 (52), pp. 35—44. (In Russian).
7. Kardashova I. B. Military security in the national security system. *Voyennoye pravo*, 2018, no. 1 (47), pp. 26—31. (In Russian).
8. Mikhaylenok O. M. *National security of Russia: political-military aspects*. Moscow, Institute of Socio-Political Research RAS, 2003. 327 p. (In Russian).
9. Nye, Jr. J. Soft power and European-American affairs. *Hard Power, Soft Power and the Future of Transatlantic Relations*, ed. Th. Ilgen. Farnham, Ashgate, 2006, pp. 25—35.
10. On Strategy of national security of the Russian Federation, Presidential Executive Order of June 02, 2021 No. 400. *President Rossii*. (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed: 30.08.2022).
11. Ponomarev A. I. Correlation of “strategy”, “doctrine” and “conception” notions in the context of national security protection theory. *Voyennoye pravo*, 2017, no. 6 (46), pp. 30-38. (In Russian).
12. Rogov A. S. On correlation of “frontier security” and “military security” notions: theoretical and legal questions. *Voyennoye pravo*, 2015, no. 1 (33), pp. 17—41. (In Russian).
13. Sukhova E. V. Military security of a state is element of national security. *Rossiyskiy voyenno-pravovoy sbornik No. 9 = Russian Military and Legal Collector No. 9*. Moscow, Za prava voyennosluzhashchikh Publ., 2007. pp. 235—237. (In Russian).
14. Fateyev K. V. *Military security of the Russian Federation and legal regimes of its provision (theoretical and legal research)*, monograph. Moscow, Military University, 2004. 356 p. (In Russian).
15. Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1962. 283 p.

Информация об авторе

Мерзляков Сергей Энгельсович — заслуженный юрист РФ, канд. юрид. наук, доцент, доцент Института ВП СГН, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the author

Sergey En. Merzlyakov — Honored Lawyer of Russian Federation, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 07.06.2022.

The article was submitted 07.06.2022.

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 191–197.
Economic and Social Research. 2022. No. 3 (35). P. 191–197.

Научная статья

УДК 94:332.21
doi: 10.24151/2409-1073-2022-3-191-197

Отношение дворянства к Указу о единонаследии 1714 г.

C. И. Пудина, И. М. Горбачева

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

pudina@bk.ru

Аннотация. Изучен порядок наследования дворянами движимых и недвижимых имуществ по основным положениям, пунктам Указа о единонаследии 1714 г. Приведены причины введения Указа со стороны государства и причины узаконенного сближения поместий и вотчин. Рассмотрено отношение к особенностям преобразования сословной структуры России исследователей XIX в. и отношение к единонаследию современников Петра I. Отмечена возможность перехода дворян, не получивших в наследство имение, в иные, купеческие и духовные чины. Выявлено, что недовольство дворянского сословия новым землевладельческим положением, согласно докладу Сената 1830 г., послужило отмене Указа.

Ключевые слова: единонаследие, указ, дворянство, имение, вотчина, поместье, служба, государь

Для цитирования: Пудина С. И., Горбачева И. М. Отношение дворянства к Указу о единонаследии 1714 г. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 3 (35). С. 191–197. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-191-197>

Original article

Attitude of nobility to the 1714 Decree on Single Inheritance

S. I. Pudina, I. M. Gorbacheva

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

pudina@bk.ru

Abstract. The order of inheritance of movable and immovable property by the nobility according to the main provisions, paragraphs, of the 1714 Decree on Single Inheritance is studied in this work. The reasons for the introduction of the Decree by the state and the reasons for the legalized convergence of fiefdoms and estates granted by the state are given. The attitude of researchers of the 19th century to the peculiarities of transformation of the class structure of Russia and the attitude of Peter the First's contemporaries to single inheritance are considered. The

possibility of transfer of the nobility, who did not inherit the family estate, to other, merchant and clerical ranks is noted. It has been revealed that the dissatisfaction of the nobility with the new land tenure situation, according to the report of the Senate in 1830, served to repeal the Decree.

Keywords: single inheritance, decree, nobility, family estate, fiefdom, estate from state, service, sovereign

For citation: Pudina S. I., Gorbacheva I. M. Attitude of nobility to the 1714 Decree on Single Inheritance. *Economic and Social Research*, 2022, no. 3 (35), pp. 191–197. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2022-3-191-197>

Образование регулярной армии завершило разрушение основ поместного владения: дворянская служба стала не только наследственной, но и постоянной, — и поместье должно было стать не только постоянным, но и наследственным. Поэтому к началу XVIII в. в отношении правового регулирования землевладения поместье приблизилось к вотчине, а следовательно, как особый вид служилого землевладения готово было исчезнуть. Необходимо выделить причины данного сближения:

- поместья передавались в род, так же как и вотчины;
- поместья дробились между родственниками, как дробились вотчины в порядке наследования;
- поместное верстание активно вытеснялось вотчинным пожалованием.

Уже в последние годы XVII в. многие помещики считали, что имеют в полном объеме право распоряжения поместьями. Об этом свидетельствует Н. П. Павлов-Сильванский (издание XIX в.). Служилый человек закладывает в 1693 г. свое поместье и при этом делает оговорку о нем как о своей вотчине: «...а мне Леонтию и жене моей, и детям моим, и родственникам моим на него Марка (заимодавца) и его родственников о повороте той земли не бить челом» [6, с. 186]. Другой служилый, поступаясь в 1697 г. обиженным им лицам своей поместной землей, говорит о ней как о своей полной собственности: «...а те четверти у меня никому не проданы и не заложены, и не променяны, и ни у кого ни каких крепостях не укреплены» [6, с. 186].

Петр I прекратил раздачу поместий дворянам и за службу стал вознаграждать исключительно денежным жалованием, которое и прежде выдавалось служилым людям, но только в виде дополнений к поместьям. И поместья, и вотчины стали со временем Петра I носить одинаковое название «имений». Упразднение поземельного характера службы было не просто естественным следствием экономических и, соответственно, фискальных успехов развития государства на протяжении всего XVII столетия. Нововведение отразило нечто большее: в прошлое уходила средневековая Россия с ее формами и способами взаимоотношений государства и служилого сословия. Утверждался новый, рациональный взгляд на службу как на средство достижения «государственной пользы». Этот рационализм нашел свое выражение в петровском стремлении пресечь оскудение дворянских фамилий некими «механическими» мерами, отчасти позаимствованными за рубежом. Земельные владения при переходе по наследству слишком дробились, согласно русскому обычаю делить наследство между сыновьями поровну [8, с. 20]. От этих разделов земельные владения мельчали, дворянские фамилии беднели. Чтобы прекратить это дробление, Петр I, ознакомившись с разными западноевропейскими законами о наследстве, издал указ 23 марта 1714 г. «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» [7, т. 5, № 2789]. Указ гласил, что недвижимость передается по завещанию владельца, а если такового

нет, то по закону. Ранее наследство своего отца сыновья получали в равной доле, однако теперь, согласно Указу 1714 г., наследство получал только один наследник. Указ предусматривал порядок распределения недвижимого имущества.

- Наследство мог получить любой из наследников, по усмотрению завещателя.

- Если не было духовной грамоты, то наследовал старший сын.

- Если не было сыновей, наследовать могла дочь.

- Если владелец был бездетен, то получал право завещать имение одному из своей фамилии, на свое усмотрение, а движимое имущество мог даже передать посторонним.

- Последний в роду мог завещать недвижимое имущество женщине, принадлежащей его роду, но предусматривались важные формальности, соблюсти которые требовалось в обязательном порядке, а именно: составлялось письменное обязательство со стороны мужа или жениха этой женщины, чтобы он взял фамилию рода завещателя в дополнение к своей фамилии. Даные условия распространялись и на их наследников.

Петр I объясняет причины этого нововведения. Первая причина — большая исправность в платеже податей и улучшение быта крестьян: «Ежели недвижимое будет всегда одному сыну, а прочим только движимое, то государственные доходы будут справнее, ибо с большого всегда господин доволнее будет, хотя по малу возмет, и один дом будет, а не пять, (как выше писано), и может лутче льготить подданных, а не разорять»¹ [7, т. 5, № 2789]. Поэтому законодатель, заботясь о крестьянских тяготах, посчитал, что недвижимость делить — значит приносить вред и разорение крестьянству.

Вторая причина: «Фамилии не будут упадать, но в своей ясности непоколебимы будут через славныя и великия domы»² [7, т. 5, № 2789]. После раздела недвижимости каждый из владельцев в дальнейшем будет делить собственность между своими детьми, а это может привести к еще большему дроблению и разорению дворянских домов.

Третья причина: государь доказывает здесь, что младшие члены дворянских фамилий, в случае обеспечения наследством не будут искать никаких занятий, как частных, так и на государственной службе. На службу они и не пойдут без принуждения. «Протчия не будут праздны, ибо принуждены будут хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим. И то все, что оныя сделают вновь для своего пропитания, государственная польза есть»³ [7, т. 5, № 2789]. Чтобы побудить младших сыновей к деятельности, была принята мера, выраженная в дополнительном указе: «Сверх обеих сих вредительных дел, еще и сие есть, что каждой, имея свой даровой хлеб, хотя и малой, ни в какую пользу государства без принуждения служить и простиратца не будет, но ищет всякой уклоняющемся и жить в праздности, которая (по святому писанию) материю есть всех злых дел»⁴ [7, т. 5, № 2789]. Данное постановление показывает, что если дворянин будет обладать имуществом, то добровольно служить без государственного принуждения он не пойдет, а будет искать себе иное занятие, не думая о пользе Отечества. Поэтому законодательные нововведения решали имущественный вопрос в пользу государства, призывая дворян к службе: «Ежели кадет пойдет в службу воинскую и получит себе службою деньги, на которые себе захочет купить деревни, дворы или лавки, то ему вольно купить, однако не ранее как по истечении семи

¹ Выверено по изданию: Российское законодательство X — XX вв.: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юридическая литература, 1986. С. 296.

² Там же, с. 296.

³ Там же, с. 296.

⁴ Там же, с. 295.

лет службы его; если же будет в гражданской службе, то по истечении десяти лет службы; если будет в купечестве или мастерстве, то после пятнадцати лет; а кто ни в чем вышеописанном не будет, тому никогда нельзя будет приобретать недвижимую собственность» [7, т. 5, № 2789, 2796].

В трудах по истории землевладения рассматриваются причины и особенности преобразования сословной структуры России Указом о единонаследии. Исследователь А. И. Васильчиков видит в законе о единонаследии попытку ввести в поземельный строй России идею западноевропейского землевладения с его аристократическим строем [2]. Однако М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что «предпринятая реформа отнюдь не вытекала из аристократических начал и вообще сословных интересов... <...> Цель реформы есть казенный интерес. <...> Интересы же казенные заключаются в ожидаемой большей правильности направления государственной службы и уплаты податей» [3, с. 508]. Указ о единонаследии определил и ввел в России главный принцип — наследование имущества одним лицом [10, с. 29].

В свою очередь, В. О. Ключевский считает, что Указ вносил важные перемены в служилое землевладение, что это «не закон о майорате или “о первенстве”, навеянный будто бы порядками западноевропейского феодального наследования, как его иногда характеризуют, хотя Петр и наводил справки о правилах наследования в Англии, Франции, Венеции, даже в Москве у иноземцев. Мартовский указ не утверждал исключительного права за старшим сыном, майорат был случайностью, наступавшей только при отсутствии духовной грамоты: отец мог завещать недвижимое и младшему сыну... <...> Указ установлял не майорат, а *единонаследие*, в частности — неделимость имений [5, с. 771].

Следующая особенность Указа 1714 г. заключается в том, что, осуществляя сближение вотчин и поместий, он устанавливал для

тех и других одинаковый порядок наследования. Поскольку данное сближение имело место во второй половине XVII в., Указ лишь формально ликвидировал разницу между поместьем и вотчиной. Ключевский полагал, что создавался новый, небывалый вид землевладения, который можно характеризовать как наследственный, неделимый и вечно-обязывающий и с которым связана вечная наследственная и потомственная служба владельца.

Переход в духовное или купеческое сословие, который предполагался Указом, не соответствовал прежним понятиям служилых людей о благополучии. Для них переход в гражданскую службу или купечество являлся унизительным. Прохождение же военной службы на новых началах представлялось очень тягостным. Отсюда следует и отношение к кадетам как к лицам, в полном смысле обездоленным, по сравнению с отношением к наследникам как счастливым. Безусловно, Указ о единонаследии касался недвижимых имуществ всех сословий, но больше всего нареканий он породил в среде дворянства. Переход в духовные и купеческие чины, по мнению Петра I, не должен был считаться бесчестием. И для того чтобы показать дворянскому сословию, что не нужно относиться презрительно к тяжелому физическому труду, Петр Алексеевич собственно ручно выковал восемнадцать пудов железа и купил на заработанные восемнадцать алтын башмаки, носил и показывал многим [9, с. 34].

Нельзя не обратить внимания на значение Указа о единонаследии для современников Петра I. Первые сторонники Указа видели главное значение его в том, что лишение младших сыновей наследства побуждает их к более усиленной деятельности. А. А. Матвеев в записках 1705 г. отмечает, что благодаря майорату во Франции «шляхетство никогда ни духовного, ни мирского правления не отпадает» [6, с. 229]. Федор Салтыков в «Пропозициях» формулирует пользу Указа

так: меньшие сыновья «не имея отеческих стяжательств, простираясь будут прилежнее к службе и к наукам». Это соображение могло, скорее всего, склонить Петра I к введению Указа 23 марта 1714 г., поскольку он постоянно боролся с уклонением дворян от службы, от учения и с недостатком предприимчивости у купцов и ремесленников [6, с. 229].

Указ 1714 г. многим дворянам пришелся не по душе. Из записок А. Т. Болотова следует, что «желание наследников было разделить между собой отцовское наследство, но сего учинить не можно было по тогдашним законам, известным у нас под именем пунктов» [1, с. 130].

Очевидно, что Указ о единонаследии ограничивал землевладельческие права дворянского сословия, подчиняя их требованиям государственной службы. Положения Указа привели дворянство в замешательство: как теперь распорядиться недвижимым имуществом? Зажиточные дворяне пытались решить эту сложную задачу следующим образом: один из наследников получал земельное владение, другие — движимое имущество и денежные средства. Но как поступить дворянину, чей доход не столь высок, чтобы удовлетворить желания всех наследников, которых было несколько? Земельное владение — основной капитал, и делить его недозволительно. Наследник, которому посчастливилось заполучить имение, конечно, понимал, что это несправедливо по отношению к близким, и старался хоть чем-то поделиться. Все обделенные считали свое положение «самой черной» несправедливостью [4, с. 13]. По Указу 1714 г., остальные дети дворянина, так называемые кадеты, не получают ничего. Они не имеют права купить поместье, пока не прослужат семь лет. Однако государство не принуждает их к службе. Кадеты могли свободно избирать себе род занятий — торговлю, науку и искусство, ремесло и службу в других государствах. Однако для наследника, по словам Ключевского, служба становится «вечноОбязанной» собствен-

ностью — т. е. собственностью, которая делает старшего в роду вечно обязанным служить [5, с. 771—772].

В целом реформы Петра I имели существенное влияние на изменение землевладельческого положения дворянства. В частности, Указ о единонаследии возбуждал общее недовольство дворян и поэтому, вскоре по вступлении на престол Анны Иоанновны, Сенат в декабре 1830 г. представил императрице доклад об отмене Указа, поскольку «пункты о единонаследии, яко необыкновенные сему государству, приводят к превеликому затруднению в делах» и не достигают той цели, с которой были изданы. Сенат привел ряд доказательств этому, во-первых: «Хотя по тем пунктам определено, дабы те, которые к деревням не наследники, искали бы себе хлеба службою, учением, торгами и прочим, но того самим действом не исполняется, ибо все шляхетские дети как наследники, так и кадеты, бегутся в одну службу сухопутную и морскую в нижние чины, что кадеты за двойное несчастье себе почтят, ибо и отеческого лишились и в продолжительной солдатской или матросской службе бывают, и так в отчаяние приходят, что все свои шляхетские поступки теряют» [6, с. 229].

Во-вторых, Сенат указал, что отцы, имея многих детей, «всячески ищут, каким бы образом их равно удовлетворить», вопреки закону, и оправдывает эти стремления: «отцам не точию естественно есть, но и закон Божий повелевает детей своих всех равно награждать». Действительно, дворяне различными способами обходили Указ о единонаследии: они продавали часть деревень, чтобы оставить вырученные деньги на раздел детям; «перепродаивали деревни через несколько персон, для укрепления меньшим детям»; обязывали клятвой сына-наследника уплатить известную сумму братьям и сестрам, лишенным их части в недвижимом наследстве.

В-третьих, пункты Указа возбуждают между родственниками «ненависти и ссоры

и продолжительные тяжбы, с великим с обоих сторон убытком и разорением, и не безызвестно есть, что не токмо некоторые родные братья и ближние родственники между собой, но и отцов дети побивают до смерти». В дополнение приводились факты, способствующие разорению: дворяне, стремясь наделить равно всех своих детей, «почитают в деревнях обретающийся хлеб, лошади и всякий скот за движимое и отдают меньшим братьям с сестрами и како у наследника без хлеба и без скота деревни в состоянии быть не могут, а у меньших братьев без деревень хлеб и скот пропадают и как наследники, так и кадеты от того в разорение приходят» [6, с. 230]. Доклад Сената был рассмотрен Анной Иоанновной 9 декабря 1930 г. и, вслед за тем, 17 марта 1731 г. пункты о единонаследии были отменены [7, т. 8, № 5653, 5717].

Очевидно, что Указом 1714 г. Петр I окончательно решил проблему сближения вотчинного и поместного землевладения для дворянского сословия, обязав дворянство, в интересах государства, к выполнению совершенно чуждых для него условий наследования, передачи имения одному из наследников. Введение положений Указа вызвало недовольство дворян, поэтому, несмотря на всю государственную выгоду и пользу, Указ о единонаследии не прижился и вскоре был отменен.

Список источников

1. **Болотов А. Т.** Жизнь и приключения Андрея Болотова описанные самим им для своих потомков. Т. 1. М.: Академия, 1831. 539 с.
2. **Васильчиков А. И.** Землевладение и землемерие в России и других Европейских государствах: в 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 564 с.
3. **Владимирский-Буданов М. Ф.** Обзор истории русского права. 3-е изд., доп. Киев; СПб.: Изд. Н. Я. Оглоблина, 1900. 684 с.
4. **Кизеветтер А.** Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону: Донская речь, 1904. 48 с.

5. **Ключевский В. О.** Курс русской истории. М.: Яузा-пресс, 2018. 1152 с.
6. **Павлов-Сильванский Н. П.** Государевы служилые люди. М.: Крафт, 2000. 288 с.
7. Полное собрание законовъ Российской Имперіи, повелѣниемъ Государя Императора Николая Павловича составленное. Т. III — VIII. СПб.: Тип. II Отд. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1830.
8. **Пудина С. И.** Дворянская служба в конце XVII — первой четверти XVIII вв.: идеология и практика: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2012. 28 с.
9. **Соколовский И. В.** Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань: В тип. Ун-та, 1873. 148 с.
10. **Шватченко О. А.** Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М.: Ин-т росс. истории РАН, 2002. 390 с.

References

1. Bolotov A. T. *Life and Adventures of Andrey Bolotov Described by Him Himself for His Descendants*. Vol. 1. Moscow, Akademiya Publ., 1831. 539 p. (In Russian).
2. Vasil'chikov A. I. *Landownership and Agriculture in Russia and Other European Countries*, in 2 vols., vol. 1. SPb., Tip. M. Stasyulevicha Publ., 1876. 564 p. (In Russian).
3. Vladimirs'kiy-Budanov M. F. *Survey of Russian Right's History*. 3-e izd., dop. Kiev, SPb., Izd. N. Ya. Ogloblina Publ., 1900. 684 p. (In Russian).
4. Kizevetter A. *Russian Society in Eighteenth Century*. Rostov-na-Donu, Donskaya rech' Publ., 1904. 48 p. (In Russian).
5. Klyuchevskiy V. O. *Russian History Course*. Moscow, Yauza-press Publ., 2018. 1152 p. (In Russian).
6. Pavlov-Sil'vanskiy N. P. *Sovereign's Service Class People*. Moscow, Kraft Publ., 2000. 288 p. (In Russian).
7. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Composed by Decree of His Majesty the Emperor Nikolay Pavlovich*, vols. 3 to 8. SPb., Tip. II Otd. Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseleyarii Publ., 1830. (In Russian).

8. Pudina S. I. *Nobiliary Service in the End of 17th – First Quarter of 18th Centuries: Ideology and Practice*, diss. for Cand. Sci. (Hist.). Moscow, 2012. 28 p. (In Russian).
9. Sokolovskiy I. V. *Peter the Great as People's Educator and Teacher*. Kazan, V tip. Un-ta Publ., 1873. 148 p. (In Russian).
10. Shvatchenko O. A. *Secular Feudal Lands in the age of Peter the First*. Moscow, Institute of Russian History of the RAS, 2002. 390 p. (In Russian).

Информация об авторах

Пудина Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Горбачева Ирина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент Института высокотехнологичного права и социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, 1).

Information about the authors

Svetlana I. Pudina — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Irina M. Gorbacheva — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию 29.08.2022.

The article was submitted 29.08.2022.

ИНФОРМАЦИЯ INFORMATION

Памятные и знаменательные даты в июле — сентябре 2022 г.

Memorable and Remarkable Dates, July to September 2022

28 июля 1902 г. (120 лет назад) родился Карл Поппер — австрийский и британский философ и социолог, один из самых влиятельных философов XX столетия.

29 августа 1922 г. (100 лет назад) скончался Жорж Сорель — французский философ и публицист, теоретик анархо-синдикализма.

В сентябре 912 г. (1110 лет назад) скончался Лев VI Философ — византийский император Македонской династии.

17 сентября 1927 г. (95 лет назад) скончался Анатолий Федорович Кони — российский государственный деятель, юрист, почетный академик и сенатор Государственного совета.

21 сентября 1452 г. (570 лет назад) родился Джироламо Савонарола — итальянский проповедник, богослов, общественный деятель и реформатор.

24 сентября 1802 г. (220 лет назад) скончался Александр Николаевич Радищев — русский писатель, философ, поэт и революционер.

Даты, отмечаемые ежегодно

15 сентября — Международный день демократии (International Day of Democracy), установленный Генеральной ассамблеей ООН в 2007 г. (резолюция A/RES/62/7).

28 сентября в Китае празднуют День рождения Конфуция, или День национального учителя. Конфуцианская философия подразумевает самовоспитание, базирующееся на пяти добродетелях: добросердечии, справедливости, прямоте, мудрости и лояльности. Вот уже много веков подряд она является основной государственной идеологией Китая.

30 сентября в России отмечается День интернета. На международном уровне праздник, посвященный интернету, пытались ввести несколько раз в разные даты, но ни одна из них так и не стала традиционной. В России же «прижилась» дата 30 сентября.

Книжные новинки

New Books

Макинтайр А. После добродетели: исследования теории морали = After virtue. A study of moral theory / Алasdер Макинтайр; пер. с англ.: В. В. Целищев. — Москва: Канон-Плюс, 2022. — 356 с.: ил. — ISBN 978-5-88373-700-7.

Оригинальная концепция исторического развития добродетели и теоретических представлений о ней представлена в новом переводе и рассмотрены ключевые моменты основных современных этических концепций. Автор, один из ведущих представителей американской по-

литической философии и этики, анализирует состояние нравственности в современном мире и выясняет причины того, почему сегодня нравственная жизнь, моральные понятия и ценности потеряли в глазах людей то значение, которое имели в предшествовавшие исторические эпохи.

Феррандо Ф. Философский постгуманизм / Франческа Феррандо. — Москва: ИД ВШЭ, 2022. — 360 с. — (Исследования культуры). — ISBN 978-5-7598-2584-5.

Понятие «человек», по мнению автора книги, нуждается в срочном переопределении. «Постчеловек» — альтернатива для эпохи радикального биотехнологического развития, отвечающая политическим и экологическим императивам современности. Философский ландшафт, сформировавшийся в качестве реакции на кризис человека, включает несколько движений, в частности постгуманизм, трансгуманизм, антигуманизм и объектно-ориентированную онтологию. В труде Ф. Феррандо объясняются сходства и различия данных направлений мысли,

а также проводится подробное исследование ряда тем, подпадающих под общую рубрику «постчеловек» (таких как антропоцен, искусственный интеллект, биоэтика и деконструкция человека). Особое внимание автор уделяет философскому постгуманизму, который она определяет как философию медиации, изучающую смысл человека не в отрыве, а в связи с технологией и экологией. Таким образом намечается постчеловеческий сдвиг, отвечающий глобальному требованию социальных изменений, ответственной науки и сосуществования видов.

Ханушек Э. Интеллектуальный капитал в разных странах мира: Образование и экономическая теория роста / Эрик Ханушек, Людгер Вёссманн. — Москва: ИД ВШЭ, 2022. — 352 с. — (Библиотека журнала «Вопросы образования»). — ISBN 978-5-7598-2549-4.

В наши дни взоры политиков и исследователей направлены не столько на приобретение школьниками действительно ценных навыков, сколько на увеличение косвенных показателей. Однако именно познавательные навыки населения, которые Э. Ханушек и Л. Вёссманн называют «интеллектуальным капиталом» страны, имеют важнейшее значение для ее благосостояния в длительной перспективе. Гипотезы о взаимосвязях познавательных навыков (последовательно измеряемых с помощью международного оценивания школьников) и экономического роста авторы подвергают ряду проверок, включая альтернативные

спецификации, различные выборки стран и эконометрический анализ причинно-следственных интерпретаций. Сделанные ими выводы в равной степени применимы как к развивающимся, так и к развитым странам. Например, «загадка латиноамериканского роста» и «восточноазиатское чудо» объясняются интеллектуальным капиталом этих регионов. Авторы выступают за создание системы образования, которая обеспечивала бы эффективную подотчетность школ, широкий выбор и конкуренцию учебных заведений, а также вознаграждение учителей за высокие результаты обучения школьников.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

(Правила оформления рукописей действуют с 1 сентября 2022 г.)

ВНИМАНИЕ! Для публикации статьи в журнале автор оформляет подписку на 2 номера журнала. Онлайн-подписка оформляется по каталогу «Пресса России». Ссылка на каталог: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t80114/>

Научный журнал «Экономические и социально-гуманитарные исследования» публикует на русском языке оригинальные и обзорные статьи.

Основные рубрики:

- экономические науки;
- философские науки;
- социологические науки;
- политические науки;
- исторические науки;
- педагогические науки;
- психологические науки.

В редакцию предоставляются:

- 1) текст статьи (подписанный всеми авторами, допускается электронная подпись в формате pdf), включая список авторов, название, аннотацию, рисунки, таблицы, библиографический список;
- 2) анкеты авторов (см. бланк анкеты на сайте журнала; адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>);
- 3) рекомендации кафедры; сопроводительное письмо на официальном бланке (для сторонних организаций).

Ориентировочный объем публикаций: для статьи — не менее 8—10 страниц текста (от 20 000 до 40 000 знаков); материалы объемом менее 6 страниц текста (12 000 знаков) рассматриваются как краткие сообщения.

Материал для публикации должен быть собран в один файл **с названием ФамилияИО_Название статьи.**

Внимание! Все поступающие материалы проходят проверку в программе «Антиплагиат». Оригинальность текста: не менее 78%; самоцитирование не более 10%; цитирование не более 20%.

Оформление первой страницы статьи: индекс УДК; *название статьи*; инициалы, фамилия автора; название учреждения, где выполнена работа; аннотация на русском и английском языках; ключевые слова. Далее следует текст статьи. (*Подробнее см.: шаблон оформления статьи на сайте журнала.* Адрес сайта: <http://esgi-miet.ru/>)

Содержание статьи должно соответствовать тематическому направлению и научному уровню журнала, обладать определенной новизной и представлять интерес для широкого круга читателей.

Авторам настоятельно рекомендуется **структурировать** текст статьи: выделить **вводную часть**, описание **материалов и методов** исследования (изложение теоретических основ, обзор основных теорий), **результаты** и их обсуждение, сделать **выводы**.

Аннотация (описательная) предоставляется *на русском и английском языках*, должна включать характеристику исследования с освещением его основных вопросов: предмет, основные гипотезы, результаты и выводы. Рекомендуется использовать отработанные клише: рассмотрены, изучены, представлены, проанализированы, обоснованы, показаны и др. Объем аннотации — до 150 слов.

Ключевые слова или словосочетания должны отвечать тематике исследования, соответствовать тематике статьи. Приводятся *на русском и английском языках*, отделяются друг от друга запятой, в конце точка не ставится.

Рисунки дополнительно предоставляются в отдельных файлах, должны быть черно-белыми или в градациях серого. *Векторные* рисунки представляются в любом из форматов pdf; eps; ai. *Растровые* рисунки (фотографии) — в любом из форматов jpeg; tiff; png; psd. Разрешение 300 точек на дюйм, ширина рисунка ≤ 160 мм.

При выборе **единиц измерения** следует руководствоваться утвержденной системой

единиц физических величин (см. ГОСТ 8.417-2002).

Географические названия должны соответствовать атласу последнего года издания.

В тексте **ссылки на цитируемую литературу** даются в квадратных скобках. **Список литературы и источников** оформляется в порядке алфавита фамилий авторов и (или) первых слов названий (слово за словом). Источники на иностранных языках располагаются в конце списка и выстраиваются в соответствии с латинским алфавитом.

Рекомендуется использовать не более 15 (опубликованных) литературных источников для оригинальной статьи, не менее 30 источников для обзорной статьи.

Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Необходимо указать:

— для *книг*: фамилию и инициалы автора (курсивом), полное название книги, место издания, издательство, год, том или выпуск, ссылку на конкретные страницы;

— для *периодических изданий*: фамилию и инициалы автора (курсивом), название статьи, название журнала, год издания, том, номер, страницы публикации;

— для *материалов конференций, школ, семинаров*: фамилию и инициалы автора, название доклада, время и место проведения конференции (мероприятия), название конференции (мероприятия), город, издательство, год, страницы публикации;

— для *электронных ресурсов*: фамилию, инициалы автора, название, год, номер (если есть), URL, дату обращения.

Список авторов и сведений о них должен содержать:

— информацию о каждом авторе для публикации (на русском языке) — фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (полное название организации), занимаемая должность, почетные звания и т. п.;

— e-mail для публикации в Интернете.

Необходимо также предоставить контактную информацию (не для публикации) — телефон, адрес электронной почты. В статье, подготовленной несколькими авторами, следует указать ответственного за прохождение статьи, для аспирантов — научного руководителя. *Все сведения должны соответствовать указанным в авторской анкете.*

Требования к оформлению текста: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный, выравнивание по ширине, поля 2 см, отступ 1,25. Для форматирования текста не следует использовать повторяющиеся пробелы и знаки табуляции. Необходимо различать дефис (-), знак «минус» (—) и тире (—). Нумерация рисунков и таблиц сквозная. Единственные таблица, рисунок не нумеруются. Мелкие формулы выполняются в текстовом редакторе, а крупные в редакторе формул. Использование аббревиатур предполагает расшифровку.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редколлегией по результатам анонимного рецензирования.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, редакцией не рассматриваются.

Статьи направлять по адресу:

**124498, Москва, пл. Шокина, д. 1,
МИЭТ, редакция журнала
«Экономические и социально-
гуманитарные исследования».
E-mail: esgi.miet@yandex.ru**

Подписной индекс 80114

Подписаться на журнал можно по объединенному каталогу агентства «Пресса России» в любом отделении Почты России, обратившись к оператору

Этические нормы публикационного процесса

Редакционный совет и главный редактор научного журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования» (ЭСГИ) придерживаются принятых международным сообществом принципов публикационной этики, отраженных, в частности, в рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (*Committee on Publication Ethics, COPE*), Совета по этике, Ассоциации научных редакторов и издателей, а также учитывают ценный опыт авторитетных международных журналов и издательств.

Во избежание недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиат, изложение недостоверных сведений и др.), в целях обеспечения высокого качества научных публикаций, признания общественностью полученных автором научных результатов, каждый член редакционного совета, автор, рецензент, издатель, а также учреждения, участвующие в издательском процессе, обязаны соблюдать этические стандарты, нормы и правила и принимать все разумные меры для предотвращения их нарушений. Соблюдение правил этики научных публикаций всеми участниками этого процесса способствует обеспечению прав авторов на интеллектуальную собственность, повышению качества издания и исключению возможности неправомерного использования авторских материалов в интересах отдельных лиц.

Редакция оставляет за собой право отклонить публикацию статьи в случае нарушения указанных ниже правил.

Принципы, которыми должен руководствоваться автор научных публикаций

Автор (или коллектив авторов) осознает, что несет первоначальную ответственность за новизну и достоверность результатов научного исследования, что предполагает соблюдение следующих принципов:

- авторы статьи должны предоставлять достоверные результаты проведенных исследований; заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы;
- авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в предоставленной рукописи, полностью оригинальны, при этом заимствованные фрагменты или утверждения должны быть оформлены с обязательным указанием автора и первоисточника, а чрезмерные заимствования, так же как плагиат в любых формах, включая неоформленные цита-

ты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы;

- необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования — в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования;

- авторы не должны предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале;

- в качестве соавторов статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования, при этом среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании;

- если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Нарушения публикационной этики

При возникновении ситуации, связанной с нарушением публикационной этики со стороны редактора, автора или рецензента, требуется обязательное расследование. Это распространяется как на опубликованные, так и неопубликованные материалы. Редакционный совет обязан потребовать разъяснения без привлечения лиц, которые могут иметь конфликт интересов с одной из сторон.

Редакция журнала ЭСГИ защищает репутацию авторов и внимательно относится ко всем случаям обнаружения плагиата в статьях. В целях обеспечения объективности редакция тщательно исследует каждый случай и рассматривает аргументы всех заинтересованных сторон.

Прежде чем предпринимать дальнейшие действия, редакционный совет стремится получить максимально точную информацию у авторов спорной публикации или владельцев авторских прав и изучает ее. Решение редакции беспристрастно, объективно и не зависит от третьих лиц.

Редакция журнала ЭСГИ оставляет за собой право не реагировать на обвинения в плагиате, если обвинитель предоставляет недостоверную персональную информацию либо действует в неэтичной или угрожающей форме. Редакция не обязана выносить на обсуждение случаи предполагаемого плагиата с лицами, не имеющими к нему прямого отношения.

Ethical Norms of Publishing

Editorial Board and Editor-in-Chief of the journal *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya* (ESGI) are committed to publication ethics principles adopted by international community, notably presented in Guidelines of Committee on Publication Ethics, COPE and of Russian Association of Science Editors and Publishers, Ethics Board; they also take advantage of valuable experience of respected international journals and publishing houses.

In order to avoid unfair practice in publication activities (plagiarism, statement of unreliable information etc.) and to ensure high quality of scientific publications and recognition of authors' scientific results by the public, each member of Editorial Board, author, reviewer, editor, and each of organizations participating in publishing process must observe ethical standards, norms and rules and take all reasonable measures to prevent their violation. The observance of scientific publication's ethical rules by all participants of this process contributes to assurance of authors' intellectual property right, to improvement of publications' quality and eliminates the possibility of author's materials unlawful use for the convenience of particular persons.

Editorial team reserves the right to decide against publication of a paper in the event that below specified rules are violated.

Principles to which the science publication author should comply

Author (or group of authors) is / are aware of his / her / their primary responsibility for novel nature and reliability of scholarly results, which is premised on the observance of following principles:

- the authors of a paper must provide reliable results of undertaken study; demonstrably wrong or fabricated statements are unacceptable;
- the authors must guarantee full originality of research results stated in the manuscript they provide, it being understood that borrowed fragments or statements must be presented as citations, with obligatory reference to primary author(s) and source, while excess borrowing, as well as any form of plagiarism, including text copying without source attribution, text recycling or misappropriation of other's research results, are unethical and unacceptable;

- the contributorship of all persons who influenced in some way or other the study progress, must be acknowledged; notably, the paper must contain references to works relevant to the pursuance of research;
- the authors must not provide to the journal a manuscript sent to another journal and being under consideration there nor a paper already published in another journal;
- all persons who contributed considerably to the pursuance of research must be listed as paper's coauthors, with that it is unacceptable to list among coauthors the persons who did not participate in the research;
- if the author detects significant errors or inaccuracies in the paper on the stage of its consideration or after its publication, he / she must notify the editorial team of that as soon as possible.

Publication ethics violations

Should there be situation related to publication ethics violation on the part of editor, author or reviewer, mandatory investigation is required. This is applicable to published as well as unpublished materials. Editorial Board must require explanation with no involvement of persons who might have conflict of interest with either party.

The ESGI journal editorial team protects authors' reputation and is attentive to all cases of plagiarism detection in the papers. For the sake of objectivity the editorial team investigates thoroughly each case and considers the reasons of all parties involved.

Before taking any future action the Editorial Board endeavors to obtain the most accurate information possible from the authors of publication at issue or from copyright holder and studies it. Editorial team's judgment is impartial, objective and not influenced by third parties.

The ESGI journal editorial team reserves the right to be without responding to plagiarism claims if the accuser provides unreliable personal information or acts in unethical or threatening way. Editorial team has no obligation to submit for discussion the cases of supposed plagiarism with person not having a direct relationship to it.

Для заметок
